

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 34 (1–4),

№ 1

2026

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2026. Т. 34(1–4). № 1

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [С. М. Никитюк](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.

E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://journals.rcsi.science/1999-9917>

Дата выхода в свет 23.03.2026.

Тираж 1500 (1-й завод 32) экз. Заказ № 83.

Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий,](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты](#)

[диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,](#)

[на соискание ученой степени доктора наук.](#)

© Академия ФСИН России, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никитюк Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, начальник академии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (главный редактор).

Асташова Надежда Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Афанасьев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Васюков Виталий Федорович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Воробьев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Горностаев Станислав Викторович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Епифанов Станислав Станиславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Еремкина Ольга Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Каплунов Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Кисляков Павел Александрович, доктор психологических наук, доцент, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pack.81@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Nikitjuk Sergej Mihajlovich, Candidate of Law, Head of the Academy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (editor-in-chief).

Astashova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Afanas'ev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Vasjukov Vitalij Fedorovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Vahnina Viktorija Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Vorob'ev Sergej Mihajlovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Galiev Farit Hatipovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Gornostaev Stanislav Viktorovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Epifanov Stanislav Stanislavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Operational Investigative Activities, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Eremkina Ol'ga Vasil'evna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Kaplunov Andrej Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Kisljakov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pack.81@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Николюк Вячеслав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nvv56@mail.ru.

Омелин Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Поникаров Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: minrs@yandex.ru.

Романов Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Серова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и международной деятельности, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Суворова Ольга Вениаминовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, руководитель центра, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lelia34@mail.ru.

Чепик Ольга Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор института по кафедре бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Чепик Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, анализа и учета, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Черемисова Ирина Валерьяновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Южанин Николай Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Komarov Sergej Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Mihajlova Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Nikoljuk Vjacheslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: nvv56@mail.ru.

Omelin Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Extreme Psychology for Research, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Ponikarov Vladimir Anatol'evich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru.

Romanov Aleksej Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Serova Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and International Affairs, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Suvorova Ol'ga Veniaminovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ul'janina Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Center, Federal Coordination Center for Providing Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: lelia34@mail.ru.

Chepik Ol'ga Viktorovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Institute at the Department of Accounting, Analysis, Finance and Taxation, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Chepik Sergej Georgievich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Analysis and Accounting, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Cheremisova Irina Valer'janovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Juzhanin Nikolaj Vjacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 12 *Воробьев С. М.* Анализ факторов воздействия на формирование правопослушного поведения осужденного при реализации института пробации
- 23 *Васюков В. Ф., Колычева А. Н.* Ответственность за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма в контексте формирования системы финансовой безопасности государства
- 35 *Шестакова Н. В.* Осознание общественной опасности преступления как элемент вины

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- 52 *Силантьева Н. А.* Международный опыт применения технологий цифрового слежения за осужденными

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

- 62 *Реент Ю. А.* Тюремно-полицейская система Туркестана в составе Российской империи

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 73 *Нуждин А. А.* Методологические аспекты взаимодействия должностных лиц в процессе криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений
- 82 *Злотников С. А., Седнев С. П.* Некоторые вопросы реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 88** *Цуканова Т. Г., Злобина С. Н.* Экологические правонарушения учреждений уголовно-исполнительной системы: причины и меры по их предупреждению
- 97** *Фомин В. В.* Успешная ресоциализация лиц, отбывших лишение свободы, приводит к снижению уровня рецидива преступлений
- 103** *Сенцов В. В.* Характеристика преступлений против собственности, совершенных мигрантами: криминологический аспект

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 109** *Давыдова И. Ю., Мажайский Ю. А.* Охрана земли в подсобном хозяйстве учреждения уголовно-исполнительной системы
- 121** *Томина Н. М., Цибульская Г. З.* Тыловое обеспечение в уголовно-исполнительной системе: сущность, виды обеспечения и их функциональное содержание

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 130** *Демко Т. Н.* Речевой образ сотрудника пенитенциарной службы в противостоянии обценной лексике
- 144** *Зауторова Э. В.* Изучение мотивации к познавательной деятельности курсантов образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний
- 154** *Румянцев Н. В.* Особенности развития гуманитарного образования в оборонных и правоохранительных отраслях на современном этапе

ПЕРСОНАЛИИ

- 161** *Кузнецов М. И.* Три четверти века. К юбилею Почетного работника уголовно-исполнительной системы, Почетного гражданина города Рязани, председателя совета ветеранов Академии ФСИН России Петра Петровича Бодько
- 164** *Прысь Е. В.* К 100-летию ученого: наследие профессора Зайнутдина Астемировича Астемирова в современной науке

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья
УДК 343.847

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПОСЛУШНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННОГО ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ

Сергей Михайлович Воробьев¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-7456>

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы реализации института пробации в России. Проводится анализ комплекса факторов (личностный, преступный, ограничительно-изоляционный), влияющих на формирование правомерного поведения в процессе отбывания уголовных наказаний. Делается вывод о непосредственном воздействии рассматриваемых факторов на корреляцию показателей личностного характера осужденных, к числу которых относятся установки, нормы и моральные ценности. В статье проанализирован каждый из них. Вносятся предложения по изменению некоторых положений Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» в части, касающейся нормативного раскрытия показателей личностного характера осужденных и освободившихся в процессе реализации пенитенциарной и постпенитенциарной пробации.

Ключевые слова: пробация, ресоциализация, осужденные, личность, правосознание, уголовное наказание, социальное поведение

Для цитирования

Воробьев С. М. Анализ факторов воздействия на формирование правоупослушного поведения осужденного при реализации института пробации // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 12–22.

SCIENCE FORUM

Original article

ANALYSIS OF THE FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF LAW-ABIDING BEHAVIOR OF A CONVICTED PERSON DURING THE IMPLEMENTATION OF THE PROBATION INSTITUTE

Sergey Mikhailovich Vorobyov¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, sergey.vorobev.78@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0734-7456>

Abstract. The article discusses the current problems of the implementation of the probation institute in Russia. The analysis of a complex of factors (personal, criminal, restrictive and isolationist) influencing the formation of lawful behavior in the process of serving criminal sentences is carried out. The author concludes that the factors under consideration directly affect the correlation of indicators of the personal character of convicts, which include attitudes, norms and moral values. The article analyzes each of them. The author makes proposals to amend some provisions of Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation" regarding the regulatory disclosure of personal character indicators of convicts and those released during the implementation of penitentiary and post-penitentiary probation.

Keywords: probation, re-socialization, convicts, personality, legal awareness, criminal punishment, social behavior

For citation

Vorobyov, S. M. 2026, 'Analysis of the factors influencing the formation of law-abiding behavior of a convicted person during the implementation of the probation institute', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 12–22.

Действие института пробации связано с формированием у осужденных правомерного поведения, адаптированного к благоприятной социальной среде в будущем. Эффективная реализация института пробации непосредственно будет способствовать адаптации к жизни на свободе и положительно влиять на правопослушный образ жизни. Это весьма непростой вопрос, имеющий индивидуальную направленность действия по коррекции поведения осужденного, в отношении которого применяется пробация. Индивидуальный характер действия института пробации сопряжен с личностными особенностями осужденного, имеющими свои исключительные параметры, связанные с прошлым преступным поведением и самой личностью преступника. Данные обстоятельства необходимо учитывать в каждом конкретном случае всеми субъектами и участниками пробации.

Известный русский философ А. И. Ильин отмечал: «Уголовное наказание имеет и может иметь одно единое назначение: принудительное воспитание правосознания. Присудить человека к наказанию – значит признать, что его правосознание находится в

данный момент в таком состоянии, что для него необходимо подвергнуть его обязательному, публично организованному возвращению и укреплению; это значит признать, что он не может быть предоставлен, без дальнейших мероприятий, обычной нормальной жизни, свойственной человеку как самоуправляющемуся духовному центру; это значит признать, что за период времени между преступлением и судом он не сумел самостоятельно познать неправоту своей преступившей воли и преодолеть ее силу в порядке самовоспитания. Но для того, чтобы признать это, наличное состояние его правосознания должно быть подвергнуто особому, самостоятельному рассмотрению в суде или же в особой коллегии, компетентной в исследовании правосознания и в путях его живого воспитания. Наказанию подлежит тот, кто не может, не умеет или не хочет побороть в себе противоправную волю; но это означает, что наказание не есть уже наказание, а социально педагогическая мера и что характер этой меры должен быть, в применении ее, строго индивидуализирован» [1, с. 78].

Индивидуализация процесса исполнения уголовного наказания прямым образом сказывается на правосознании осужденного, под действием которого будет развиваться правомерное поведение. Правосознание осужденного и его правомерное поведение – это два взаимосвязанных между собой компонента, где правосознание формирует позитивное отношение к праву, закону, правопорядку, тем самым направляет волю личности на осознание, реализацию правомерного поведения. Процесс формирования правомерного поведения связан с действием комплекса факторов, к числу которых можно отнести личностный, преступный и ограничительно-изоляционный факторы. Обратимся к их характеристике.

Личностный фактор. Каждый осужденный является полноценной, сформировавшейся личностью (исключение составляют несовершеннолетние), имеющей свои поведенческие стереотипы, взгляды, убеждения, мотивацию и жизненный опыт, связанный с определенным уровнем воспитания и развития. На формирование личностных качеств огромное влияние оказывает воспитательный процесс со стороны социальной среды, которая изменяется во времени и в силу возрастных характеристик человека. На первоначальном этапе и в последующем воспитательное воздействие оказывают различные социальные институты, такие как семья, школа, армия, институт, религия. Особое место среди них занимает семья, потому как этот институт является первоначальной основой для вхождения человека как полноценной личности в общество. Иначе говоря, семья раскрывает начала социализации, ее первоначальные ступени. От того, как этот процесс осуществлен, будет зависеть дальнейшее развитие личностных качеств человека. Семья может быть благополучной или неблагополучной, либо роль института семьи при ее отсутствии выполняет специализированное социальное учреждение (дом ребенка, интернат, школа-интернат). Возможна ситуация, когда роль семейного воспитания осуществляют опекуны из числа близких родственников или ребенка воспитывает один из родителей. Из этого следует, что будущая модель поведения осужденного будет складываться из двух комплексных векторов развития, взаимодополняющих друг друга, – поведение личности до и во время преступной деятельности. Предпреступная жизнедеятельность личности зависит от степени качественной реализации социальных институтов, от того, насколько они могли повлиять на формирование личностных качеств и социальное поведение.

Данные векторы развития поведения будут играть роль своеобразных маркеров, предопределяющих прогнозирование будущего поведения осужденного (позитивного

или негативного). Мы считаем, что именно они являются главенствующими в формировании социального поведения осужденного. Развитие этих векторов будет зависеть от уровня правосознания осужденного, которое превалирует над ними. Практическим сотрудникам важно знать иерархию приоритетного распределения социальных институтов в сознании осужденного и с учетом этого выстраивать последующую воспитательную работу с ним.

Преступный фактор. Каждый осужденный имеет свой отрицательный преступный (криминальный) опыт, связанный с попаданием по разным причинам в преступную среду. Субъектам probation важно при этом знать, каким образом осужденный встал на криминальный путь? Что способствовало этому? Какой мотив был связан с совершением преступления? Какое личное отношение было у преступника к совершенному преступлению? Каким способом было совершено преступление? Какое отношение осужденного к потерпевшему?

Нахождение человека в социальной преступной (криминальной) среде будет способствовать мотивации для совершения преступлений, тяжести совершенных преступлений, их количеству, наступлению неблагоприятных последствий. Изучая индивидуальный преступный опыт осужденного, важно понять, какие интенции (намерения) способствовали его вовлечению в преступную среду (мода на преступный образ жизни, влияние старших по возрасту друзей, поиск «легкого» дохода, жажда завладения чужим имуществом, антиобщественный образ жизни), либо он совершил преступление по неосторожности. Это необходимо для определения наиболее эффективных средств исправления осужденного (установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие) в силу того, что преступная связь осужденного в местах лишения свободы может не прерываться и осужденные могут быть участниками различных конфликтных ситуаций.

С позиции заслуженного юриста Российской Федерации, члена-корреспондента РАН Е. А. Лукашевой, формирование нового человека – процесс длительный и сложный, его нельзя рассматривать как бесконфликтное поступательное наращивание позитивных качеств. В данном процессе в какой-то области общественных отношений могут получить распространение и негативные моральные состояния [2, с. 214].

Заслуженный деятель науки Российской Федерации Ю. М. Антонян считает, что криминогенная мотивация, имевшая место до осуждения, у многих продолжает существовать и в период отбывания наказания. Представляется, что такая мотивация при определенных условиях может носить устойчивый характер. Криминогенная мотивация поведения осужденных, закрепленная в местах лишения свободы, находит свое выражение и после освобождения. Даже в условиях свободы бывшие осужденные часто продолжают мыслить теми же стереотипами, которые существуют в местах лишения свободы, в частности, отрицать свою вину даже в тех случаях, когда она совершенно очевидна. Формирование криминогенной мотивации осужденных находится в прямой зависимости от противоречивости такого вида наказания, как лишение свободы. Процесс формирования криминогенной мотивации носит многоступенчатый и специфический характер. Он непосредственно взаимосвязан с отрицанием лицом примененного к нему наказания [3, с. 147–154]. Полагаем, что непосредственно условия отбывания наказания и социальная среда в местах лишения свободы должны в идеале способствовать нейтрализации преступной мотивации осужденных. В связи с этим проводи-

мая со спецконтингентом воспитательная работа должна всесторонне быть нацелена на привлечение институтов гражданского общества, которые максимально могли бы оказать на них позитивное воздействие и перетрансформировали их сознание.

По мнению В. А. Унтерова, стабильно высокой детерминантой совершения пенитенциарных преступлений против жизни и здоровья остается наличие конфликтной ситуации в среде осужденных. Несмотря на предпринимаемые со стороны государства меры по реформированию уголовно-исполнительной системы (УИС), данный криминогенный фактор наряду с существованием криминальной субкультуры продолжает оказывать виктимизирующее воздействие на значительную часть лиц, содержащихся в учреждениях УИС, которые не в полной мере осознают уязвимость своего положения. Механизм пенитенциарных преступлений против жизни и здоровья характеризуется наличием пенитенциарного конфликта и воздействием криминальной субкультуры, которые вызывают групповую виктимизацию у значительной части лиц, содержащихся в условиях принудительной изоляции от общества [4, с. 10, 19].

Если присутствует групповая виктимизация в местах изоляции от общества, то наличествует преступная (криминальная) зараженность, которая не является одномоментным и фрагментарным явлением. Это поступательный процесс втягивания в преступную деятельность лиц, склонных совершить пенитенциарные преступления насильственного характера и готовых к совершению массовых неповиновений. Одновременно в этот процесс включены лица, выступающие в роли «жертвы» виктимизации. Как правило, это могут быть осужденные, по принуждению втянутые в преступную деятельность для совершения преступлений под страхом запугивания и угрозы расправы. Еще есть «осужденные-потерпевшие» – лица, которым был причинен преступный вред в результате противоправных действий. Охват количества осужденных в процесс виктимизации непредсказуем, поскольку процессы ее формирования могут носить латентный характер.

Ограничительно-изоляционный фактор. Формирование позитивного поведения осужденного осложняется делящейся трудной жизненной ситуацией, связанной с нахождением человека в непосредственной изоляции от общества. Эта ситуация может способствовать появлению и развитию тяжелой психологической травмы для осужденного длительного характера. Отбывание наказания в виде лишения свободы связано с определенными ограничениями и запретами, установление которых должно способствовать процессу исправления. Например, к их числу можно отнести ограничения передвижения, пользования запрещенными вещами, предметами, ограничения коммуникативного характера и пр. Эти ограничения обусловлены законодательными запретами, которые устанавливаются юридическими нормами исходя из правового положения осужденных и режимных требований учреждений. Так, содержание ст. 10 УИК РФ определяет, что при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации. В соответствии со ст. 82 УИК РФ режим в исправительных учреждениях – это установленный законом и соответствующими законом нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависи-

мости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Тем самым мы имеем три группы сопряженных между собой факторов (личностный, преступный, ограничительно-изоляционный), неоднозначно влияющих на социальное поведение осужденных. Обозначенные нами факторы действуют на осужденных комплексно. Однако мы можем предположить, что развитие каждого фактора в отдельности имеет свой эпицентр развития, усиливающий отрицательное корреляционное воздействие. Наличие имеющихся факторов будет прямо сказываться на корреляции показателей личностного характера осужденных при осуществлении пенитенциарной и постпенитенциарной пробации.

В соответствии с положениями ч. 1 ст. 4 «Цели и задачи пробации» Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» целями пробации являются коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений.

В структуре указанного Федерального закона предусмотрена гл. 4 «Пенитенциарная пробация», в которой содержится ч. 1 ст. 15 «Социальная реабилитация осужденных, отбывающих наказания», где законодатель определяет показатели личностного характера осужденных, на обеспечение которых должна быть направлена работа по восстановлению и укреплению социальных связей осужденных в рамках социальной реабилитации. Эта деятельность должна способствовать формированию новой системы установок, норм и моральных ценностей. Аналогичные показатели личностного характера осужденных предусмотрены положениями гл. 5 «Постпенитенциарная пробация», в структуре которой закреплена ст. 22 «Социальная реабилитация лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы».

Приведенные нами нормы не конкретизированы законодателем и лишены смысловой нагрузки ввиду того, что остается неясным, какая именно система новых установок, норм и моральных ценностей должна быть сформирована при пенитенциарной и постпенитенциарной пробации. Несовершенство действующих норм может повлечь за собой смысловое непонимание содержания текста отдельных положений закона со стороны всех субъектов и участников реализации института пробации. Конкретизация законодателем личностных компонентов, необходимых для формирования навыков социального поведения осужденных, будет способствовать минимизации угроз возникновения рисков. Распространение рисков будет являться следствием неоднозначного восприятия положений действующего законодательства и отрицательного влияния на качество действий субъектов в сфере пробации. Отсутствие ясности в законодательных положениях будет способствовать распространению отрицательной практики реализации обозначенных нами видов пробации по аналогии или профессиональному усмотрению. Это, в свою очередь, снизит эффективность и целесообразность института пробации в России. В связи с этим мы остановимся на характеристике необходимых компонентов в структуре личности осужденных (новые установки, нормы, моральные ценности), предопределяющих соответствующие навыки социального поведения в рамках его коррекции в процессе реализации института пробации.

Новые установки. На наш взгляд, законодатель, обозначая личностный показатель – «новые установки», имеет в виду новые установки социального поведения, поскольку осужденные после отбывания уголовного наказания будут реализовывать

свои новые позитивные волевые намерения и устремления в социальной среде. В практическом плане важно знать и понимать, что в поведении осужденного проявляется целеустремленность на реализацию соответствующей установки. Выявление новых установок в поведении осужденного будет способствовать выстраиванию наиболее грамотной и эффективной индивидуальной воспитательной работы с осужденными.

По мнению основоположника теории установки Д. Н. Узнадзе, в случае наличия какой-нибудь потребности и ситуации ее удовлетворения в субъекте возникает специфическое состояние, которое можно охарактеризовать как установку его к совершению определенной деятельности, направленной на удовлетворение его актуальной потребности. Установка является готовностью к активности в определенном направлении и возникает на базе взаимодействия потребности и среды, но не среды вообще, а лишь той, влиянию которой человек подвергается в данный момент [5, с. 170].

Ш. А. Надирашвили предложил рассматривать в качестве самостоятельной активности личности относящуюся к социальному поведению волевою активность, которая регулируется системой ценностных ориентаций, нравственных принципов (как они фиксируются в самосознании индивида, в его «психологическом автопортрете») [6, с. 89].

Заслуженный деятель науки Российской Федерации Р. А. Ромашов отмечает, что в ходе послепенитенциарной ресоциализации важно сформировать положительные жизненные установки, личную убежденность освободившегося в том, что лишение свободы – это определенный жизненный этап, своеобразный урок, с достойным восприятием которого непосредственным образом связывается жизненный путь после окончания срока наказания [7, с. 187].

С учетом позиций авторитетных ученых установка рассматривается нами как целеустремленная волевая активность осужденного, основанная на нравственных принципах, направленная на достижение позитивного результата, связанного с возможностями получения образования, освоением новой профессии, восстановлением нарушенных родственных связей, созданием семьи, участием в творческих инициативах, созданием общественных инициатив, совершенствованием физической подготовки, психофизиологическим восстановлением здоровья и пр. Установки осужденного должны обладать целеустремленностью, устойчивостью, выраженностью поведения, воздействовать на социальный объект, поддаваться самостоятельной оценке.

Нормы. Законодатель, устанавливая личностный показатель в виде формирования норм поведения осужденных при реализации социальной ресоциализации осужденных, отбывающих наказания, и при реализации социальной реабилитации лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, по всей видимости, имеет в виду социальные нормы. Социальная направленность норм исходит из целей и задач probation, а также особенностей ресоциализации. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ под ресоциализацией понимается комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и (или) лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера. В связи с этим обратимся к понятию и признакам социальных норм.

Профессор Л. И. Петражицкий в начале XX века отмечал, что под социальными нормами понимаются правила поведения, которые являются «выражениями воли одних по адресу других» или просто «веляниями» [8, с. 312–313].

По мнению профессора М. И. Бобневой, социальные нормы – это предписания, устанавливающие, задающие и регулирующие отношения и взаимодействия членов любых социальных групп в единой структуре общества. Они переводят внеличные требования общества и групп в эталоны, модели, стандарты модального – должного, обязательно-приемлемого (или запрещаемого, неодобряемого и т. п.) поведения входящих в эти группы индивидов, адресуя эти требования личности [9, с. 8].

С точки зрения профессора Ю. А. Клейберга, социальная норма – обусловленный социальной практикой социокультурный инструмент регулирования отношений в конкретно-исторических условиях жизни общества [10, с. 14].

С учетом обозначенных нами позиций мы предлагаем следующее определение социальных норм: это объективно существующие правила поведения, направленные на регулирование отношений между людьми с целью достижения социально значимого поведения. Особенности действия социальных норм: образуются в целях социальной необходимости развития общества; являются правилами поведения; отражают в себе особенности исторического развития общества; адаптированы на многократное количество повторений; носят общий характер; обеспечиваются авторитетом социального класса, социальной группы и социального слоя населения; имеют особый порядок реализации.

Заслуженный деятель науки Российской Федерации Г. В. Мальцев считал, что социальные нормы программируют человеческое поведение, устанавливают координационные и субординационные связи между действиями индивидов, коллективов, ответственных групп, осуществляют социальный контроль в обществе. Кроме того, нормы необходимы человеку и социальной группе, чтобы адаптироваться в общественной среде, вжиться в нее, освоить ее настолько, чтобы в том числе можно было воздействовать на эту среду сразу, управлять ею через целенаправленные изменения. При помощи огромного множества разнообразных по виду и содержанию норм можно создавать практически бесконечное число программ индивидуального и группового поведения, заменять неудачные формы деятельности лучшими, непрерывно совершенствовать стиль поведения и образ жизни общества [11, с. 514].

К социальным нормам осужденных могут быть отнесены обычаи, традиции, этикет, моральные, религиозные, этические и правовые нормы. Субъектам probation важно понять и определить, какие именно социальные нормы являются приоритетными в поведении личности осужденного и те социальные нормы, которые следует развивать в процессе ресоциализации осужденного для его качественной адаптации к жизни на свободе в новой социальной среде. Под воздействием социальных условий и личностных убеждений каждый осужденный будет определять свою собственную (приоритетную) систему социальных норм. Приоритетом в этом является долженствование, посредством которого личность распределяет приоритеты между выбором социальных норм, может с ними соглашаться либо, наоборот, руководствоваться ими. Долженствование способствует личностному определению и распределению акцентов в выборе социальных норм.

Моральные ценности. Данный показатель личности осужденного отражает в себе личностные представления о необходимом и должном нравственном благе, который

сочетает убеждения, принципы и идеалы, а также способы их достижения. Моральные ценности раскрывают субъективные нравственные начала, которыми руководствуется личность. Следовательно, отношение осужденного к новой социальной среде при реализации правомерного поведения должно выстраиваться через систему собственных моральных ценностей и оценок.

Моральные ценности есть особые свойства объектов и субъектов, характеризующие их единство, место в мире с позиций добра и зла. С точки зрения ценности, во-первых, есть общественные идеалы; во-вторых, ценности предстают как «зафиксированные в культуре предметные воплощения»; в-третьих, ценности существуют в форме личностных ценностей. Ценность есть особое качество, которое связано с объектами и субъектами, и характеризует их единственность, единство, их место во всеобщей взаимосвязи [12, с. 10–11, 23–24].

Такие моральные ценности, как добро, справедливость, милосердие, патриотизм, честность, любовь, верность, дружба, достоинство, честь, уважение, моральный долг, совесть, альтруизм, могут рассматриваться в качестве приоритетных личностных показателей у осужденных.

С учетом указанного считаем необходимым изложить в новой редакции содержание ч. 1 ст. 15 и ст. 22 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»:

– ч. 1 ст. 15 «Социальная реабилитация осужденных, отбывающих наказания» – «1. Для формирования новой системы установок (получение образования, освоение новой профессии, восстановление нарушенных родственных связей, создание семьи, участие в творческих инициативах, создание общественных инициатив, совершенствование физической подготовки, психофизиологическое восстановление здоровья), норм (обычаи, традиции, этикет, моральные нормы, религиозные нормы, этические нормы, правовые нормы) и моральных ценностей (добро, справедливость, милосердие, патриотизм, честность, любовь, верность, дружба, достоинство, честь, уважение, моральный долг, совесть, альтруизм), соответствующих навыков социального поведения в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, проводится работа по восстановлению и укреплению социальных связей осужденных.»;

– ст. 22 «Социальная реабилитация лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы» – «Для формирования новой системы установок, (получение образования, освоение новой профессии, восстановление нарушенных родственных связей, создание семьи, участие в творческих инициативах, создание общественных инициатив, совершенствование физической подготовки, психофизиологическое восстановление здоровья), норм (обычаи, традиции, этикет, моральные нормы, религиозные нормы, этические нормы, правовые нормы) и моральных ценностей (добро, справедливость, милосердие, патриотизм, честность, любовь, верность, дружба, достоинство, честь, уважение, моральный долг, совесть, альтруизм), соответствующих навыков социального поведения, повышения социального статуса лиц, в отношении которых применяется постпенитенциарная пробация, уголовно-исполнительными инспекциями проводится работа по восстановлению и формированию социальных связей, предусматривающая реализацию мероприятий, указанных в статье 15 настоящего Федерального закона».

Список источников

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. М. : Рарогъ, 1993. 235 с.
2. Лукашева Е. А. Право. Мораль. Личность : монография. М. : Наука, 1986. 265 с.
3. Антонян Ю. М., Колышницына Е. Н. Детерминация криминогенной мотивации поведения осужденных, определяемая субъективным восприятием наказания // Общество и право. 2009. № 3. С. 144–155.
4. Унтеров В. А. Преступления против жизни и здоровья, совершаемые осужденными в исправительных учреждениях: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2023. 24 с.
5. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. 210 с.
6. Надирашвили Ш. А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси : Мецниереба, 1974. 170 с.
7. Ромашов Р. А. Пенитенциарная социализация и постпенитенциарная ресоциализация лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 7. С. 181–194.
8. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб. : Слово, 1907. Т. 2. 656 с.
9. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1980. 36 с.
10. Клейберг Ю. А. Социальные нормы и отклонения. М. : Вита-пресс, 1997. 142 с.
11. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма ; Инфра-М, 2011. 799 с.
12. Матвеев П. Е. Моральные ценности : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. 43 с.

References

1. Ilyin, I. A. 1993, *On the essence of legal consciousness*, Rarog, Moscow.
2. Lukasheva, E. A. 1986, *Law. Moral. Personality: monograph*, Nauka, Moscow.
3. Antonyan, Yu. M. & Kolyshnitsyna, E. N. 2009, 'Determination of the criminogenic motivation of convicts' behavior, determined by the subjective perception of punishment', *Society and Law*, iss. 3, pp. 144–155.
4. Unterov, V. A. 2023, *Crimes against life and health committed by convicts in correctional institutions: criminal law and criminological aspects: PhD thesis (Law)*, Ryazan.
5. Uznadze, D. N. 1961, *Experimental foundations of the psychology of attitude*, Tbilisi.
6. Nadirashvili, S. A. 1974, *The concept of attitude in general and social psychology*, Metsniereba, Tbilisi.
7. Romashov, R. A. 2018, 'Penitentiary socialization and post-penitentiary re-socialization of persons sentenced to imprisonment', *Legal science: history and modernity*, iss. 7, pp. 181–194.
8. Petrazhitzky, L. I. 1907, *Theory of law and the state in connection with the theory of morality*, Vol. II, Slovo, St. Petersburg.
9. Bobneva, M. I. 1980, *Social norms and regulation of behavior: Sc.D thesis (Psychological sciences)*, Moscow.
10. Kleiberg, Yu. A. 1997, *Social norms and deviations*, Vita-press, Moscow.
11. Maltsev, G. V. 2011, *Social foundations of law*, Norma, Infra-M, Moscow.
12. Matveev, P. E. 2007 *Moral values: Sc.D thesis (Philosophical sciences)*, Moscow.

Информация об авторе

С. М. Воробьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права.

Information about the author

S. M. Vorobyov – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the theory of state and law, international and european law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 15.01.2026.

The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 15.01.2026.

Научная статья
УДК 343.7

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Виталий Федорович Васюков¹, Алла Николаевна Колычева²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва, Россия, vvf0109@yandex.ru

² Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Россия, allakolycheva87@gmail.com

Аннотация. Особое внимание в статье уделено проблематике криптовалют, которые, обладая экономическими признаками имущества, до сих пор сохраняют неопределенный правовой статус. Анализ судебной практики свидетельствует о разнородности квалификационных подходов: одни суды рассматривают криптовалюту как предмет преступления, другие отказывают в ее признании таковым. Подобная коллизия снижает эффективность уголовно-правовой охраны и способствует уклонению от ответственности за преступления в цифровой сфере. Признание криптовалюты имуществом для целей уголовного закона представляется необходимым шагом к гармонизации права. В перспективе развитие рассматриваемого института будет определяться степенью цифровизации финансового контроля и уровнем международной координации. Использование технологий искусственного интеллекта, систем анализа блокчейна и инструментов финансовой разведки открывает новые возможности для раннего выявления рисков легализации преступных доходов. Одновременно возрастает значение профессиональной компетенции специалистов и международных оценочных механизмов, что придает институту наказания новое содержание – не только карательное, но и стратегическое, направленное на защиту правопорядка, экономической стабильности и глобальной безопасности.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, финансирование терроризма, уголовная ответственность, финансовая безопасность, уголовная политика

Для цитирования

Васюков В. Ф., Колычева А. Н. Ответственность за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма в контексте формирования системы финансовой безопасности государства // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 23–34.

© Васюков В. Ф., Колычева А. Н., 2026

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Original article

RESPONSIBILITY FOR MONEY LAUNDERING AND TERRORIST FINANCING IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE FINANCIAL SECURITY SYSTEM OF THE STATE

Vitaly Fedorovich Vasyukov¹, Alla Nikolaevna Kolycheva²

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, vvf0109@yandex.ru

² Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Orel, Russia, allakolycheva87@gmail.com

Abstract. The article pays special attention to the problems of cryptocurrencies, which, having economic characteristics of property, still retain an uncertain legal status. An analysis of judicial practice shows the heterogeneity of qualifying approaches: some courts consider cryptocurrencies as the subject of a crime, while others refuse to recognize them as such. Such a conflict reduces the effectiveness of criminal law protection and contributes to evading responsibility for crimes in the digital sphere. The recognition of cryptocurrencies as property for the purposes of criminal law seems to be a necessary step towards the harmonization of law. In the future, the development of the institution in question will be determined by the degree of digitalization of financial control and the level of international coordination. The use of artificial intelligence technologies, blockchain analysis systems, and financial intelligence tools opens up new opportunities for early detection of money laundering risks. At the same time, the importance of the professional competence of specialists and international assessment mechanisms is increasing, which gives the institution of punishment a new content – not only punitive, but also strategic, aimed at protecting law and order, economic stability and global security.

Keywords: money laundering, terrorist financing, criminal liability, financial security, criminal policy

For citation

Vasyukov, V. F. & Kolycheva, A. N. 2025, 'Responsibility for money laundering and terrorist financing in the context of the formation of the financial security system of the State', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 23–34.

Формирование современного института противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма представляет собой закономерный результат многолетней эволюции представлений о преступности как социально-экономическом явлении, подрывающем устойчивость национальных и глобальных финансовых систем. На рубеже XX–XXI вв. стало очевидно, что преступные капиталы, независимо от сферы их происхождения, представляют собой угрозу для общественной безопасности, поскольку, проникая в легальный оборот, искажают принципы рыночной конкурен-

ции, формируют теневые зоны влияния и создают финансовую основу для коррупции и терроризма.

Если первоначально законодательные и уголовно-правовые меры концентрировались на изъятии непосредственных доходов от преступлений и наказании виновных лиц, то со временем вектор регулирования сместился в сторону системного контроля за движением финансовых потоков и создания международных механизмов их блокирования [1, с. 21]. Первые попытки юридического осмысления феномена «отмывания денег» предпринимались в 1970–1980-е годы в США, где остро стояла проблема легализации доходов от незаконного оборота наркотиков. Был выработан базовый подход, заключавшийся в признании самой операции по приданию преступным доходам видимости законности самостоятельным преступлением. Уголовное преследование лиц, участвовавших в подобных схемах, предполагало не только конфискацию имущества, но и суровые меры наказания – значительные сроки лишения свободы и крупные штрафы, что стало важным сигналом для других государств [2, с. 314]. Этот опыт оказал влияние на формирование Конвенции ООН 1988 г. против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в которой впервые на универсальном уровне закрепились обязанность государств вводить уголовную ответственность за действия, направленные на сокрытие или маскировку незаконного происхождения активов¹.

В последующие годы международное сообщество пришло к выводу о том, что борьба с легализацией преступных доходов не может ограничиваться узкой сферой наркобизнеса. Постепенно формировалось понимание того, что аналогичные механизмы используются для легализации доходов от коррупции, торговли оружием, мошенничества и иных тяжких преступлений. В связи с этим в 1989 г. была создана Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (англ. Financial Action Task Force, далее – FATF), ставшая основным центром выработки международных стандартов в данной области [3, с. 453]. Разработанные ею рекомендации приобрели характер универсального эталона, к которому государства стремились привести свои внутренние системы финансового контроля. Параллельно начала складываться и общая концепция наказуемости за деяния, направленные на легализацию доходов: государствам рекомендовалось устанавливать не только уголовную, но и административную ответственность, допуская широкий спектр санкций – от штрафов и лишения лицензий до длительного заключения².

Существенное влияние на развитие рассматриваемого института оказала и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., закрепившая комплексный подход к противодействию преступным сообществам, включая их финансовую инфраструктуру. Важнейшей новацией стало закрепление обязательности конфискации имущества, полученного преступным путем, и расширение механизмов международного сотрудничества в его розыске и аресте³. В уголовно-правовом смысле эта Конвенция стала точкой отсчета для унификации подходов к наказанию за отмывание

¹ United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances (Vienna, 20 December 1988) // United Nations Treaty Series. Vol. 1582. P. 95. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1988/12/19881220%2000-52%20AM/Ch_VI_19p.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

² The FATF Recommendations. Updated March 2023. Paris: Financial Action Task Force (FATF/OECD). URL: https://cbr.ru/content/document/file/156250/st_23.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

³ United Nations Convention against Transnational Organized Crime (Palermo, 15 November 2000) // United Nations Treaty Series. Vol. 2225. URL: <https://www.unodc.org/unodc/en/organized-crime/intro/UNTOC.html> (дата обращения: 10.11.2025).

доходов: в ряде стран были введены минимальные санкции, например, не менее трех лет лишения свободы, а в некоторых правовых системах – пожизненное заключение при отягчающих обстоятельствах, связанных с участием в организованной группе [4, с. 59].

Отдельного внимания заслуживает формирование норм, касающихся финансирования терроризма. Международная конвенция 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма впервые прямо установила уголовную ответственность за сбор или передачу средств в целях совершения террористических актов, независимо от факта их реализации. Данная конструкция носила превентивный характер и исходила из признания опасности самого факта финансирования, что стало важнейшим шагом в развитии международного права [5, с. 138].

После терактов 11 сентября 2001 г. вопрос о наказуемости финансирования терроризма приобрел особую актуальность: государствам было предложено не только усиливать санкции, но и внедрять механизмы немедленного замораживания подозрительных активов. В ряде юрисдикций, включая США и Великобританию, были введены нормы, предусматривающие длительные сроки лишения свободы – до 20 лет и более, а также возможность конфискации всех активов, прямо или косвенно связанных с преступлением [6, с. 115].

Таким образом, историческое становление института противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма демонстрирует поступательный переход от реактивной модели наказания к превентивно-комплексной системе, где уголовно-правовые санкции сочетаются с административными и финансовыми ограничениями. Этот процесс сопровождался постепенным осознанием того, что эффективность борьбы с преступными капиталами определяется не столько строгостью наказаний, сколько их неотвратимостью, прозрачностью финансового сектора и возможностью оперативного международного взаимодействия. В совокупности эти факторы заложили основу для формирования современного содержания рассматриваемого института, в котором наказание выступает не изолированной мерой, а элементом комплексного механизма защиты экономической безопасности.

Развитие международных стандартов противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма стало ключевым фактором, определившим последующую трансформацию национальных правовых систем. При этом важнейшей задачей международных актов было не только унифицировать понятие отмывания доходов, но и сформировать согласованные подходы к мерам наказания, обеспечивающим превентивный и репрессивный баланс. Уже в начале 1990-х годов государства – члены FATF признали, что без введения универсальных критериев ответственности невозможно достичь единых стандартов финансовой безопасности. Вслед за этим началась гармонизация национальных уголовных кодексов, сопровождавшаяся внедрением институтов конфискации, уголовной и административной ответственности юридических лиц, а также формированием специализированных органов финансовой разведки [7, с. 9].

Наиболее последовательно международные стандарты воплотились в европейском правовом пространстве. Совет Европы в 1990 г. принял Конвенцию о легализации, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, а позднее – Варшавскую конвенцию 2005 г., где был закреплен принцип пропорциональности наказания тяжести преступления и размеру извлеченной выгоды. Эти акты задали вектор на установление строгих санкций: лишение свободы до 12 лет, штрафы в размере многократной суммы незаконного дохода и обязательная конфискации имущества, включая

активы, переданные третьим лицам¹. Таким образом, наказание стало рассматриваться не только как реакция на преступление, но и как инструмент экономического восстановления социальной справедливости.

В Соединенных Штатах развитие института сопровождалось усилением уголовных санкций и расширением возможностей государства по преследованию преступных активов. Закон Patriot Act 2001 г., принятый после террористических актов 11 сентября, придал особое значение превентивной функции наказания: лица, признанные виновными в финансировании терроризма, подвергались не только лишению свободы на срок до 20 лет, но и пожизненной дисквалификации от ведения финансовой деятельности. Американская модель демонстрирует тенденцию к интеграции уголовного преследования и гражданских взысканий, когда наказание охватывает не только виновное лицо, но и его корпоративное окружение, что делает механизм воздействия комплексным и социально ориентированным [8, с. 29].

Российская Федерация восприняла международные обязательства в рамках участия в ООН, Совете Европы и Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов (ЕАГ). В 1997 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) была введена ст. 174, предусматривающая ответственность за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. Законодатель установил широкий диапазон наказаний – от штрафов до лишения свободы сроком до 7 лет, а при квалифицирующих признаках (совершение группой лиц, использование служебного положения, крупный размер) – до 10 лет. Впоследствии ст. 174.1 конкретизировала ответственность за легализацию имущества, приобретенного самим виновным, что устранило пробел, связанный с самоотмыванием. Этот шаг продемонстрировал тенденцию к ужесточению ответственности, отражающую общемировой тренд на снижение толерантности к экономическим преступлениям [9, с. 552].

В сфере противодействия финансированию терроризма российский законодатель опирался на международные стандарты FATF и положения Международной конвенции 1999 г. Так, ст. 205.1 УК РФ закрепила ответственность за содействие террористической деятельности, включая финансирование, обучение, вооружение и обеспечение транспорта, а ст. 205.4 установила наказание за создание террористического сообщества. В отличие от норм о легализации преступных доходов, эти составы носят ярко выраженный превентивный характер: наказуемым признается не только сам факт финансирования, но и действия, направленные на его подготовку. В санкциях отражается повышенная общественная опасность деяний – лишение свободы до 15 лет, а в особо тяжких случаях – до пожизненного заключения.

Примечательно, что в российской правоприменительной практике усиливается значение конфискации имущества как меры уголовно-правового характера. Постепенно она становится не только способом возмещения ущерба, но и самостоятельной формой наказания, направленной на подрыв экономических основ преступной деятельности. Это сближает отечественный подход с международной тенденцией, где экономические

¹ Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of the Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism (Warsaw, 16 May 2005) // Council of Europe Treaty Series. No. 198. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/-/council-of-europe-council-of-europe-convention-on-laundering-search-seizure-and-confiscation-of-the-proceeds-from-crime-and-on-the-financing-of-terror> (дата обращения: 10.11.2025).

санкции рассматриваются в единстве с лишением свободы, обеспечивая комплексное воздействие на преступников.

В государствах – членах Европейского союза прослеживается аналогичная логика. Так, Директива ЕС 2018/1673 предусматривает минимальный срок лишения свободы за отмыwanie доходов в размере четырех лет и вводит обязательные санкции для юридических лиц: крупные штрафы, запрет на осуществление деятельности, роспуск организации и исключение из государственных реестров¹. Эти меры направлены на недопущение повторных нарушений и служат профилактической основой для всей системы финансового контроля.

В странах Глобального Юга, включенных в сеть региональных антиотмывочных групп, подход к наказанию формируется с учетом национальных особенностей. Например, в странах Юго-Восточной Азии уголовные санкции часто сопровождаются административными запретами на ведение бизнеса, а в некоторых странах Латинской Америки – пожизненной конфискацией имущества, даже в случае освобождения лица от наказания по иным основаниям. Такая гибридность свидетельствует о стремлении адаптировать международные стандарты к местным реалиям и сохранить баланс между наказанием и возможностью реабилитации [10, с. 60].

Таким образом, развитие международных и национальных стандартов ответственности за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма демонстрирует переход от фрагментарного подхода к системной модели, где наказание выступает элементом более широкой правовой стратегии. Современные тенденции указывают на необходимость сочетания строгих санкций с эффективными механизмами финансового контроля и международного сотрудничества, что обеспечивает реальное достижение цели рассматриваемого института – защита правопорядка, экономической стабильности и международной безопасности.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что современные угрозы финансовой безопасности государства во многом связаны с быстрым развитием криптовалютных технологий, обеспечивающих анонимность операций и отсутствие централизованного контроля. Криптовалюта стала одним из ключевых инструментов, используемых для легализации преступных доходов и финансирования терроризма, поскольку ее правовой статус остается неопределенным, а трансграничный характер обращения затрудняет контроль со стороны национальных регуляторов. В этих условиях уголовная ответственность за операции с криптовалютой приобретает особое значение. Она выступает не только средством реагирования на уже совершенные преступления, но и элементом защиты финансовой системы от подрыва доверия к государственным институтам и подмены законного денежного оборота теневыми схемами [11, с. 47].

Сложности правоприменения усугубляются отсутствием единообразной судебной практики. Одни суды квалифицируют сам факт конвертации криптовалюты в рубли как отмыwanie, другие придерживаются позиции, что подобные действия лишь завершают предикатное преступление. Такая неоднородность решений порождает риск объективного вменения, при котором технические особенности криптоопераций подменяют доказанность субъективной стороны деяния. Учитывая высокую степень автоматизации

¹ Directive (EU) 2018/1673 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on combating money laundering by criminal law // Official Journal of the European Union. L 284.12.11.2018. P. 22–30. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32018L1673> (дата обращения: 10.11.2025).

обменных процессов и анонимность блокчейн-транзакций, правоприменитель должен отличать действия, на самом деле направленные на легализацию от обычного использования цифровой валюты. Для этого требуется внедрение специальных методик криминалистического анализа криптокошельков, блокчейн-трассировки и экспертной оценки операций с цифровыми активами [12, с. 238].

В своем исследовании К. В. Ображиев справедливо отмечает, что «практика квалификации посягательств на цифровую валюту находится в стадии формирования, причем формируется она путем проб и ошибок, что вполне закономерно с учетом неопределенности правового статуса криптоактивов и отсутствия непротиворечивых доктринальных рекомендаций». Автор также указывает на то, что в судебной практике имели место случаи отказа в признании криптовалюты предметом преступлений против собственности на том основании, что она не относится к объектам гражданских прав. Подобная позиция фактически приводила к отсутствию надлежащего уголовно-правового реагирования на общественно опасные посягательства, совершаемые в отношении цифровых активов [13, с. 77].

Показателен в данном контексте пример из практики Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга, который, рассматривая дело о вымогательстве, исключил из общего объема требуемого под угрозой имущества криптовалюту стоимостью свыше 55 млн рублей. В приговоре суд указал, что, исходя из положений ст. 128, 209 ГК РФ, а также ст. 158 УК РФ криптовалюта не может рассматриваться как предмет преступления против собственности. По мнению суда, в связи с отсутствием правового статуса криптовалюты признание ее объектом гражданских прав не представляется возможным: данный вид виртуальных денежных средств не подпадает ни под одну из предусмотренных законом категорий, не является законным средством платежа на территории Российской Федерации, а самим законодателем отнесен к суррогатам денежных средств. На этом основании суд исключил из объема обвинения эпизод, связанный с завладением криптовалютой¹.

Таким образом, можно заключить, что в рамках формирования системы финансовой безопасности государства особое значение приобретает баланс между эффективным контролем за оборотом цифровых активов и соблюдением принципа законности при привлечении к ответственности. Чрезмерное расширительное толкование понятий «финансовая операция» и «иное имущество» способно привести к криминализации законных действий участников цифрового рынка. В силу этого развитие уголовно-правового регулирования в отношении криптовалюты должно основываться на четком разграничении между преступной легализацией и добросовестным использованием цифровых активов. Только при таком подходе институт ответственности сможет выполнять свою подлинную функцию – обеспечивать устойчивость финансовой системы, противодействуя отмыванию преступных доходов и предотвращая использование цифровых валют в целях финансирования терроризма.

В совокупности отмеченные положения позволяют говорить о том, что подобное разграничение невозможно без концептуального переосмысления самого правового статуса криптовалюты. Современная правоприменительная практика наглядно демонстрирует, что неопределенность в квалификации цифровых активов как объекта уголовно-правовой охраны порождает противоречивость судебных решений и снижает эффективность

¹ См.: Приговор Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 июня 2020 г. по делу № 1-95/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

финансового контроля. Отсутствие единой нормативной позиции затрудняет установление предмета преступления, препятствует применению мер конфискации и создает условия для ухода преступных доходов в цифровое пространство. Именно поэтому дальнейшее развитие уголовного законодательства в рассматриваемой сфере должно исходить из признания криптовалюты самостоятельным объектом уголовно-правовой защиты, обладающим всеми признаками имущества, участвующего в экономическом обороте [14, с. 45]. Искусственное сохранение правовой неопределенности вокруг ее статуса приводит к дестабилизации всей системы противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. В действующем законодательстве криптовалюта формально отнесена к «иному имуществу» лишь для целей публично-правового регулирования, что создает коллизию между нормами финансового и уголовного права [15, с. 64].

Между тем по своей экономической природе цифровая валюта обладает всеми признаками имущества: она имеет стоимостную оценку, способна участвовать в гражданском обороте, быть объектом владения, распоряжения и отчуждения, а также служит средством накопления. Отрицание ее имущественного характера вступает в противоречие не только с экономической реальностью, но и с принципами уголовного права, которые требуют охраны любых общественно значимых благ, имеющих экономическую ценность.

Признание криптовалюты имуществом отвечает логике международных обязательств Российской Федерации в рамках системы ФАТФ. Эти документы ориентируют государства-участники на охват всех форм экономической выгоды, включая цифровые, независимо от их материального носителя. Отказ от подобного подхода ставит национальную юрисдикцию в заведомо уязвимое положение: преступные доходы, аккумулируемые в криптовалюте, фактически выпадают из сферы уголовно-правового воздействия, а институт ответственности теряет часть своей эффективности. Кроме того, игнорирование цифровых активов как имущества создает почву для правовой лазейки, позволяющей переводить преступные средства в криптовалюту и тем самым выводить их из-под режима контроля.

Вместе с тем подобная мера не означает механического перенесения традиционных понятий в новую среду. Такое решение требует уточнения признаков владения и распоряжения цифровыми активами, а также закрепления процессуальных способов их фиксации, ареста и конфискации. Отраженные в блокчейне права и транзакции нуждаются в адаптированных инструментах доказывания. Именно эти механизмы придают реальное содержание институту ответственности, позволяя доказать не только факт совершения финансовых операций, но и умысел на легализацию преступных доходов в цифровом формате.

Следовательно, включение криптовалюты в категорию «иного имущества» для целей уголовного закона представляет собой не столько расширение репрессивных полномочий, сколько шаг к гармонизации уголовного и финансового права. Такая мера создаст нормативную основу для пресечения легализации преступных доходов, полученных в виде цифровых активов, укрепит доказательственную базу при расследовании экономических преступлений и устранил пробел между российским правом и международными стандартами ПОД/ФТ. Представляется, что признание криптовалюты имуществом позволит обеспечить реальное применение принципа неотвратимости ответственности, предотвратить утечку преступных капиталов в цифровые юрисдикции и сделать систему финансовой безопасности государства адекватной вызовам цифровой эпохи.

Приведенные данные подтверждают, что современная уголовно-правовая политика в отношении преступлений рассматриваемой категории ориентируется не на формальное увеличение сроков лишения свободы, а на комплексное воздействие. Ключевое внимание уделяется возмещению ущерба, ликвидации преступных схем и восстановлению финансовой прозрачности. Все чаще применяются комбинированные санкции: лишение свободы в сочетании с крупным штрафом, конфискацией, запретом на занятие определенных должностей или ведение бизнеса. В международной практике также закрепляется тенденция к общественно полезным формам ответственности, включая передачу конфискованных активов в специальные фонды для поддержки жертв преступлений и финансирования профилактических программ.

Таким образом, современная система наказаний за легализацию преступных доходов и финансирование терроризма представляет собой многокомпонентный механизм, в котором уголовно-правовые меры взаимодействуют с экономическими и организационно-правовыми инструментами. В этом проявляется ее комплексная природа: наказание становится не только средством карательного воздействия, но и элементом стратегической защиты финансового суверенитета и национальной безопасности.

Указанные обстоятельства объективно показывают, что одним из приоритетных направлений развития рассматриваемого института становится цифровизация финансового контроля. Современные системы мониторинга на основе искусственного интеллекта и машинного обучения позволяют не только выявлять нетипичные операции в режиме реального времени, но и прогнозировать риски их криминального происхождения. В связи с этим роль финансовой разведки возрастает, она превращается в аналитический центр, интегрирующий данные банков, правоохранительных органов и международных партнеров.

Особое значение приобретает международная взаимная оценка эффективности национальных систем противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма, проводимая ФАТФ и региональными структурами. Результаты таких оценок напрямую отражаются на политике наказания: государства, демонстрирующие мягкость в правоприменении или недостаточную конфискационную активность, подвергаются риску попадания в так называемые серые списки. Это стимулирует пересмотр уголовно-правовых подходов и ужесточение санкций, но одновременно требует выстраивания механизмов правовой защиты и процессуальной справедливости. Таким образом, институт наказания оказывается встроен в глобальную систему финансовой ответственности, где международные оценки становятся катализатором внутренних реформ.

Перспективным направлением развития является также укрепление связи между уголовно-правовой и криминалистической составляющими института. Наказание должно опираться на достоверно установленную доказательственную базу, сформированную с применением современных методов анализа цифровой информации, криптовалютных транзакций, цифровых следов и «облачных» данных.

В свою очередь, постоянное совершенствование профессиональной компетенции следователей, экспертов и аналитиков финансовой разведки становится ключевым условием эффективности уголовного правосудия. От уровня их подготовки зависит не только качество расследования, но и способность правоприменителя обеспечить справедливость судебного решения и реализацию наказания как инструмента защиты общественных интересов.

В долгосрочной перспективе развитие института противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма будет определяться степенью интеграции национальных правовых систем в глобальную финансовую инфраструктуру. Государства, все активнее включающиеся в международные механизмы ПОД/ФТ, сталкиваются с необходимостью адаптации универсальных стандартов к национальным условиям. Это требует технического укрепления финансового контроля, а также концептуального переосмысления наказания как инструмента правовой политики. На первый план выходит идея справедливого и соразмерного наказания, обеспечивающего баланс между интересами общества и правами личности.

В конечном счете современный институт противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма предстает как сложная правовая система, в которой наказание не только выполняет функцию возмездия, но и задает направление правового развития. Его сущность заключается в обеспечении устойчивости финансового пространства, предотвращении криминализации экономики и защите глобальной безопасности.

Список источников

1. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Цифровые доказательства в уголовном процессе государств – членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: правовой статус и процедуры признания // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 21–29.
2. Levi, M. & Reuter, P. 2006, 'Money laundering', *Crime and justice*, vol. 34, iss. 1, pp. 289–375.
3. Damais, A. 2007, 'The financial action task force', *Anti-Money Laundering: International Law and Practice*, iss. 69, pp. 441–462.
4. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Королевстве Саудовская Аравия // Российский следователь. 2023. № 11. С. 57–61.
5. Жильцова Ю. В. Влияние отмыкания преступных доходов и финансирования терроризма на национальную экономическую систему России // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сб. докл. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Н. Новгород, 2021. С. 137–142.
6. Вольдимарова Н. Г., Юрков Я. С. О проблемах в сфере противодействия финансированию терроризма в Российской Федерации // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 107–112.
7. Постоева Е. А. Понятие и система противодействия финансированию терроризма // Мировой судья. 2025. № 2. С. 7–11.
8. Цыплакова А. Д., Шестак В. А. Участие местных органов публичной власти в совершенствовании мер профилактики кибератак в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 28–31.
9. Аубакирова А. Т. Развитие финансового мониторинга и защита ФАТФ от глобальных угроз // Проблемы устойчивости развития социально-экономических систем : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тамбов, 2023. С. 551–561.
10. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Уголовная ответственность юридических лиц в Объединенных Арабских Эмиратах // Российский следователь. 2023. № 12. С. 58–62.
11. Васюков В. Ф., Титов А. А. Понятие и виды криптовалют // Противодействие криптовалютным преступлениям в зарубежных странах. М. : Юрлитинформ, 2025. С. 43–65.

12. Васюков В. Ф. Противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : учеб. пособие / под науч. ред. А. Г. Волеводза. М. : Прометей, 2023. 468 с.

13. Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.

14. Филатова М. А. Проблемы квалификации легализации (отмывания) цифровой валюты // Уголовное право. 2024. № 5. С. 40–51.

15. Немова М. И. Использование криптовалюты при легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: анализ судебной практики // Уголовное право. 2019. № 4. С. 63–68.

References

1. Volevodz, A. G. & Tsyplakova, A. D. 2024, 'Digital evidence in the criminal proceedings of the member States of the Cooperation Council for the Arab States of the Persian Gulf: legal status and recognition procedures', *Bulletin of Economic Security*, iss. 2, pp. 21–29.

2. Levi, M. & Reuter, P. 2006, 'Money laundering', *Crime and justice*, vol. 34, iss. 1, pp. 289–375.

3. Damais, A. 2007, 'The financial action task force', *Anti-Money Laundering: International Law and Practice*, iss. 69, pp. 441–462.

4. Volevodz, A. G. & Tsyplakova, A. D. 2023, 'Criminal liability of legal entities in the Kingdom of Saudi Arabia', *Russian investigator*, iss. 11, pp. 57–61.

5. Zhiltsova, Yu. V. 2021, 'The impact of money laundering and terrorist financing on the national economic system of Russia', in *National and international trends and prospects for the development of forensic expertise: collection of reports of the All-Russian Scientific Conference with international participation*, pp. 137–142, Nizhny Novgorod.

6. Voldimarova, N. G. & Yurkov, Ya. S. 2022, 'On the problems in countering the financing of terrorism in the Russian Federation', in *Digitalization of market relations: issues of economics and law: collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 107–112, Moscow.

7. Postoeva, E. A. 2025, 'The concept and system of countering the financing of terrorism', *Justice of the Peace*, iss. 2, pp. 7–11.

8. Tsyplakova, A. D. & Shestak, V. A. 2023, 'Participation of local public authorities in improving measures to prevent cyber attacks in Russia', *State power and local self-government*, iss. 2, pp. 28–31.

9. Aubakirova, A. T. 2023, 'Development of financial monitoring and protection of the FATF from global threats', in *Problems of sustainable development of socio-economic systems: proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 551–561, Tambov.

10. Volevodz, A. G. & Tsyplakova, A. D. 2023, 'Criminal liability of legal entities in the United Arab Emirates', *Russian Investigator*, iss. 12, pp. 58–62.

11. Vasyukov, V. F. & Titov, A. A. 2025, 'The concept and types of cryptocurrencies', in *Countering cryptocurrency crimes in foreign countries*, pp. 43–65, Yurlitinform, Moscow.

12. Vasyukov, V. F. 2023, *Countering crimes in the field of drug trafficking committed using information and telecommunication technologies: textbook*, A. G. Volevodza (ed.), Prometheus, Moscow.

13. Obrazhiev, K. V. 2022, 'Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency: problems of qualification and legislative regulation', *Journal of Russian Law*, iss. 2, pp. 71–87.

14. Filatova, M. A. 2024, 'Problems of qualification of legalization (laundering) of digital currency', *Criminal law*, iss. 5, pp. 40–51.

15. Nemova, M. I. 2019, 'The use of cryptocurrencies in the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: an analysis of judicial practice', *Criminal law*, iss. 4, pp. 63–68.

Информация об авторах

В. Ф. Васюков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики;

А. Н. Кольчева – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел.

Information about the authors

V. F. Vasyukov – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law, criminal procedure and criminalistics department;

A. N. Kolycheva – PhD (Law), associate professor of the criminalistics and preliminary investigation in law enforcement agencies department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 14.01.2026.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 14.01.2026.

Научная статья
УДК 343.2

ОСОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ВИНЫ

Наталья Владимировна Шестакова¹

¹ Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, stud0000297248@utmn.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-5483-317X>

Аннотация. В уголовно-правовой науке проблема формулирования понятия вины, охватывающей признаки умысла и неосторожности, до настоящего времени не разрешена. Остро стоит вопрос определения правовой природы преступной небрежности применительно к выявлению психического отношения лица к совершенному деянию. Цель исследования состоит в модернизации форм вины и установлении их общих признаков. В статье предлагается изменение формулировок форм вины. Новые конструкции опробированы посредством научного моделирования. Концепция основана на взглядах В. В. Лунеева, Б. С. Волкова, В. Г. Макашвили, И. Лекшаса, Л. С. Рубинштейна, П. Я. Гальперина и других ученых. Суть концепции заключается в признании фактов осознания лицом общественной опасности того или иного преступления и отсутствии у субъекта волиности на совершение деяния при небрежности. Такая конструкция позволит успешно разграничивать на практике небрежность, легкомыслие и косвенный умысел и обнаруживает через интеллектуальный элемент наличие у лица психического отношения к преступлению, предполагает упречность, позволяет ослабить имеющуюся дискуссию.

Ключевые слова: осознание, предвидение, небрежность, легкомыслие, вина

Для цитирования

Шестакова Н. В. Осознание общественной опасности преступления как элемент вины // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 35–51.

Original article

AWARENESS OF THE SOCIAL DANGER OF CRIME AS AN ELEMENT OF GUILT

Natalia Vladimirovna Shestakova¹

¹ Tyumen State University, Tyumen, Russia, stud0000297248@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5483-317X>

Abstract. In criminal law science, the problem of formulating the concept of guilt, covering the signs of intent and negligence, has not yet been resolved. The issue of determining the legal nature of criminal negligence in relation to the identification of a person's mental attitude to the committed act is acute. The purpose of the study is to modernize the forms of guilt and establish their common features. The article suggests a change in the wording of the forms of guilt. New designs have been tested through scientific modeling. The concept is based on the views of V. V. Luneev, B. S. Volkov, V. G. Makashvili, and I. Lekshasa, L. S. Rubinstein, P. Ya. Galperin, and others. The essence of the concept is to recognize the facts of a person's awareness of the public danger of a crime and the subject's lack of willingness to commit an act in case of negligence. Such a design will make it possible to successfully distinguish in practice between negligence, frivolity and indirect intent and, through an intellectual element, reveals the presence of a person's mental attitude to crime, suggests stubbornness, and weakens the existing discussion.

Keywords: awareness, foresight, negligence, thoughtlessness, guilt

For citation

Shestakova, N. V. 2026, 'Awareness of the social danger of crime as an element of guilt', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 35–51.

В юридической литературе наиболее дискуссионными являются вопросы осознания общественной опасности преступления и предвидения общественно опасных последствий, формулирования общего понятия вины, выявления психического отношения лица к содеянному при преступной небрежности. В частности, С. В. Склярлов указывает на отсутствие системы построения форм вины, на несовершенство их законодательных формулировок [1, с. 13–14, 28, 41]. У А. В. Гребенюка, А. Б. Сахарова, Б. С. Никифорова прослеживается мысль о факте осознания общественной опасности преступления и при преступной небрежности. В. В. Luneev постулирует наличие интеллектуального и волевого моментов во всех формах и видах вины [2, с. 288, 301]. Сознательность действий при неосторожности усматривают А. Б. Сахаров и И. О. Иоффе.

При легкомыслии признается факт осознания общественной опасности деяния и предвидения его последствий В. Ф. Кириченко. Наличие осознания потенциальной, а не реальной общественной опасности деяния при легкомыслии обнаруживают А. И. Парог, С. А. Поляков, С. И. Сухоруков и др. Отрицают осознание общественной опасности преступления при легкомыслии Е. В. Ворошилин и П. С. Дагель, ввиду наличия уверенности в ненаступлении последствий – В. А. Нерсесян, а из-за отсутствия более

тщательного обдумывания – А. И. Санталов. Абстрактное предвидение последствий при легкомыслии как в аналогичных случаях, а не в данной ситуации усматривает В. А. Нерсесян. А. И. Рарог допускает такое предвидение к неконкретным последствиям. Возможность предвидения общественно опасных последствий отождествляет с осознанием общественной опасности преступления И. Г. Филановский.

В научной литературе на фоне общего признания законодательной конструкции небрежности обнаруживаются различные позиции к пониманию ее природы. Так, большинство авторов видит свойство небрежности в отсутствии предвидения общественно опасных последствий (Б. С. Утевский, В. Г. Макашвили и др.), конкретных последствий (А. И. Рарог), общей абстрактной возможности наступления последствий (В. А. Нерсесян), при недостаточных обдумывании и сознательном контроле (Т. Л. Сергеева), а также в отсутствии осознания общественной опасности преступления при наличии такой возможности (В. А. Нерсесян, П. С. Дагель, А. И. Рарог, Е. В. Ворошилин).

Некоторые ученые считают, что небрежность образует воленарправленная деятельность (Б. С. Волков); другие допускают случаи волимости деяния при небрежности (А. И. Рарог); третьи момент волимости деяния переносят на предшествующий период (И. Г. Филановский). А. И. Рарог выделяет проблему определения момента вины, упречности [3, с. 71].

Психическое отношение к тому или иному объекту выражается посредством его принятия, желания, безразличного отношения или отвержения, каждое из которых может быть реализовано лишь при наличии осознания. Для психики человека характерна оценка конкретной ситуации посредством теоретических конструкций аналогичных случаев (абстрактное предвидение [4, с. 144]), поскольку сопоставление с заданным случаем происходит через образное мышление, возникающее в сознании в качестве ассоциации или посредством напряжения памяти, когда единичные представления характеризуются типовым характером, они сравниваются с текущей ситуацией, отклонение примирения к ситуации общих образов может свидетельствовать о произведенном выборе, о волевом акте.

Н. Д. Дурманов и А. И. Рарог под преступлением понимают волевое деяние [3, с. 86; 5, с. 68]. В. А. Нерсесян считает, что расчет на предотвращение последствий имеет как интеллектуальную, так и волевою сторону [6, с. 97–98]. И. Г. Филановский в вопросе установления небрежности ставит во главу угла волевой момент, наличие которого, по его мнению, оправдывает применение уголовной ответственности [7, с. 139, 141].

В юридической литературе предлагаются следующие типы преступной небрежности: 1) субъект осознает, что нарушает определенные правила предосторожности, но не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий; 2) субъект, совершая сознательно-волевой поступок, не осознает, что нарушает те или иные правила предосторожности; 3) деяние лишено сознательно-волевого контроля, который утрачен по вине субъекта [3, с. 97–98, 102; 8, с. 141]. Применительно к предлагаемой модели небрежности первый случай должен относиться к преступному легкомыслию, поскольку, сознательно нарушая те или иные правила, субъект понимает, что это может привести к неблагоприятным последствиям, однако самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. Аналогичной позиции придерживается В. Г. Макашвили [9, с. 86].

Второй случай является примером преступной небрежности, поскольку субъект действует с пониманием отсутствия полных знаний об объекте деятельности либо при на-

личии заблуждения, препятствующего соблюдению правила предосторожности. Наличие обязанности предполагает осведомленность о ее существовании, и момент упрека переносится на предыдущий этап деятельности, когда лицо должно было подготовиться к ее началу, выявив требования, предъявляемые к деятельности. Тем самым выявление требований, предъявляемых к любой деятельности, есть общее условие для всех субъектов и должно соответствовать уровню развития субъекта уголовной ответственности. Этот случай может составлять небрежность, когда у лица отсутствует волеизъявление по отношению к деянию как к нарушению, а при наличии таковой – легкомыслие. При этом осознание общественной опасности деяния заключается в том, что деяние как любой вид деятельности требует мер предосторожности, оценки и прогнозирования последствий и влечет за собой те или иные последствия. Упречность поведения заключается в уклонении от оценки деяния и прогнозирования его последствий при общем осознании такой необходимости. Осознание общественной опасности деяния равно осознанию его фактического характера и социального смысла. При этом субъект осознает, что деятельность требует мер предосторожности или соблюдения тех или иных правил, в том числе не конкретно определенных. Субъект предвидит, что несоблюдение правил, которые он может не знать, но знает о существовании каких-либо, неизвестных ему правил или общих мер предосторожности, может привести к каким-то неопределенным опасным последствиям. В связи с этим С. Л. Рубинштейн указывает на то, что процесс мышления детерминирован объектом [4, с. 78]. Ум человека имеет привычку на то или иное представление искать ряд ассоциаций и прокладывать причинно-следственную связь, в воле лица состоит поощрение и продвижение этого процесса либо его торможение, отклонение, прекращение.

По мнению В. Г. Макашвили, установление вины при преступной небрежности затруднено ввиду сомнения в наличии какого-либо психического отношения лица к последствию при отсутствии воли и представления о связи поступка с последствием, в наличии вины в целом [9, с. 13–14]. Аналогичных взглядов придерживаются И. Г. Филановский [7, с. 138] и С. В. Скляр [1, с. 39]. В. В. Лунеев называет проблему преступной небрежности мировой проблемой [2, с. 298]. В. А. Нерсисян считает, что в ст. 26 УК РФ психическая характеристика самого деяния при неосторожности отсутствует [6, с. 86–87]. А. В. Куликов отмечает, что ряд авторов считают, что преступная небрежность лишена субъективного отношения (М. В. Бовсун, С. В. Векленко), однако криминализация таких деяний вызвана практической необходимостью [10, с. 165]. В. А. Нерсисян указывает на то, что волевой момент небрежности характеризуется отсутствием внимательности и предусмотрительности [6, с. 103].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что при косвенном умысле субъект предвидит последствия, а при небрежности он не желает их предвидеть, что не исключает факт их предвидения, поскольку отклонение представления о них формируется на подготовительной стадии к деятельности и в процессе ее, и это представление субъектом осознается, но по причине его избирательной сосредоточенности на других вещах внимание может не фокусироваться на объекте (последствиях), это не означает, что они не проявляются в сознании. Между тем пребывание лица в социуме предполагает наличие общих социальных навыков, которые закладываются еще в общеобразовательных учреждениях, обучение в которых является обязательным для каждого.

Если исходить из того, что в случае неосторожной вины субъект осознает неправильность своего поступка, то в случае небрежности он не имеет волеизъявления совершать

поступок, но, в силу ослабления способностей и нежелания их мобилизовать или предпринять какие-то действия, совершает его.

Некоторые авторы указывают на взаимообусловленность осознания общественной опасности деяния и предвидения его последствий (А. И. Парог, А. В. Куликов, Т. Л. Сергеева, В. А. Нерсисян, Б. С. Утевский, В. Ф. Кириченко, Р. В. Минин, Е. В. Ворошилин). Ряд ученых считают, что можно предвидеть лишь общественную опасность тех последствий, которые являются результатом деяния, характеризующегося именно общественной опасностью [11, с. 175–176].

Согласно ст. 25 УК РФ имеется отличие между умыслом, имеющим обязательные признаки в виде общественно опасного деяния и общественно опасных последствий, и неосторожностью, в которой признак осознания общественной опасности деяния в качестве обязательного отсутствует. При этом ст. 14 УК РФ предусматривает, что преступлением является общественно опасное деяние. В формальных составах, являющихся умышленными согласно закону, признак общественной опасности последствий отсутствует, а в отдельных умышленных преступлениях отсутствует признак общественной опасности самого деяния (например, ст. 198, 199 УК РФ). Значит, указанные случаи, исходя из буквального толкования, не могут считаться преступными, поскольку в них отсутствует или является спорным наличие у деяния или последствий свойства общественной опасности. Тем самым упоминание указанных признаков не способствует достоверному отражению природы вины. В связи с этим примечательны доводы С. В. Складорова, считающего, что применительно к осознанию термины «общественная опасность» и «противоправность» деяния являются неудачными [1, с. 28–29, 39].

Вместе с тем исключение общественной опасности приведет к упразднению критерия криминализации деяния. Выход из этой ситуации видится в изменении формулировки прямого и косвенного умыслов в части замены понятия осознания общественной опасности действий (бездействия) на понятие «осознание общественной опасности преступления».

Кроме того, в действующей модели небрежности отсутствует психическое отношение к последствиям, поскольку они непредвидимы, и, с позиций определения вины как психического отношения к деянию и его последствиям, необходимо исключать вину как таковую. По смыслу ч. 1 ст. 28 УК РФ субъект при наличии такой возможности должен либо осознавать общественную опасность своего деяния, либо предвидеть общественную опасность его последствий.

Ряд авторов исходят из того, что возможность предвидения наступления общественно опасных последствий состоит в том, что при данных обстоятельствах их мог предвидеть всякий человек. В. А. Нерсисян выделяет общие нормы (уровня обыденного сознания), которыми должен руководствоваться каждый человек [6, с. 104, 114, 117]. Т. Л. Сергеева считает, что такая возможность заложена в модели среднего человека. Из долженствования предвидения последствий своих действий вне зависимости от своих психических свойств исходили А. Ф. Бернер, Г. Е. Колоколов, Н. Д. Сергеевский [12, с. 19–20].

Вопрос заключается в возможности осознания и предвидения не опасности своего деяния и его результатов, но их общественной опасности. Возможность осознания и предвидения в каждом случае постулирует психология, исключения устанавливаются в определенном законом порядке.

Возможность предвидения последствий предполагает: 1) наличие психологических, интеллектуальных, культурных способностей к предвидению (в том числе наличие со-

ответствующего нравственного чувства); 2) отсутствие таких объективных препятствий внешней действительности, которые исключают и неопределенное, альтернативное предвидение (например, обвиняемый резко открывает дверь, за которой стоит потерпевший, и последний от удара дверью получает смертельное повреждение).

Е. В. Ворошилин полагает, что способности к предвидению вредных последствий обусловлены достижением определенного возраста, приобретения опыта, знаний, наличием вменяемости, способности разумно принимать решение и проявлять свою волю [13, с. 13–14]. Следовательно, позиция непредвидения последствий ввиду отсутствия знаний или опыта формирует условия применения ч. 1 ст. 28 УК РФ. На наш взгляд, проблема способностей должна решаться за счет условий криминализации деяния посредством соизмерения способностей человека, его пола, возраста, уровня развития, поэтому криминальным характером отличаются лишь те деяния, которые вызывают особое общественное возмущение и их опасность, вредность и аморальность очевидны для членов общества.

Так, по делу № 85-УД23-9-К1 в отношении Г., оправданного по ч. 1 ст. 109 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) в своем кассационном определении от 5 сентября 2023 г., отменяя обвинительный приговор (согласно которому Г., находясь в лесополосе, осуществляя рубку деревьев, осознавая, что в зоне валки находится К., проявив преступную небрежность, не предвидя возможности наступления общественно опасных последствий в виде смерти К. от падения дерева или его частей, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности, а также учитывая наличие опыта вальщика деревьев, должен был и мог предвидеть, не убедился до начала рубки в отсутствии людей в опасной зоне, спилил дерево – осину, которая при падении задела березу, в результате одна из ветвей осины обломилась и отлетела в сторону, попав в грудную клетку К., который от полученных травм грудной клетки и внутренних органов скончался на месте происшествия), признала обоснованными доводы апелляционного оправдательного приговора, в котором приняты за основу показания Г. подтвердившего, что спил дерева производился совместно с потерпевшим К. в рамках их обычной практики, и Г. не мог предвидеть того, что ветка осины отлетит и убьет К. [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)]. В данном случае главными доводами, оправдывающими Г., являются незнание соответствующих законов физики на определенном уровне, отсутствие специальных измерительных приборов и факт того, что рубка деревьев и выявление траектории их падения осуществлялись Г. совместно с потерпевшим, что свидетельствует о наличии оснований, предусмотренных ст. 28 УК РФ.

Е. В. Ворошилин под предвидением общественно опасных последствий понимает мысленное представление о вреде общественным отношениям, осознание хотя бы в общих чертах развития причинной связи между деянием и наступившим последствием [13, с. 28–29, 35]. Т. Гоббс считает, что предвидение осуществляется через обращение к прошлому посредством напряжения психических сил в форме представления. Автор выделяет предвидение, основанное на опыте прошлого, и предвидение, основанное на рассуждении [14, с. 13–14].

И. Г. Филановский находит неосторожные преступления разновидностью волевого поведения. По его мнению, мотивы такого поведения направлены на само деяние, а не на последствия [7, с. 48]. А. И. Рарог считает, что применительно к умышленной или неосторожной формам вины необходимо различать мотивы преступления и мотивы поведения соответственно [3, с. 87].

Очевидно, что волимость лица при легкомыслии направлена на деяние, а не на последствия, и законодатель, указывая на признак предвидения общественно опасных последствий, подразумевает, что субъект осознает общественную опасность совершаемого им деяния. При преступном легкомыслии возможность предвидения последствий, в том числе их характера, реализуется в виде целостного образа за счет волевого отклонения ее просматривания и обсуждения, тем самым считается реализованной таким образом.

В. Ф. Кириченко возможность предвидения общественно опасных последствий раскрывает через отсутствие должного внимания к уяснению сущности действий [15, с. 28]. В. В. Давыдов дает характеристику психики как возможность предвидеть. По его мнению, такая способность присуща каждому человеку, а психика и сознание – это и есть отношение к будущему [16, с. 49–51]. Т. В. Скрипник исходит из того, что возможность предвидения заложена в самой природе мыслительного акта, который и при стихийном сложении в процессе эмпирического познания способен к предвосхищению опытных данных [17, с. 76].

Можно сделать вывод о том, что предвидение наличествует при осознании, однако в ряде случаев в свернутом виде из-за отсутствия обдумывания, обсуждения, аргументации ввиду сформировавшейся привычки (сворачивания мыслительных процессов, неразворачивания их, поспешности), отсутствия опыта ориентации в ситуации, дефектов нравственного отношения личности к общественным отношениям (нежелание задумываться), психологических дефектов личности (поспешность, нестабильность, импульсивность, порывистость, страстность, невнимательность).

Как указывает Б. Г. Ананьев, память и мышление являются основными формами переработки информации. При этом информация усваивается с помощью понимания и запоминания, далее она перерабатывается посредством так называемого прессования, которое осуществляется памятью, и фильтрации через ценностно-ориентированное мышление [18, с. 247–248].

В качестве другой причины свернутости осознания опасного характера деяния и предвидения общественно опасных последствий следует назвать осознание через образ, который раскрывает картину, не требующую обдумывания и осмысления, и содержит предвидение последствий своих действий. П. Я. Гальперин отмечает также автоматизацию действий [19, с. 284]. Учитывая, что все названные причины являются психологическими, доступными субъекту уголовной ответственности с учетом его возраста и уровня развития, принимая во внимание, что получение основного общего образования в РФ является обязательным, что устанавливает определенную социальную планку психологической саморегуляции, необходимо заключить, что субъект уголовной ответственности предвидит последствия своих действий при совершении преступления.

Типичная ситуация имеет место и при умышленных преступлениях, совершенных импульсивно, поскольку причины импульсивных действий могут быть аналогичными, но относительно вопроса уголовной ответственности при умысле этот факт не вызывает такой дискуссии. В. Д. Меньшагин считает, что и при неопределенном умысле субъект не представляет последствия достаточно определенно [5, с. 147]. На вероятностный характер предвидения последствий указывают Е. В. Юрчак и И. Г. Филановский.

Как отмечает П. Я. Гальперин, мышление является формой ориентировки в вещах на основе их образа. Ориентировка поведения также осуществляется на основе образа. Образы возникают, поскольку элементы среды не имеют таких значений, которые обе-

спечили бы успешность действия, действие регулируется посредством примеривания в плане образа. При обретении элементами проблемной ситуации постоянного значения ориентировочная часть действия начинает сокращаться и действие автоматизируется. В зависимости от степени типичности ситуации следующим этапом сворачивания (сокращения) психических процессов является опережающее идеальное взаимодействие с объектами среды [19, с. 280, 282, 284]. Значит, при определении факта предвидения последствий необходимо установление степени типичности для субъекта ситуации, степени сформированности навыка к такому деянию. Далее П. Я. Гальперин указывает на то, что опережение фактического исполнения действия его картиной происходит и в ходе ориентировочной, то есть нетипизированной, новой деятельности. Ученый отмечает, что мысль может выступать как новый образ предмета или ситуации, который несет в себе решение задачи как целое с изображением новой проблемы, передающей всю остроту его видения [19, с. 290–297]. С. Л. Рубинштейн под мыслью понимает и продукт мышления, и форму отраженного существования объекта. Автор также указывает на значение слова как продукта более или менее сложного обобщения и на его содержание, в слове объективируется вся внутренняя работа по анализу, синтезу, обобщению воспринимаемых предметов и явлений [4, с. 78, 114, 162–163, 166]. Человек может мыслить также пониманием, согласием, одобрением на те комплексные образ, картину, мысль, которые возникают в его сознании и раскрывают суть объекта, несут информационное значение о последствиях деяния. Т. Гоббс понимание определяет как представление, вызываемое в человеке словами или другими произвольными знаками [14, с. 10].

Кроме того, С. Л. Рубинштейн обращает внимание на то, что обобщение свойственно не только мышлению, но и ощущению. Процесс познания, начинаясь в форме чувственных образов, продолжается в форме отвлеченного, абстрактного мышления, предполагающего вычленение сути феномена [4, с. 97, 119]. Применительно к понятию абстрактного предвидения, о котором ведется речь выше, имеет место ошибочное употребление этого термина, поскольку абстрактное мышление предполагает более совершенную ступень сознания (анализ [4, с. 121]). Таким образом, предполагаемое суждение или представление может быть либо образным, либо неосмысленным, которое несет в себе определенную информацию об объекте, и факт того, что субъект не пожелал эту информацию подвергнуть анализу, отклонил ее, говорит о наличии у него возможности предвидения, которая была остановлена, прервана по его воле. Следовательно, эта возможность предвидения считается реализованной и имеют место как осознание характера деяния, так и предвидение его последствий. П. Я. Гальперин исходит из того, что в динамическом стереотипе, который образуется при наличии внешнего стереотипа, картина действия появляется раньше его фактического исполнения [19, с. 284, 289, 390].

В юридической литературе преобладает позиция, согласно которой осознание общественной опасности преступления предполагает, что человек понимает, что поступает дурно и что это имеет негативное значение для общества или то, что общество негативно относится к таким поступкам. Наличие у субъекта нравственной оценки своей деятельности и ее результатов зависит от желания лица. Нередко нравственная оценка человеком, совершающим преступление, своих действий в виде мыслительных суждений свернута либо поскольку она может вызвать колебания и помехи в совершении деяния, на осуществление которого лицо уже решилось, либо в силу отклонения ее лицом в процессе выбора варианта поведения. Нравственная оценка своих действий свойственна человеку и проявляется автоматически по причине законов, действующих

в социуме, наряду с оценкой результатов своей деятельности на предмет их содержания. Тем самым свернутость оценки общественной опасности, ее игнорирование свидетельствуют не об отсутствии осознания общественной опасности преступления, а лишь о нежелании углубляться в рассмотрение этого вопроса, об отсутствии навыка нравственной оценки своей деятельности, поэтому не исключают ответственность.

В. А. Нерсесян считает, что отсутствие предвидения общественно опасных результатов не предполагает отсутствие психического отражения этих результатов, однако, по мнению автора, опережающее отражение не всегда позволяет осознать информацию о возможных последствиях деяния [6, с. 12].

Как указывает С. Л. Рубинштейн, сознательный человек отдает себе отчет о последствиях, которые влечет за собой осуществление той или иной цели. Волевое действие опосредуется через сознание, приобретает избирательный характер, является проявлением личности. Процесс восприятия соответствует процессу наблюдения. Внимание является сознательно регулируемым и выступает в качестве проявления воли. Зачатки воли в виде стремлений, тенденций заключены в побуждениях любого действия. Волевое действие заключает в себе отношение к объекту. Всякое волевое действие является намеренным. Однако возможно волевое действие (то есть целенаправленное и сознательно регулируемое), в котором не выделяется намерение как особый момент – ненамеренное волевое действие [20, с. 168, 174, 512, 587, 599–600]. П. Я. Гальперин отмечает, что внимание открывается как направленность, настроенность и сосредоточенность психической деятельности. Психическое действие, обращенное на мысль, есть внимание [21, с. 242, 415–416, 420–421].

С. Л. Рубинштейн указывает на то, что в ходе мыслительной деятельности в ней образуются автоматизмы, навыки мышления, которые начинают детерминировать мыслительный процесс [22, с. 324]. М. И. Еникеев выделяет перцептивные, интеллектуальные и двигательные навыки и характеризует их различной степенью обобщенности, шириной охвата различных ситуаций, гибкостью, готовностью к быстрой реализации. В навыке потребности, мотивы, цели слиты воедино, а способы выполнения стереотипизированы [21, с. 40–41]. Б. Г. Ананьев объясняет, что характер и продолжительность активности субъекта способствуют приспособлению к отдельным ситуациям тактик поведения [18, с. 182]. И. Г. Филановский отмечает, что, поскольку жизнь человека регламентирована нравственностью и правом, это обязывает его соотносить свои деяния и личностные цели с их общественно значимыми последствиями [7, с. 140], на что, следовательно, в социуме у его членов должны вырабатываться соответствующие навыки.

С. Л. Рубинштейн выделяет следующие виды представлений: 1) как более или менее индивидуализированный образ воспоминания об однократной сцене, лице; 2) как образное, но обобщенное знание о каком-либо предмете, как отвлечение, некоторая абстракция, требующие переработки. В целом представления являются образами памяти, когда образ-представление воспроизводит ранее воспринятое и в той или иной мере осознается на предмет отношения к нему [20, с. 262–263].

Как указывает Б. В. Волженкин, современные исследования в области психологии и физиологии, высшей нервной деятельности и кибернетики подтверждают, что человек способен анализировать действительность, соотносить побуждение к действию с внешними условиями, ситуацией и с внутренними морально-психологическими установками (жизненной ориентацией, системой ценностей) и нравственными и правовыми нормами поведения, предвидеть возможные последствия своего поведения [22, с. 209].

А. И. Рарог отмечает, что из предвидения общественно опасных последствий многие советские ученые выводят признак осознания общественной опасности деяния (А. Ю. Демидов, В. А. Куринов, Н. И. Загородников, В. А. Нерсисян, Б. С. Утевский); другие считают, что предвидение общественно опасных последствий не равнозначно осознанию общественной опасности преступления (П. С. Дагель). Ученый придерживается первой позиции, поскольку осознание типичности возможных последствий соответствует пониманию потенциальной опасности своего деяния [3, с. 56; 6, с. 28].

Предметом осознания общественной опасности деяния также являются общественно опасные последствия (вред) как один из наиболее значимых источников общественной опасности. Кроме того, работа психики человека настроена на осознание будущих результатов, то есть оно нераздельно содержит в себе предвидение.

С. Л. Рубинштейн утверждает, что воля включает в себя осознание цели действия, вытекающей из вызвавших его потребностей и сознательное подчинение поставленной цели всего хода действия. Осознание цели и предвидение результата отличает волевое действие от инстинктивного [20, с. 168]. Как отмечает М. И. Еникеев, каждый волевой акт сопровождается определенной мерой волевых усилий по преодолению внутренних и внешних препятствий [21, с. 39].

П. С. Дагель и А. И. Рарог отмечают, что иногда в литературе говорится о том, что каждый человек обладает абсолютной возможностью осознавать характер своей деятельности и предвидеть последствия (Т. Л. Сергеева [12, с. 22]), тем самым вопрос установления субъективного критерия переносится в плоскость обстоятельств, препятствующих предвидению. Такая позиция, по их мнению, демонстрирует презумпцию предвидения, а следовательно, презумпцию виновности [3, с. 67; 8, с. 148].

Так, по делу за № 50-АПУ-18-12 в отношении Н., осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем апелляционном определении от 16 октября 2018 г. указала на то, что по заключению комплексной стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы Н. каким-либо хроническим психическим расстройством, временным психическим расстройством, слабоумием либо иным болезненным состоянием психики не страдал и не страдает. У него выявлены признаки синдрома зависимости от психоактивных веществ. В момент совершения инкриминируемого деяния Н. находился в состоянии наркотического опьянения, в клиническую картину которого входят отдельные иллюзорные расстройства восприятия. Вместе с тем Н. верно ориентировался в окружающей обстановке, в личности и времени, поддерживал с окружающими адекватный речевой контакт, мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

По делу за № 1-АПУ14-20 в отношении Д., осужденного по пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем апелляционном определении от 4 сентября 2014 г. указала на то, что согласно заключению амбулаторной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы Д. страдает психическим расстройством в форме «синдрома зависимости от алкоголя, средняя степень, периодическое употребление» и страдал им во время совершения инкриминированного ему деяния. Психическое расстройство Д. не сопровождалось помрачением сознания, галлюцинационно-бредовой симптоматикой, эмоционально-волевыми нарушениями, он находился в состоянии алкогольного опьянения с достаточной ориентировкой в окружающем, действия его носили последовательный и целенаправленный характер, он мог осознавать

фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

В данных случаях суды, ссылаясь на экспертные заключения, указывают на осознание лицом фактического характера и общественной опасности своих действий, при этом определяется, что из действий осужденных следует наличие способностей по ориентированию в обстановке, проявлению воли. Таким образом, суды возможность осознания как способность к осознанию отождествляют с самим осознанием исходя из наличия указанных признаков деятельности. И. Г. Шольтен обращает внимание на то, что отсутствие понимания или убеждения означает отсутствие смысла деятельности [23]. В целом факт нормальности в ряде случаев устанавливается правоприменителем в процессуальном порядке в соответствии со ст. 73, 296 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Вероятно, эта позиция демонстрирует не презумпцию виновности, а презумпцию нормального функционирования психических процессов у человека, которая действует до тех пор, пока не будет выявлено обратное, подобно тому, как правоприменитель исходит из психического здоровья подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, пока не установлено иное.

Применительно к объему осознания общественной опасности преступления законодатель в ч. 3 ст. 20 УК РФ указывает на то, что для несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности, отсутствие полного объема осознания фактического характера деяния и его общественной опасности (в полной мере) является основанием для освобождения от уголовной ответственности. Системный анализ данной нормы и ч. 1 ст. 22 УК РФ, исключающей в таком случае освобождение от уголовной ответственности вменяемого лица, характеризующегося психическим расстройством, говорит о том, что, с точки зрения законодателя, оправдано отсутствие полного объема осознания лишь для несовершеннолетнего как не имеющего соответствующего жизненного опыта и социальной зрелости [6, с. 104]. Тем самым жизненный опыт и социальную зрелость закон возводит в число ключевых факторов применительно к вопросу осознания общественной опасности преступления, и совершеннолетие для законодателя является тем порогом, начиная с которого содержание опыта не учитывается в уголовно-правовом смысле как основание для освобождения от уголовной ответственности, несмотря на то что положения гл. 14 УК РФ применяются и к лицам в возрасте от 18 до 20 лет. Представляется, что такой подход является оправданным с учетом достижений психологии в области возрастного развития личности, с одной стороны, и наличия института слабоумия – с другой.

Согласно п. 6 постановления Пленума ВС РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» к обстоятельствам, вызывающим сомнения во вменяемости, могут быть отнесены, например, наличие данных о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь, о нахождении его на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, получении им в прошлом черепно-мозговых травм, а также странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном психическом расстройстве, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях и др. Следовательно, отсутствие этих данных презюмирует нормальность субъекта – презумпция нормальности. При этом необходимо сравнить понятия нормальности, презумпция которой устанавливается при отсутствии указан-

ных данных, и виновности, презумпцию которой выводит ряд авторов из презумпции предвидения лицом последствий своей деятельности. Для этого произведем следующие логические цепочки.

1) нормальность \neq виновность, ненормальность \neq невиновность; 2) нормальность = способности; вина = психическое отношение к деянию и последствиям = психическое отношение к ценностям \neq отрицательное отношение к ценностям¹; 3) нормальность \neq психическое отношение к ценностям.

Норма = нормальные способности = осознание = предвидение. При этом способности – это качественное состояние соответствующих психических элементов. А. Г. Ковалев под способностями понимает систему интеллектуальных, волевых и эмоциональных свойств [18, с. 176].

Виновность = наличие состава преступления и общественной опасности; вина = наличие элементов умысла или неосторожности. Значит, вина – это комбинации психических элементов, в том числе некачественных или ненормальных, продуцируемых на деятельность и ее результаты, в том числе некачественно и ненормально.

На основании изложенного презумпция нормальности \neq презумпция вины ввиду следующего. Презумпция нормальности говорит о том, что способности имеются и они являются нормальными. Презумпция вины указывает на то, как использованы способности; на то, что лицо их либо не желает использовать, либо к форме их проявления в конкретном случае закон относится отрицательно. Это свидетельствует не об отсутствии способностей, а о нежелании их использовать или их использовании не так, как того требует закон. Следовательно, неосознание и непредвидение уже несут в себе виновное содержание психического отношения нежелания осознавать и предвидеть, а не отсутствие таких способностей. При нежелании осознавать и предвидеть мыслительный процесс характеризуется свернутостью, при регулярном таком нежелании свернутость этих процессов становится привычной.

О. С. Иоффе видит сущность абстрактного предвидения в общей осведомленности, общем знании лица о причиняющей силе деяния, о его способности вызвать фактически наступившие последствия, отрицательное значение для общества которых лицо также осознает [24, с. 123–124].

А. В. Гребенюк усматривает «психологический феномен опережающего отражения развития событий объективной действительности». В связи с этим предвидение событий следует понимать как системную часть целостного процесса отражения. При этом психологическая теория опережающего отражения предполагает, что «реализация поведения деятельности невозможна без «забегания вперед», без отражения еще не наступивших, будущих событий»; психическое отражение всегда содержит реакцию-прогноз. Автор считает, что отсутствие предвидения при небрежности не означает отсутствия психического отражения этих последствий, поскольку процесс отражения не всегда осознается [25, с. 107–110, 189].

А. В. Куликов указывает на то, что вина является не потенциальным, а реальным «отношением, наполненным конкретным психологическим содержанием», поскольку воз-

¹ Отношение является психическим, а не отрицательным, поскольку отрицательный характер оно приобретает в результате его оценки законом, так как оно складывается из таких феноменов, как желание, волимость, осознание, предвидение, допущение, безразличное отношение, которые сами по себе отрицательными не являются, но приобретают отрицательную оценку в результате их соотношения с действием/бездействием и их результатами, которые являются отрицательными.

возможность предвидения характеризует вменяемость, а не вину [10, с. 163]. В. В. Лунеев отмечает, что для констатации у субъекта предвидения наступления общественно опасных последствий достаточно, чтобы лицо в общих чертах предвидело их наступление как результат его деяния [2, с. 292]. Б. С. Волков полагает, что преступление является сознательным общественно опасным и противоправным деянием [26, с. 5, 24].

Если исходить из презумпции сознательности деятельности, осознанию сопутствует предвидение возможных последствий, значит, невозможно говорить об отсутствии общего предвидения последствий, что ставит под сомнение законодательную конструкцию небрежности.

Менее приложимой к данной конструкции является ситуация, когда субъект забыл совершить или воздержаться от совершения определенного действия (например, обеспечить прием лекарств пациентом). Однако и в данном случае относительно предвидения последствий можно отталкиваться от момента, когда субъект утратил контроль над ситуацией и не предпринял необходимых мер во избежание преступных последствий, когда были запущены механизмы преступной небрежности, причинно-следственной связи. В силу этого момент, когда наступила данная обязанность, выглядит неосознанным и неволимым, однако в момент утраты контроля лицо осознавало общественную опасность подобного деяния и предвидело его общественно опасные последствия.

По мнению О. С. Иоффе, незнание в случае небрежности относится лишь к конкретной цепи действительных событий при наличии общих представлений о способности поведения вызвать наступивший результат. Он соглашается с позицией о том, что для выявления виновности определенное значение может иметь поведение, предшествовавшее совершению противоправных действий [24, с. 121, 124]. Т. Л. Сергеева находит волевое действие при небрежности порочным в силу неполноценности сознательного контроля [12, с. 18].

Предлагаем волимость на совершение деяния в качестве критерия разграничения легкомыслия, небрежности и косвенного умысла. При небрежности лицо не имеет волимости на его совершение и к наступлению последствий или относится к их наступлению безразлично. При легкомыслии лицо имеет волимость на совершение деяния, но самонадеянно, без достаточных к тому оснований, рассчитывает на предотвращение последствий. Для косвенного умысла характерны волимость на совершение деяния и отсутствие волимости к последствиям или безразличное отношение к ним. Во всех указанных случаях лицо осознает общественную опасность преступления, предвидит возможность наступления общественно опасных последствий.

Предложенная конструкция охватывает все случаи небрежности, а также предполагает отказ от признака непредвидения общественно опасных последствий с заменой его на признак осознания общественной опасности деяния, содержащий психическое отношение к преступлению (упрек).

Таким образом, все случаи, охватывающие волимость по отношению к деянию как нарушению, необходимо относить к преступному легкомыслию, а ситуации, характеризующиеся отсутствием волимости, – к преступной небрежности.

Так, по делу № 9-УД24-10-К1 в отношении В., осужденной по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем кассационном определении от 14 ноября 2024 г. указала на то, что суд обоснованно исходил из того, что В. понимала, что предоставляемые ею услуги детского туризма с учетом возраста и физических возможностей несовершеннолетних представляют реальную опасность, что к рискам в туризме относятся пожароопасность и непрофессионализм персонала, действуя

тем самым умышленно, с целью сбыта туристских услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, заключила с индивидуальным предпринимателем Р. договор аренды коттеджа «Р.», не отвечающего требованиям пожарной безопасности при размещении в нем детей. При этом В. не предвидела возможности наступления общественно опасных последствий своих действий в виде смерти туриста, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла предвидеть эти последствия [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

По делу № 19-УД24-2-К5 в отношении А., осужденного по ч. 1 ст. 118 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем определении от 6 марта 2024 г. указала на то, что, как установлено судом, А. толкнул потерпевшую в ходе танцев, она упала на пол и получила закрытый перелом шейки бедра со смещением. Установленные в суде обстоятельства свидетельствуют о том, что А. совершил преступление по неосторожности (небрежность). А. не предвидел возможности получения потерпевшей закрытого перелома шейки левого бедра со смещением, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия [СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.07.2025)].

И. Лекшас отмечает, что при неосторожных действиях осознанная цель не направлена на осуществление преступления, поэтому у субъекта отсутствует воля на его совершение, лицо не учитывает, что оно может совершить преступление, либо оно полагает, что его действия не приведут к преступлению или поведение не может быть преступным [27, с. 67]. Подобных взглядов придерживается Т. Л. Сергеева [13, с. 98–99]. В. Г. Макашвили указывает на отсутствие волимости деяния – волевого напряжения для правильной оценки ситуации [9, с. 91]. Б. С. Волков говорит о возможности субъекта совершить действие или отказаться от его совершения во избежание вредных последствий. Ученый считает, что проблема будет разрешена, если «волевое содержание преступления мы будем искать не в побочных последствиях деятельности человека, а в самой этой деятельности» [26, с. 40–41, 43–44].

С учетом изложенного следует дать иные определения легкомыслию и небрежности и изложить ч. 2, 3 ст. 26 УК РФ в следующей редакции:

«2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния, желало и/или имело волимость на его совершение, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение общественно опасных последствий своих действий (бездействия).

3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо осознавало общественную опасность своего деяния и не имело волимости на его совершение, не желало наступления общественно опасных последствий, не имело волимости на их наступление или относилось к их наступлению безразлично.»

Введение указанных формулировок разрешит многие теоретические разногласия и позволит учесть презумпцию сознательной деятельности субъекта, которая состоит в том, что лицо не может не предвидеть и не осознавать в общих чертах последствия своих действий. Кроме того, данные определения предполагают психическое отношение лица к совершаемому преступлению.

Список источников

1. Скляров С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 326 с.

2. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М. : Спарк, 2001. 767 с.
3. Рарог А. И. Вина в советском уголовном праве : монография / науч. ред. Б. В. Здравомыслов. М. : Проспект, 2018. 190 с.
4. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб. : Питер, 2017. 288 с.
5. Советское уголовное право. Часть общая : учебник / под ред. В. Д. Меньшагина и др. М. : Госюриздат, 1962. 450 с.
6. Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 221 с.
7. Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1970. 173 с.
8. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 241 с.
9. Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М. : Госюриздат, 1957. 206 с.
10. Куликов А. В. Небрежность в Уголовном кодексе РФ: отсутствие вменяемости или разновидность непреодолимой силы // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 163–172.
11. Злобин Г. А., Никифоров Б. С. Умысел и его формы. М. : Юрид. лит., 1972. 264 с.
12. Сергеева Т. Л. К вопросу об определении преступной небрежности // Советское государство и право. 1947. № 4. С. 18–27.
13. Ворошилин Е. В., Кригер Г. А. Субъективная сторона преступления : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. 75 с.
14. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного или гражданского. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения: 24.07.2025).
15. Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 94 с.
16. Давыдов В. В. Лекции по общей психологии : учеб. пособие. М. : Академия, 2008. 170 с.
17. Скрипник Т. В. Антиципирующие свойства личности в превенции отклоняющегося поведения несовершеннолетних : монография. Омск : ОГИ, 2007. 278 с.
18. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб. : Питер, 2001. 272 с.
19. Гальперин П. Я. Психология как объективная наука / под ред. А. И. Подольского. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2003. 480 с.
20. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2023. 720 с.
21. Еникеев М. И. Психологический энциклопедический словарь. М. : Проспект, 2010. 560 с.
22. Волженкин Б. В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007 гг.). СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. 971 с.
23. Scholten, J. H. 1874, *Der frelewille. Kritischeuntersuchung*, Verlag von F. Henschel, Berlin.
24. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 311 с.
25. Гребенюк А. В. Вина в российском уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 212 с.
26. Волков Б. С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1965. 136 с.

27. Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступного деяния. М. : Госюриздат, 1958. 86 с.

References

1. Sklyarov, S. V. 2004, *Guilt and motives of criminal behavior*, Yurid. Press Center, St. Petersburg.
2. Kudryavtsev, V. N. & Naumov, A. V. (eds) 2001, *The course of Russian criminal law. General part*, Iskra, Moscow.
3. Rarog, A. I. 2018, *Guilt in Soviet criminal law: monograph*, Prospekt, Moscow.
4. Rubinstein, S. L. 2017, *Being and consciousness, Peter*, St. Petersburg.
5. Menshagin, V. D. (ed.) 1962, *Soviet criminal law. General part: textbook*, Prosecutor's Office, Moscow.
6. Nersesyan, V. A. 2002, *Responsibility for reckless crimes*, Yurid. Press Center, St. Petersburg.
7. Filanovsky, I. G. 1970, *Socio-psychological attitude of a subject to a crime*, Publishing House of Leningrad University, Leningrad.
8. Dagel, P. S. & Katzenen, D. P. 1974, *The subjective side of crime and its establishment: monograph*, Publishing House of Voronezh University, Voronezh.
9. Makashvili, V. G. 1957, *Criminal liability for negligence*, State Tribunal, Moscow.
10. Kulikov, A. V. 2020, 'Negligence in the Criminal Code of the Russian Federation: lack of sanity or a type of force majeure', *Russian Law Journal*, iss. 5, pp. 163–172.
11. Zlobin, G. A. & Nikiforov, B. S. 1972, *Intent and its forms*, Moscow.
12. Sergeeva, T. L. 1947, 'On the issue of the definition of criminal negligence', *The Soviet State and law*, iss. 4, pp. 18–27.
13. Voroshilin, E. V. & Krieger, G. A. 1987, *The subjective side of crime: textbook*, Publishing House of Moscow University, Moscow.
14. Hobbes, T. n. d., *Leviathan, or the matter, form and power of the ecclesiastical or civil state*, viewed 24 July 2025, <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf>.
15. Kirichenko, V. F. 1952, *The meaning of error in Soviet criminal law*, Publishing House of the Academy Sciences of the USSR, Moscow.
16. Davydov, V. V. 2008, *Lectures on general psychology: textbook*, Akademiya, Moscow.
17. Skripnik, T. V. 2007, *Predictive personality traits in preventing deviant behavior of minors: monograph*, OGI, Omsk.
18. Ananyev, B. G. 2001, *On the problems of modern human cognition*, Peter, St. Petersburg.
19. Galperin, P. I. 2003, *Psychology as an objective science*, Moscow, Voronezh.
20. Rubinstein, S. L. 2023, *Fundamentals of general psychology*, Peter, St. Petersburg.
21. Enikeev, M. I. 2010, *Psychological encyclopedic dictionary*, Prospekt, Moscow.
22. Volzhenkin, B. V. 2008, *Selected works on criminal law and criminology (1963–2007)*, Yurid. Press Center, St. Petersburg.
23. Scholten, J. H. 1874, *Der frelewille. Kritischeuntersuchung*, Verlag von F. Henschel, Berlin.
24. Ioffe, O. S. 1955, *Responsible in accordance with Soviet civil law*, Publishing House of Leningrad University, Leningrad.
25. Grebenyuk, A. V. 2004, *Guilt in Russian criminal law: PhD thesis (Law)*, Rostov-on-Don.
26. Volkov, B. S. 1965, *The problem of will and criminal responsibility*, Publishing house of Kazan University, Kazan.
27. Lekshas, I. 1958, *Guilt as the subjective side of a criminal act*, State Tribunal, Moscow.

Информация об авторе

Н. В. Шестакова – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, мировой судья в отставке.

Information about the author

N. V. Shestakova – postgraduate student of the criminal law disciplines department, retired judge.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 11.09.2025; одобрена после рецензирования 23.11.2025; принята к публикации 03.02.2026.

The article was submitted 11.09.2025; approved after reviewing 23.11.2025; accepted for publication 03.02.2026.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Научная статья
УДК 343.8(4/9)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ЦИФРОВОГО СЛЕЖЕНИЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ

Надежда Андреевна Силантьева¹

¹ Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, nade2010@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Аннотация. Объектом исследования является институт электронного мониторинга осужденных и иных категорий подконтрольных лиц в уголовно-исполнительной системе некоторых зарубежных стран. Предмет исследования составляют правовые основы, практика применения и институциональные модели электронного мониторинга в США, Франции и Германии. Цель статьи заключается в выявлении специфики функционирования электронного мониторинга в названных странах, сопоставлении их опыта с российской практикой и определении направлений его адаптации с учетом специфики отечественной уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: электронный мониторинг, пенитенциарная система, альтернативные меры наказания, пробация, цифровое слежение, США, Франция, Германия

Для цитирования

Силантьева Н. А. Международный опыт применения технологий цифрового слежения за осужденными // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 52–61.

ABROAD

Original article

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE USE OF DIGITAL TRACKING TECHNOLOGIES FOR CONVICTS

Nadezhda Andreevna Silantyeva¹

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, nade2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Abstract. The object of the research is the institute of electronic monitoring of convicts and other categories of controlled persons in the penal system of some foreign countries. The subject of the research is the legal framework, application practice and institutional models of electronic monitoring in the USA, France and Germany. The purpose of the work is to identify the specifics of the functioning of electronic monitoring in these countries, compare their experience with Russian practice and determine the directions of its adaptation, taking into account the specifics of the domestic penal system.

Keywords: electronic monitoring, penal system, alternative punishment measures, probation, digital surveillance, USA, France, Germany

For citation

Silantyeva, N. A. 2026, 'International experience in the use of digital tracking technologies for convicts', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 52–61.

Введение

Современные пенитенциарные системы сталкиваются с необходимостью поиска баланса между задачами обеспечения безопасности общества, защитой прав личности и соблюдением их конституционных гарантий. Одним из инструментов, позволяющих достичь компромисс между изоляцией преступников и мерами, не связанными с лишением свободы, является электронный мониторинг. Данная технология в последние десятилетия получила широкое распространение в зарубежных странах и постепенно внедряется в России.

Цель статьи – выявить специфику применения электронного мониторинга в США, Франции и Германии, сопоставить их опыт с российской практикой и определить направления, которые могут быть полезны для совершенствования отечественной уголовно-исполнительной системы.

США: между масштабом и вариативностью

Американская система электронного мониторинга стала частью пенитенциарной системы еще в 1980-е годы, когда «Верховный суд штата Нью-Мексико разрешил использование электронных систем слежения и уполномочил судей штата приговаривать лиц, впервые совершивших преступление, к домашнему аресту с обязательным ношением ножных электронных браслетов» [1]. На современном этапе электронное наблюдение применяется практически во всех штатах преимущественно в отношении лиц, находящихся на probation или условно-досрочном освобождении, а также к тем, кто осужден за ненасильственные преступления и имеет право отбывать наказание без лишения свободы.

Согласно проведенному в 2024 г. аналитическому исследованию Vera Institute of Justice численность лиц, находящихся под электронным мониторингом с 2005 по 2021 год возросла с 55 тыс. до более чем 390 тыс. чел., что свидетельствует о закреплении данной меры как устойчивого инструмента уголовно-исполнительной политики и ее постепенной институционализации в системе альтернативных наказаний¹.

А. Ю. Забавина отмечает: «В совокупности расходы на электронный мониторинг в качестве альтернативы тюремному заключению и надзору обходится США в 4 раза дешевле, чем содержание лица в тюрьме и содержание части контролирующего аппарата» [2, с. 160]. В американской практике электронного мониторинга сформировалась устойчивая классификация технических средств слежения, каждое из которых обладает собственными функциональными характеристиками и сопряжено с определенными рисками при их использовании.

Наиболее широко применяются GPS-локаторы, обеспечивающие постоянное спутниковое отслеживание местоположения поднадзорного лица в режиме реального времени. Наряду с ними используются радиочастотные браслеты (RF-устройства), которые фиксируют нахождение человека в определенной зоне и позволяют контролировать соблюдение режима, например, запрета выхода за пределы жилища в установленные часы [3]. Все чаще используются гибридные системы, совмещающие функции GPS-мониторинга и биометрического контроля (например, отслеживание местоположения в сочетании с анализом содержания алкоголя в организме). Указанные средства электронного контроля не только выполняют технические задачи, но и порождают комплекс правовых вопросов, связанных с точностью и достоверностью собираемых данных, пределами их хранения и использования, а также с объемом вмешательства в частную жизнь и допустимостью контроля «в реальном времени».

Стоит отметить, что в Соединенных Штатах отсутствует единый федеральный акт, специально регулирующий применение электронного мониторинга. На федеральном уровне регулирование фрагментарно и в значительной степени делегировано штатам, местным юрисдикциям и федеральным агентствам. Так, Служба иммиграционного и таможенного контроля США «ICE» управляет собственными программами альтернативного содержания «Alternatives to Detention», включая использование электронных средств слежения, таких как GPS-устройства и мобильные приложения².

На уровне штатов формируются собственные нормативные акты, детально регулирующие применение электронного мониторинга. Например, в Калифорнии принят Уголовный кодекс, согласно разд. 3010 и 1203.016 которого допускается непрерывный электронный мониторинг лиц, находящихся на условно-досрочном освобождении, а также участников программ надзора. Эти нормы устанавливают максимальные сроки контроля, процессуальные гарантии и требования к участию. Однако практика применения электронного мониторинга варьируется между штатами по объему программ, критериям отбора и процедурам.

Примечательно то, что в отличие от стран континентальной Европы, где система электронного мониторинга в значительной мере интегрирована в публичные институты,

¹ Vera Institute of Justice. People on Electronic Monitoring. Полный отчет и аналитика по числам и практикам использования EM в США. 2024. С. 54. URL: <https://clck.ru/3P9HrV> (дата обращения: 10.09.2025).

² ICE. Alternatives to Detention (ATD) Program. U.S. Immigration and Customs Enforcement. 2025. URL: <https://www.ice.gov/features/atd> (дата обращения: 11.09.2025).

в США отмечается высокая степень вовлечения частного сектора в организацию надзора. Так, подрядные компании не только поставляют оборудование, но и обеспечивают техническую эксплуатацию систем, обслуживание баз данных, программное сопровождение и администрирование [4]. В результате складывается ситуация, при которой частные корпорации фактически получают управленческие полномочия в сфере, традиционно относящейся к исключительной компетенции государства [5].

Такое перераспределение функций чревато институциональными противоречиями. Во-первых, возникает конфликт интересов, так как коммерческие компании объективно заинтересованы в расширении объема оказываемых услуг и увеличении доходов, что может стимулировать сохранение или даже расширение масштабов надзора. Во-вторых, происходит снижение уровня публичной подотчетности, поскольку контроль за подрядчиками носит ограниченный и фрагментарный характер. Кроме того, одним из наиболее уязвимых аспектов коммерциализации электронного мониторинга является так называемая практика платного надзора (*pay-to-stay supervision*). По данным Национального центра защиты прав потребителей (National Consumer Law Center), лица, находящиеся под электронным мониторингом, нередко обязаны оплачивать как установку оборудования (от 50 до 150 долларов США), так и регулярные ежемесячные платежи, достигающие 300–500 долларов¹.

Таким образом, финансовая нагрузка переносится с государства на поднадзорных лиц, что противоречит принципам социальной справедливости и усиливает экономическое неравенство. Для социально уязвимых категорий данная практика становится фактором вторичной криминализации: невыполнение финансовых обязательств нередко влечет за собой повторное заключение.

Негативные последствия коммерциализации электронного мониторинга неоднократно становились предметом внимания законодателя. Так, в 2024 г. группа сенаторов во главе с Э. Уоррен направила запросы крупнейшим подрядчикам с требованием раскрыть данные о структуре тарифов, условиях контрактов и политике взимания платежей [6]. В указанных документах подчеркивается, что непрозрачность финансовых практик и неравномерность распределения расходов подрывают легитимность системы наказаний.

Анализ американской модели электронного мониторинга демонстрирует противоречие между декларируемой гуманистической функцией данной меры и фактической практикой ее коммерциализации. Участие частных подрядчиков в системе электронного мониторинга, с одной стороны, обеспечивает технологическую гибкость и масштабируемость, с другой – формирует риски, связанные с конфликтом интересов, финансовым давлением на социально уязвимые группы, дефицитом публичного контроля и концентрацией значительного массива персональных данных в руках коммерческих структур. Эти обстоятельства ставят под сомнение возможность достижения целей уголовного правосудия исключительно через рыночные механизмы и свидетельствуют о необходимости нормативного вмешательства. Представляется, что только в условиях должного правового контроля электронный мониторинг способен обеспечить достижение целей уголовного правосудия в соответствии с принципами правового государства и международными стандартами защиты прав человека.

¹ National Consumer Law Center. Commercialized (In)Justice: Consumer Abuses in the Bail and Corrections Industry. 2019. URL: <https://www.nclc.org/wp-content/uploads/2022/09/report-commercialized-injustice.pdf>. (дата обращения: 11.09.2025).

Франция: институционализация электронного мониторинга

Французская система электронного мониторинга (Placements sous surveillance électronique, PSE) возникла в конце 1990-х годов как результат стремления снизить уровень тюремной переполненности и интегрировать альтернативные меры наказания в национальную уголовно-исполнительную политику. Ключевым нормативным актом, закрепившим электронное наблюдение в правовом поле, стал Закон от 19 декабря 1997 г. № 97-1159, который определил электронный мониторинг как самостоятельную форму исполнения наказаний, лишающих свободы.

В 2005 г. во Франции был введен режим «помещение под мобильное электронное наблюдение», предусматривающий использование GPS-браслетов для контроля за осужденными, представляющими повышенную опасность, прежде всего в случаях сексуальных преступлений и рецидива. Эта мера была закреплена в Законе от 12 декабря 2005 г. № 2005-1549 «О борьбе с рецидивом преступлений».

Следующим важным этапом стало принятие Закона от 23 марта 2019 г. № 2019-222 «О программировании и реформе для правосудия», который модифицировал систему «домашний арест под электронным наблюдением» и учредил режим «содержание под стражей под домашним арестом под электронным наблюдением», фактически превратив электронный мониторинг в самостоятельное наказание, а не только в форму исполнения уже назначенной санкции.

По данным Министерства юстиции Франции, в 2023 г. под электронным надзором находилось свыше 13 000 лиц, что составляет значительную долю среди применяемых мер, альтернативных заключению¹.

Согласно отчету Счетной палаты Франции (Courdescomptes) за 2025 г. доля применения электронного мониторинга стабильно возрастает, при этом система позволяет сократить расходы на содержание осужденных в местах лишения свободы и снизить уровень рецидивов². Как отмечает А. И. Ковалева, «лица, в отношении которых избрана мера в виде электронного контроля и надзора, находятся в ведении служб пробации» [7, с. 41].

В отличие от американской модели французская система характеризуется высоким уровнем публичного контроля и ограниченным вовлечением частного сектора. Поставка оборудования и техническая поддержка в какой-то степени выполняются подрядными организациями, однако стратегическое управление, администрирование и принятие решений находятся исключительно в ведении государственных структур. Такая конструкция снижает риски коммерциализации надзора и исключает практику «платного контроля», когда расходы перекладываются на самих поднадзорных.

Тем не менее во Франции отмечаются правовые и социальные вызовы. По данным отчетов неправительственных организаций, чрезмерная зависимость от электронного мониторинга может приводить к «расширению карательной сети» (net-widening), когда

¹ См.: Министерство юстиции. Ключевые показатели правосудия за 2023 г. Париж, 2023. URL: <https://clk.li/Mqrj> (дата обращения: 15.09.2025).

² См.: Счетная палата. Оценка двух альтернативных тюремному заключению наказаний: общественные работы (TIG) и домашнее заключение под электронным наблюдением (DDSE). Публичный отчет, март 2025 г. URL: <https://www.ccomptes.fr/sites/default/files/2025-03/20250304-synthese-Evaluation-2-peines-alternatives-a-l-incarceration.pdf> (дата обращения: 15.09.2025).

вместо сокращения числа заключенных растет общее количество лиц под контролем уголовно-исполнительной системы¹.

Таким образом, французская модель электронного мониторинга демонстрирует иной вектор развития по сравнению с американской практикой. Акцент в ней сделан на нормативное закрепление и институциональное оформление процедуры применения электронного контроля, что выражается в детальной регламентации порядка его использования, сохранении ведущей роли государства и ограничении коммерческих интересов. Такой подход позволяет минимизировать риски финансового давления на осужденных и укрепляет легитимность рассматриваемой меры. Вместе с тем расширение сферы применения электронного мониторинга требует постоянного поиска баланса между эффективностью контроля, соблюдением прав человека и недопущением чрезмерной криминализации общества.

Германия: минимизация вмешательства

В Германии институт электронного мониторинга («электронный мониторинг проживания», или так называемый ножной браслет) был закреплен лишь с 1 января 2011 г., когда в ст. 68б № 12 Уголовного кодекса ФРГ было внесено дополнение, в соответствии с которым лицам, находящимся под надзором, разрешено выдавать предписания о ношении устройства для электронного контроля за их местонахождением.

Важную роль в развитии электронного мониторинга сыграло создание в 2012 г. Объединенного управления электронного мониторинга штатов (GÜL) – межземельного центра, функционирующего на основе соглашения федеральных земель. Он обеспечивает техническую инфраструктуру, круглосуточный мониторинг и обработку поступающих данных². Вопросы межтерриториальной координации и практические аспекты функционирования межземельных центров рассмотрены в работах Л. С. Кравчука и ряда других исследователей [8, с. 92].

Стоит отметить, что в Германии электронный мониторинг рассматривается не как самостоятельная мера наказания, а как вспомогательная мера, назначаемая в исключительных случаях в рамках надзора за поведением лиц после отбытия наказания, признанных социально опасными. Это, как правило, лица, отбывшие наказание за тяжкие преступления, в особенности сексуальные, а также преступники-рецидивисты, в отношении которых установлена высокая степень риска совершения новых правонарушений. Данный подход, как отмечает И. Н. Медведева, подтверждает, что электронный мониторинг в Германии носит преимущественно превентивный характер и направлен на защиту общества от особо опасных преступников [9, с. 332].

Используемые технические устройства основаны на GPS-технологиях и позволяют отслеживать перемещения осужденных. При этом законодательство прямо запрещает создание «тотального контроля». Вмешательство в личную жизнь должно быть строго соразмерным и обоснованным конкретной опасностью. Так, вопрос конституционной допустимости применения электронного мониторинга в Германии неоднократно становился предметом судебных разбирательств. Наиболее значимым решением в данной

¹ См.: OIP (международная обсерватория тюрем). Электронный браслет: лекарство от тюремных недугов? Анализ. 2022. URL: <https://oip.org/analyse/bracelet-electronique-le-remede-aux-maux-de-la-prison> (дата обращения: 15.09.2025).

² См.: Объединенное управление электронного мониторинга штатов (GÜL). URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Gemeinsame_elektronische_%C3%9Cberwachungsstelle_der_L%C3%A4nder (дата обращения: 15.09.2025).

области является постановление Федерального конституционного суда от 1 декабря 2020 г.¹, в котором рассматривалось соответствие норм ст. 68б Уголовного кодекса ФРГ, регулирующих применение электронного мониторинга, положениям Основного закона Германии.

Федеральный конституционный суд признал саму возможность применения электронного мониторинга конституционно допустимой, однако установил жесткие пределы для его реализации. Суд подчеркнул, что мера представляет собой серьезное вмешательство в сферу личной свободы, затрагивая право на неприкосновенность частной жизни и свободу передвижения. В связи с этим электронный мониторинг может применяться лишь в отношении лиц, представляющих исключительную общественную опасность, и только при условии строгого соблюдения принципа соразмерности, судебного контроля и ограниченности по сроку.

Такая конституционно-правовая интерпретация фактически привела к тому, что в Германии электронный мониторинг используется крайне ограниченно. По оценке профильных организаций, с 2000 г. в Германии было установлено порядка 2300 браслетов, из которых около 200 – в 2024 г.² Данная статистика резко контрастирует с практикой ряда других европейских стран, где электронный мониторинг применяется как массовая альтернатива лишению свободы. По состоянию на 31 января 2019 г. в Европе насчитывалось около двух миллионов лиц, в отношении которых применялось электронное наблюдение³.

Следует отметить, что дискуссия о расширении сферы применения электронного мониторинга в Германии продолжается. В частности, в 2025 г. на федеральном уровне рассматривался законопроект, предусматривающий возможность применения данной меры в делах о домашнем насилии, что фактически расширяет функциональное назначение электронного мониторинга за пределы традиционного уголовно-исполнительного контекста⁴.

Таким образом, немецкая модель отличается акцентом на минимизацию вмешательства в личную свободу, строгим соблюдением принципа соразмерности и судебного контроля. Мера не предназначена для массового применения, а ориентирована на предотвращение новых тяжких преступлений среди ограниченной категории лиц с высокой степенью риска. Кроме того, в отличие от Франции, где электронный мониторинг постепенно трансформируется в самостоятельную форму наказания, в Германии он сохраняет вспомогательный характер.

Заключение

Сравнительный анализ практики применения электронного мониторинга в США, Франции и Германии демонстрирует наличие принципиально различных подходов к его институционализации и правоприменению.

¹ См.: URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2020/12/rs20201201_2bvr091611.html (дата обращения: 12.09.2025).

² Elektronische Fußfessel: «Einordnung und Stellungnahme...». URL: https://www.frauenhauskoordinierung.de/aktuelles/detail/fhk-stellungnahme-fussfessel-gesetzentwurf?utm_source (дата обращения: 02.10.2025).

³ См.: Пространство II-2019 – Ежегодная уголовно-исполнительная статистика Совета Европы: лица, находящиеся под надзором органов пробации. Страсбург : Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/sanctions-and-measures-without-deprivation-of-liberty-increasingly-used-in-europe-new-survey> (дата обращения: 24.09.2025).

⁴ См.: Федеральное министерство юстиции. Пресс-релиз о внесении изменений в Закон о защите от насилия. 2025. URL: https://hdr4.bmj.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/DE/2025_A/0108_GewaltschutzG.html?utm (дата обращения: 12.09.2025).

Американская модель характеризуется максимальной широтой и функциональной гибкостью: электронные средства контроля применяются не только при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, но и в рамках пробационного надзора, контроля за мигрантами и в случаях условно-досрочного освобождения. Подобная практика объясняется развитой системой децентрализованного управления и активным вовлечением частного сектора, что обеспечивает масштабность, но одновременно порождает риски коммерциализации уголовно-исполнительных функций.

Французский опыт демонстрирует иной вектор развития: электронный мониторинг интегрирован в систему альтернативных наказаний и ориентирован на снижение тюремной переполненности. Его применение строго регламентировано нормативными актами и сочетается с акцентом на социальную реабилитацию правонарушителей. При этом государство сохраняет исключительную коммерциализацию ведущую роль в управлении системой.

Немецкая модель, напротив, характеризуется минимизацией вмешательства и предельно узкой сферой применения. Электронный мониторинг назначается только в отношении лиц, представляющих исключительную общественную опасность, преимущественно после отбытия наказания за тяжкие преступления. Конституционно-правовая доктрина и судебная практика, в частности постановление Федерального конституционного суда от 1 декабря 2020 г., установили жесткие пределы допустимости вмешательства, что фактически закрепило за данным институтом статус меры исключительного характера.

Российская практика занимает промежуточное положение и остается крайне ограниченной. Электронный мониторинг применяется в отношении лиц, находящихся под домашним арестом, условно осужденных, а также осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. Так, по данным ФСИН России, в 2023 г. под контролем системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) находились 22,5 тыс. осужденных к ограничению свободы и 32,2 тыс. лиц, которым суд избрал домашний арест или запрет определенных действий¹.

Существенным барьером для развития электронного мониторинга в России был недостаточный уровень цифровизации в системе управления ФСИН России. Так, по данным аудита Счетной палаты за 2015–2017 гг. (опубликованного в октябре 2018 г.), внедрение информационных технологий в уголовно-исполнительной системе носит фрагментарный и малоэффективный характер: в системе функционируют 41 информационная система и программный продукт, но единая система так и не создана. При этом по состоянию на 1 января 2018 г. 72 % оборудования СЭМПЛ не эксплуатировалось, из них более 44 % было неисправно; электронному мониторингу подвергалось лишь 1,5 % из около 989 тыс. лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, а из выделенных на информатизацию ФСИН России 8,9 млрд руб. лишь 2,6 % направлялось на развитие информационных систем, в то время как 48 % расходов производились вне согласованных планов². Эти данные на момент их публикации указывали на системные проблемы в управлении ресурсами и реализации цифровой трансформации.

Тем не менее в последние годы руководство ФСИН России признает необходимость модернизации системы: заместитель директора ФСИН Сергей Щербаков в 2024 г. зая-

¹ См.: ФСИН хочет усовершенствовать электронные браслеты для домашних арестов. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21482339> (дата обращения: 20.09.2025).

² См.: Отчет о результатах контрольного мероприятия «Аудит эффективности использования государственных ресурсов на информатизацию Федеральной службы исполнения наказаний в 2015–2017 годах» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2018. № 10. URL: <https://base.garant.ru/77520212/> (дата обращения: 25.09.2025).

вил, что текущая система «далека от совершенства» и требует качественного обновления: совершенствования связи, модернизации браслетов и повышения автономности устройств¹.

С вступлением в силу Федерального закона № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» с 1 января 2024 г. открываются реальные возможности для институционализации электронного мониторинга через интеграцию его в систему пробации. Закон о пробации создает правовую основу для комплексного надзора, включая ресоциализацию, социальную адаптацию и поддержку лиц, отбывающих наказания без изоляции от общества.

В целях совершенствования отечественной уголовно-исполнительной практики представляется целесообразным заимствование французской модели, основанной на строгом государственном контроле и широком использовании электронного мониторинга в качестве альтернативы лишению свободы. Одновременно определенный интерес представляет американский опыт, связанный с многообразием форм применения и высоким уровнем технологической инфраструктуры, что может быть адаптировано под потребности российских правовых норм, организационной структуры уголовно-исполнительной системы и практики функционирования ее органов.

Список источников

1. Зараменских Е. П., Смирнов Д. В., Артемьев И. Е. Принципы построения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в России : монография. Новосибирск : СИБ-ПРИНТ, 2011. 74 с.
2. Забавина А. Ю. Зарубежная практика и перспективы заимствования применения электронных браслетов в правоохранительной деятельности РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 158–162.
3. James, P., Kilgore, J., Kirk, G., Mueller, G., Sanders, E., Staudt, S. & Wilson, J. 2022, *Cages Without Bars: Pretrial Electronic Monitoring Across the United States*, viewed 11 September 2025, <https://clck.ru/3P9NbG>.
4. Kofman, A. 2019, *Digital Jail: How Electronic Monitoring Drives Defendants Into Debt*, viewed 11 September 2025, <https://www.propublica.org/article/digital-jail-how-electronic-monitoring-drives-defendants-into-debt>.
5. Appleman, L. & Heffernan, M. 2024, *Big Capital & the Carceral State*, viewed 11 September 2025, https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID4404200_code402774.pdf?abstractid=4404200.
6. Warren, E., Cárdenas, A. & et al. 2024, *Lawmakers Raise Concerns About Excessive Fees & Abusive Practices in the Electronic Monitoring and Private Probation Industries*, viewed 11 September 2025, <https://www.warren.senate.gov/newsroom/press-releases/warren-cardenas-lawmakers-raise-concerns-about-excessive-fees-and-abusive-practices-in-the-electronic-monitoring-and-private-probation-industries>.
7. Ковалева А. И., Фокина С. П. Альтернативные наказания в зарубежном контексте: преимущества и перспективы // Актуальные проблемы пенитенциарной науки и практики. 2024. № 2(22). С. 39–42.
8. Кравчук Л. С. О применении домашнего ареста с использованием электронных средств контроля в зарубежных странах (из опыта Федеративной Республики Германия и Австрии) // Вестник Белгородского юридического института. 2023. № 4. С. 91–99.

¹ См.: Во ФСИН заявили о планах улучшить электронные... URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/07/30/1052772-fsin-zayavili-planah?utm_source (дата обращения: 25.09.2025).

9. Медведева И. Н. О некоторых особенностях применения электронного мониторинга поднадзорных лиц в странах Европейского союза // Право и управление. 2024. № 9. С. 327–332.

References

1. Zaramenskikh, E. P., Smirnov, D. V. & Artemyev, I. E. 2011, *Principles of building an electronic monitoring system for controlled entities in Russia: monograph*, SIB-PRINT, Novosibirsk.
2. Zabavina, A. Y. 2015, 'Foreign practice and prospects of borrowing the use of electronic bracelets in law enforcement activities of the Russian Federation', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4, pp. 158–162.
3. James, P., Kilgore, J., Kirk, G., Mueller, G., Sanders, E., Staudt, S. & Wilson, J. 2022, *Cages Without Bars: Pretrial Electronic Monitoring Across the United States*, viewed 11 September 2025, <https://clck.ru/3P9NbG>.
4. Kofman, A. 2019, *Digital Jail: How Electronic Monitoring Drives Defendants Into Debt*, viewed 11 September 2025, <https://www.propublica.org/article/digital-jail-how-electronic-monitoring-drives-defendants-into-debt>.
5. Appleman, L. & Heffernan, M. 2024, *Big Capital & the Carceral State*, viewed 11 September 2025, https://papers.ssrn.com/sol3/Delivery.cfm/SSRN_ID4404200_code402774.pdf?abstractid=4404200.
6. Warren, E., Cárdenas, A. & et al. 2024, *Lawmakers Raise Concerns About Excessive Fees & Abusive Practices in the Electronic Monitoring and Private Probation Industries*, viewed 11 September 2025, <https://www.warren.senate.gov/newsroom/press-releases/warren-cardenas-lawmakers-raise-concerns-about-excessive-fees-and-abusive-practices-in-the-electronic-monitoring-and-private-probation-industries>.
7. Kovaleva, A. I. & Fokina, S. P. 2024, 'Alternative punishments in a foreign context: advantages and prospects', *Actual problems of penitentiary science and practice*, iss. 2(22), pp. 39–42.
8. Kravchuk, L. S. 2023, 'On the use of house arrest using electronic controls in foreign countries (from the experience of the Federal Republic of Germany and Austria)', *Bulletin of the Belgorod Law Institute*, iss. 4, pp. 91–99.
9. Medvedeva, I. N. 2024, 'On some features of the use of electronic monitoring of supervised persons in the countries of the European Union', *Law and management*, iss. 9, pp. 327–332.

Информация об авторе

Н. А. Силантьева – аспирант кафедры публичного и уголовного права.

Information about the author

N. A. Silantyeva – postgraduate student of the public and criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 19.01.2026.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 19.01.2026.

ЛИНЗА ВРЕМЕНИ

Научная статья
УДК 343.8(575.4)

ТЮРЕМНО-ПОЛИЦЕЙСКАЯ СИСТЕМА ТУРКЕСТАНА В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Юрий Арсенович Реент¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Аннотация. В статье с позиций историко-правовой науки проведено исследование организации деятельности тюремно-полицейских структур в системе управления Русским Туркестаном на рубеже XIX и XX веков. Среди целей работы важное место занимает попытка установить их место и роль в недавно присоединенном к российской короне регионе. Особое внимание уделено выявлению специфических взаимосвязей с жизнью местного, преимущественно мусульманского, населения. Работа над архивными и публикационными материалами осуществлялась с помощью диалектического подхода, методов обобщения, анализа, конкретизации фактов. С учетом усиления миграционной активности современного населения Средней Азии в Россию и отсутствия значимых исследований по указанной проблематике статья может иметь не только научную значимость, но и важную прикладную функцию.

Ключевые слова: военно-народное управление, Средняя Азия, Российская империя, уголовно-исполнительная система, полиция, тюрьма

Для цитирования

Реент Ю. А. Тюремно-полицейская система Туркестана в составе Российской империи // *Человек: преступление и наказание.* 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 62–72.

TIME LENS

Original article

THE PRISON AND POLICE SYSTEM OF TURKESTAN AS PART OF THE RUSSIAN EMPIRE

Юрий Арсенович Реент¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, reent2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8378-6106>

Abstract. The article examines the organization of the activities of prison and police structures in the management system of Russian Turkestan at the turn of the 19th and 20th centuries from the standpoint of historical and legal science. Among the objectives of the work, an important place is occupied by an attempt to establish their place and role in the region recently annexed to the Russian crown. Special attention is paid to identifying specific relationships with the life of the local, predominantly Muslim, population. The work on archival and publication materials was carried out using a dialectical approach, methods of generalization, analysis, and concretization of facts. Given the increasing migration activity of the modern population of Central Asia to Russia and the lack of significant research on these issues, the article may have not only scientific significance, but also an important applied function.

Keywords: military and people's administration, Central Asia, Russian Empire, penal system, police, prison

For citation

Reent, Yu. A. 2026, 'The prison and police system of Turkestan as part of the Russian Empire', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 62–72.

В настоящее время определенную историко-правовую проблему составляет выявление роли российских правоохранительных структур в формировании нормативной базы и развитии социальных отношений с населением национальных окраин, присоединенных к Российской империи в конце XIX века. Среди современных исследователей оценки происходивших процессов порой полностью противоположны. При этом даже обретенная, благодаря этому присоединению, согласованность норм уголовного и процессуального права в основном проявилась лишь в использовании общего понятийного аппарата и правовых терминов. Что касается роли привнесенных Россией образцов уголовно-исполнительной и полицейской деятельности, то вопросы их эффективности и целесообразности для среднеазиатского региона остаются предметом дискуссии. Преимущественно критические высказывания встречаются среди авторов, в целом политически ангажированных, настроенных в антироссийском русле. К счастью, такие исследователи не делают погоды в научном мире, основные массы публикаций трезво освещают как позитивные, так и негативные страницы в нашей истории. Цель данной статьи – обратиться к конкретным фактам, сделать свои выводы, ну и привлечь молодых ученых к разработке данной малоизученной проблемы.

Как известно, впервые Туркестанская область во главе с генерал-майором М. Г. Черняевым учреждается в 1865 г., являясь частью Оренбургского генерал-губернаторства¹. Вскоре русские войска взяли крупнейший город региона – Ташкент, который и определили столицей новой области. Со временем административные границы российских владений в Средней Азии существенно менялись. К концу XIX века они составляли две территории – Туркестанский край (четыре области) и Закаспийская область, между которыми находились российские протектораты – Хивинское ханство и Бухарский эмират. Нужно еще учитывать, что территория Казахстана формально не относится к Средней Азии. Регион, который включает в себя Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан, обычно называют Центральной Азией. Для нормативного закрепления основ развития этой территории утверждается Временное положение об управлении Туркестанской области от 6 августа 1865 г. Специфической особенностью документа стало введение военно-народного управления, во главе которого названы:

- «а) военный губернатор;
- б) начальники отделов области;
- в) управляющие туземным населением»²

Таким образом, делалась попытка осуществлять социально-политический диалог представителей русских военных властей с коренным населением Средней Азии. Для смягчения возможных противоречий и обострений на местах оставались традиционные институты – народные (шариатские) суды, органы самоуправления, традиционная полиция и система наказаний. Все административные лица наделялись полицейскими полномочиями, в том числе по отношению к коренному населению. Одновременно в Чимкенте, Аулие-ата и ряде других городских поселений были учреждены должности городничих из числа обер-офицеров, которые руководили местными тюремно-полицейскими структурами³. Отметим, что, в отличие от российских губерний, в Туркестанской области на всех уровнях управления военно-административная власть сливалась с полицейской.

В присоединенном к России Туркестане высшие полицейские полномочия принадлежали генерал-губернатору, подчинявшемуся Военному министерству, а не Министерству внутренних дел. «Это вызвало военизацию полиции. Практически все полицейские руководители региона были военными чинами. В русской части Ташкента... действовала городская полиция во главе с полицмейстером, а в остальной части – общественная полиция с выборными городскими старшинами (аксакалами). Старший аксакал назначался военным губернатором. Там же была введена полицейская должность – начальник города» [1, с. 75]. Важно понимать, что в Центральной России разделение полицейских, тюремных и судебных полномочий в относительно законченном виде произошло только во второй половине XIX века. Что касается среднеазиатского региона, то все основные уголовно-исполнительные функции

¹ См.: Именной, объявленный в приказе Военного Министра – Об упразднении Управления Сыр-Дарьинской Линией и образовании вместо Оного Управления Туркестанской области. 12 февраля 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41870.

² Высочайше утвержденное Временное положение об управлении Туркестанской области. 6 августа 1865 г. // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42372. С. 876–881.

³ См.: Высочайше утвержденный 6 августа 1865 г. Временный штат управления Туркестанской области // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 2. СПб., 1867. № 42372.

Рис. 1. Присоединение к России территорий Средней Азии в XIX в.¹

оставались за местными полицейскими руководителями, которые в большинстве своем имели воинские чины.

Сколь-нибудь крупных тюремных построек в этом регионе не отмечалось. Как правило, подсудимых и осужденных содержали в зинданах – помещениях, вырытых в земле, либо в небольших постройках из саманного кирпича, которые трудно было назвать крепкими сооружениями. Несмотря на налагаемые цепи, оковы и вооруженную охрану, преступники нередко сбегали на волю. Найти их в пустынях или горной местности не представлялось возможным. Положение усугублялось еще и тем, что ни тюремные надзиратели, ни полицейская охрана, первое время состоявшая из старослужащих солдат, не понимали местных языков и наречий, да и представители «туземного» населения, как правило, не знали русского языка. Вследствие этого областные и уездные руководители борьбу с менее тяжкими уголовными и религиозными преступлениями, как и исполнение наказаний за них, поручали традиционным мусульманским судам.

Местная администрация вынуждена была возлагать исполнение охранно-полицейских обязанностей на рассыльных волостных управителей – так называемых джигитов, нанимаемых в некоторых селениях за счет сборов с населения. Вопреки указанию ст. 84 Туркестанского положения, кроме выборов волостных управителей, они, по аналогии с традиционной русской «сельской полицией», вводили избираемые должности караульчиков и пятидесятников. Практика эта была не слишком удачной, поскольку обычно «туземные» правоохранители «не отвечают предъявляемым полицейским чинам требованиям»².

¹ См.: Карта покорения Россией Туркестана и Кавказа // Торнау Н. Н. Учебный атлас по русской истории. 1910 г. URL: <https://runivers.ru/lib/book6858/186866/> (дата обращения: 16.12.2025). Это и последующие фотопроизведения были опубликованы на территории Российской империи до 7 ноября 1917 г. Представленные репродукции находятся в общественном достоянии в Соединенных Штатах, поскольку были опубликованы или зарегистрированы в Бюро регистрации авторских прав США до 1 января 1930 г.

² Об увеличении полицейских штатов в уездах областей Туркестанского края // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 4360. Л. 1 об.

Рис. 2. Охрана заключенных в зиндане¹

Ко времени присоединения к России Средней Азии на ее территории существовало три мусульманских ханства – Бухарское, Кокандское и Хивинское, которые регулярно конфликтовали между собой. В организации внутреннего управления они были схожи с административно-полицейской системой соседних мусульманских стран. В итоге сложилась специфическая среднеазиатская модель управления. Наиболее ярким примером организации полицейской и уголовно-исполнительной деятельности того времени был Бухарский эмират. Согласно описаниям академика В. В. Бартольда, там «во главе полиции был курбаши, которому были подчинены сорок четыре миршаба; из них четверо, имевшие под своим начальством каждый десять миршабов, назывались сотниками (юзбаши)» [2, с. 366].

«Работа мусульманской полиции начиналась после вечерней молитвы – в 8 часов вечера. Полиция обходила улицы, отлавливая нарушителей – воров, проституток, пьяных и т. п. Их арестовывали. О каждом арестованном курбаши обязан был докладывать беку. Он также расследовал ночные кражи, тогда как такие дневные преступления – раис и аксакалы (главы квартальной полиции). При пожаре курбаши непременно присутствовал. Он был обязан пресекать азартные игры. Ему подчинялась тюрьма (зиндан), вырытая в земле в форме бутылки. Именно курбаши передавал палачу приговоренного к смерти и должен был присутствовать при казни. Он был обязан встречать высших лиц и сопровождать их по городу, обеспечивая должный порядок» [2, с. 366].

В современных среднеазиатских республиках в настоящее время растет интерес к истории собственных правоохранительных структур. Так, бывший министр внутренних дел Таджикистана генерал-лейтенант Р. Х. Рахимзода в своих исследованиях отмечал, что в Бухарском ханстве «полицейские чиновники на конях и повозках разъезжали по городу всю ночь и всякого, встретившегося после полуночи, брали под стражу, а на другой день представляли нарушителя начальнику города». Он указывал на то, что функции полиции в Бухарском ханстве исполняли есаул-баши и простые есаулы, а также так называемые махрамы, кассабардары и навхары [3, с. 144–145].

¹ См.: Охрана заключенных в зиндане (фото С. М. Прокудина-Горского). URL: https://i3.guns.ru/forums/icons/forum_pictures/000292/292649.jpg (дата обращения: 16.12.2025).

PRISONERS OF BUCHARA

Рис. 3. Группа заключенных в Бухаре, 1899 г. (фото С. М. Прокудина-Горского)¹

В Кокандском ханстве были схожие полномочия правоохранительных органов. Возглавлял их миршаб. Обычная работа начиналась вечером, после закрытия городских ворот. Миршаб с патрулями обходил улицы и забирал всех попадавшихся людей. По сути, вводился комендантский час, который нарушался в основном лишь преступниками. Днем миршаб и подведомственные ему шабгарды (ночные дозорные) отдыхали. Следить за порядком было делом самого населения. «В Хиве полиция функционировала в каждом квартале (махалля). Работала она тоже только ночью и в основном охраняла городские ворота. Вместе с тем полиция также отлавливала ночных воров и героев интриг» [4, с. 165].

Однако нас более интересует организация уголовно-исполнительной системы. В мемуарах англичанина А. Бернса описываются бухарские темницы кана-хена, «в которых держали подозреваемых людей, где их мучили клещи, скорпионы, блохи “и другие паразиты”». Он отмечал, что «одного этого достаточно, чтобы убить ввергаемых туда преступников... Темницы эти находятся под цитаделью, в которой живет сам Хан» [5, с. 354–355]. Рассказывают о том, как эмир наказал за прелюбодеяния дочери одного пекаря с каким-то индусом. Он «приказал их обоих сжечь в печи, несмотря на то, что сам в подобных делах служит самым худым примером для своих подданных» [6, с. 120].

Российский исследователь В. П. Литвинов приводит рассказ таджикского просветителя Садриддина Айни (1878–1954), который отмечал, что «при эмире Музаффаре не было дня, когда на Веревочном базаре Регистана не казнили бы человека или на Ослином базаре никого бы не вешали. При каждой казни убивали не одного-двух, а сразу рядами... При Музаффаре однажды на гулянье в Ширбадане на глазах – десять человек и более, а на Ослином базаре приговоренных подвешивали на виселице, гуляющих казнили сразу больше ста человек» [7, с. 121]. Система наказаний рассчитана была на запугивание населения. Именно поэтому в одном из самых многолюдных мест

¹ См.: Группа заключенных в Бухаре, 1899 г. (фото С. М. Прокудина-Горского). URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/3b/Pg179_Prisoners_of_Buchara.jpg (дата обращения: 16.12.2025).

«вырыли ров и под взглядами гуляющих, ежедневно казнили нескольких преступников, приведенных из тюрьмы. Казнь совершалась в назидание всем склонным возмущаться, осуждать и упрекать эмира. Трупы казненных целый день оставались на краю рва, а на другой день убирались, чтобы освободить место для новых» [7, с. 121]. Редактор газеты «Туркестанские ведомости» подполковник Н. А. Маев писал о массовых казнях при эмире Музаффаре, но обращал внимание на то, что для этого нужен был письменный приговор (хатт), «без которого палач не имеет права производить казнь, хотя бы получил на то личное приказание эмира» [8, с. 44]. Такие приговоры выносили шариатские суды, формально отстраненные от ханской администрации.

Контроль за поведением «туземного» населения издавна осуществляли раисы или мухтасибы – аналог полицейских, но наблюдавшие за исполнением предписаний ислама и шариата. Исследователь М. Вахабов утверждает, что в дороссийский период в Ташкенте «наблюдение за исправным исполнением религиозных обрядов и общественных обязанностей осуществляли два раиса, которые назначались беком. Каждый раис имел отряд вооруженных гиранда (ловителей) по 10 человек. При обнаружении нарушителей правил раисы тут же приказывали гиранда бить их «даррой» (широкая, сшитая из нескольких слоев кожи плеть с короткой рукояткой)» [9, с. 10]. Таким образом, обнаруженные на месте религиозные проступки или преступления тотчас сопровождалось наказанием.

При становлении основ царской власти в Туркестане ее представителями высказывалось негативное отношение к институту мусульманской полиции, но первый российский руководитель региона генерал-майор М. Г. Черняев не смог его отменить. Его преемник, генерал-майор Д. И. Романовский, решил созвать комиссию для реальной оценки деятельности мусульманской религиозной полиции. В итоге был сделан вывод о том, что она «не отвечает нашим интересам и требованиям»¹. Аналогичное резюме сделала Степная комиссия в ходе разработки проекта Туркестанского положения 1867 г.

Действительно, деятельность местных полицейско-тюремных органов была проникнута мусульманским фанатизмом. В силу этого первый туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман в 1874 г. ликвидировал институт религиозной полиции в крае. Это не вызвало сильного недовольства среди местного населения: для большинства мусульман строгий надзор за их религиозным поведением представлялся обременительным. Правда, по словам ревизора Туркестанского края сенатора К. К. Палена, «упразднение должности раисов – этого религиозно-политического гнета, много веков тяготевшего над жизнью правоверного, имело своим последствием падение нравственности. Народ, освобожденный от грозной и зоркой опеки раисов, в упоении дарованной ему свободы, предался пьянству и разврату» [10, с. 48].

Новая власть в плане преобразования местной уголовно-исполнительной системы также не преуспела. Инспектирующие ее чиновники сообщали, что, например, в тюремных помещениях при Термезской и Керкинской полиции книга содержащихся под стражей ведется не должным образом, а «арестанты содержатся грязно. Об их положении никто не заботится»². Но удивляться этому не стоило. Дело в том, что, например, в Старой Бухаре денежное содержание конного городского составляло 10 руб. в месяц,

¹ Объяснительная записка к Временному положению о военно-народном управлении в Туркестанской области // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4753. Л. 6.

² Термез. Управление административно-полицейское. Об учреждении в гор. Термезе административно-полицейского управления (1903–1916 гг.) // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 147. Оп. 486. Д. 81«б» Л. 26 об.

включая прокорм лошади, а чернорабочий получал 1 руб. 20 коп. в день! Очевидно, что в нищете служебное рвение падало. Туркестанский генерал-губернатор предложил новый штат старо-бухарской русской полиции численностью в 20 чел., включая служителей арестного дома¹. Но некоторое снижение нагрузки не компенсировало недостаток средств к существованию.

Необходимо отметить, что вся система административного управления Туркестанского края долгое время характеризовалась большой неопределенностью. Для того чтобы детально разобраться в нюансах, в 1908–1909 гг. осуществили ревизию органов управления и исполнительных структур. Возглавил эту работу сенатор граф К. К. Пален. Для руководства его деятельностью была подготовлена и утверждена императором подробная инструкция из 26 пунктов. Особый интерес представляет отдел 17, который отражал состояние тюремно-арестантской части. Отметим, что проверка проводилась одновременно в Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской областях. Перечислим основные позиции, отраженные в этом документе.

«1. Положение этого дела в областных правлениях. Тюремное хозяйство. Содержание и ремонт тюрем, постройка их. Контракты с подрядчиками; отчетность. Капиталы: общий тюремный и земский (на устройство арестных домов). Расходование этих капиталов. Устройство и содержание арестных домов. Арестные помещения при полиции.

2. Размещение арестантов в местах заключения. Внешний и внутренний порядок, пища и одежда арестантов. Побег и причины их.

3. Состав тюремной администрации. Надзиратели, конвойные команды и этапы»².

Важно отметить, что во всем регионе сколько-нибудь крупных тюремных сооружений практически не существовало. Ну а те, что имелись, для обозначенных целей могли использоваться весьма условно. В отчетах упоминается Петро-Александровская тюрьма: «...здание весьма ветхое, с земляною крышею, принадлежащее частному лицу, построенное в начале 80-х годов»³. Единственная русская тюрьма, построенная в 1879 г. в г. Скобелеве, к моменту ревизии находилась в полуразрушенном состоянии. Упомянулись также Ходженская тюрьма: «крыши на тюремных постройках ветхие, стропила и балки подгнили, вследствие чего поддерживаются деревянными стойками, установленными слабо; потолок также поддерживается тонкими стойками, концы которых подгнили, отчего крыша нависла... Копальская уездная тюрьма... в центре города, рядом с пивной, на усадьбе, снятой по контракту на три года с платой по 800 рублей, причем все здания ветхи и непрочны, крыши очень старые...» [11, с. 293–204]. Многие другие из названных учреждений, а по факту – явное большинство, отличались своей непригодностью к содержанию преступников.

Судя по всему, рекомендации Главного тюремного управления Минюста (с 1895 г.) по организации работ заключенных были известны в Туркестанских областях, несмотря на подчиненность военному ведомству. В некоторых тюрьмах были организованы различные хозяйственные мастерские, внешние сельскохозяйственные работы, даже действо-

¹ См.: По вопросу об учреждении в Старой Бухаре русского полицейского управления (9 окт. 1910 г. – 5 февр. 1917 г.) // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3920. Л. 20.

² Высочайше одобренное 18 июня 1908 г. особое наставление сенатору, назначенному по Высочайшему повелению к производству ревизии Туркестанского края // Туркестанские ведомости. 1908. № 153.

³ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом: тюремное дело. СПб.: Сенат. тип., 1910. 141 с.

Рис. 4. Скованные узники. Бухара¹

вал кирпичный завод и пр. Однако вместо прибыли эти начинания нередко приносили чистый убыток. Очевидно, что любые работы с участием криминального контингента могли быть успешными лишь в присутствии надежной охраны. В пенитенциарных учреждениях среднеазиатского региона это было слабое звено. В частности, приводится пример, когда «военный караул отказался исполнять требование начальника тюрьмы о заключении буйствующего арестанта в темный карцер, объяснив это следующими словами: «Как же мы можем войти в камеру, когда их там много, а нас мало, они у нас отберут винтовки»» [11, с. 206]. Вскрывались и случаи подкупа тюремных и полицейских чинов, в результате которых совершались побеги осужденных, либо неправомерное освобождение подсудимых.

Выявленные комиссией К. К. Палена недостатки подлежали оперативному устранению. Основные рекомендации были сформатированы в 5 блоках: 1) тюремно-строительный, 2) хозяйственный, 3) арестантские работы, 4) тюремный режим, 5) администрация и надзор. Было очевидно, что без возведения новых учреждений взамен старых не обойтись. В силу этого указывалось, что «при проектировании новых построек желательно придерживаться таких принципов: строить как можно меньше и реже, без всякой роскоши, не экономить на прочности материалов или конструкций, и строить всегда с запасом на будущее...»².

Очевидно, что основной задачей ревизии было желание преобразовать существовавшую до этого систему управления Туркестанским краем, введенную Положением от 1886 г., которая в плане пенитенциарной деятельности не только была далека от совершенства, но и абсолютно не дотягивала до общероссийских стандартов. Можно сделать вывод о том, что централизованная тюремная система там отсутствовала, а управление

¹ См.: Скованные узники. Бухара. Фотограф Российской империи Сергей Прокудин-Горский. Это изображение из Библиотеки Конгресса США, отдел эстампов и фотографий, имеет цифровой идентификатор (digital ID) – prokc.20009.

² Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом: тюремное дело. С. 138.

действующими учреждениями характеризовалось нестабильностью. Представляется обоснованным мнение исследователя этой проблемы Н. Б. Махмудовой, оценивающей деятельность чиновников региона в отношении развития уголовно-исполнительной системы как некомпетентное, характеризующееся равнодушием, безответственностью в сочетании с проявлениями коррупционности [11, с. 208].

Сбор фактических материалов, связанных с ревизией, выявил вызывающие противозаконные действия полицейских и тюремных служащих. Так, только в Сырдарьинской области пришлось уволить до половины начальников уездов, которые наряду с исполнением общих административных функций являлись руководителями всех полицейско-тюремных сил этой местности. Тем не менее сделанные членами ревизионной комиссии выводы подтвердили целесообразность сохранения в этом регионе системы военно-народного управления под руководством сильной власти генерал-губернатора. Выводы, сделанные с позиций современного состояния исследовательской базы, свидетельствуют о том, что только благодаря привнесенной Россией структурированной, мобильной и контролируемой административной власти, в среднеазиатских регионах к началу XX века появилась возможность оперативно разрешать основные социально-политические вопросы, эффективно осуществлять правоохранительную деятельность.

Список источников

1. Реент Ю. А. Полицейская система Российской империи начала XX века (1900–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. 521 с.
2. Бартольд В. В. Сочинения. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. 1024 с.
3. Рахимзода Р. Х. Состояние розыскной деятельности в досоветском Таджикистане // Юридические науки: история и современность. 2016. № 7. С. 136–147.
4. Вамбери А. Очерки Средней Азии. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1867. 362 с.
5. Бернс А. Кабул. Путевые записки сэра Александра Борнса в 1836, 1837 и 1838 годах. М., 1847 (2016). Ч. 1. 395 с.
6. Литвинов В. П. Государство и полиция в царской России: туркестанский вариант (очерки истории) : монография. Воронеж : Воронежская областная типография, 2025. 609 с.
7. Литвинов В. П. Организация и деятельность имперской полиции на российских территориях Средней Азии (1865–1917 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2026. 497 с.
8. Маев Н. Очерки Бухарского ханства. Ташкент : Воен.-нар. управление, 1875. 82 с.
9. Вахабов М. Ташкент в годы трех революций. Ташкент : Госиздат УзССР, 1957. 284 с.
10. Литвинов В. П. Религиозная полиция в исламском мире: среднеазиатские ханства // Клио. 2024. № 1(205). С. 45–51.
11. Махмудова Н. Б. Состояние пенитенциарной системы Туркестанского края в начале XX в. (по материалам отчета сенаторской ревизии графа К. К. Палена) // Метаморфозы истории : альманах. Псков : Псков. гос. ун-т, 2016. Вып. 8. С. 201–210.

References

1. Reent, Yu. A. 2002, *The police system of the Russian Empire at the beginning of the twentieth century (1900–1917): Sc.D (Historical Sciences)*, Moscow.
2. Bartold, V. V. 1963, *Essays*, vol. II, part 1, *General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe*, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow.

3. Rahimzoda, R. H. 2016, 'The state of investigative activity in pre-Soviet Tajikistan', *Legal sciences: history and modernity*, iss. 7, pp. 136–147.
4. Vamberi, A. 1867, *Essays on Central Asia*, Moscow.
5. Burns, A. 1847 (2016), *Kabul. Travel notes of Sir Alexander Bournes in 1836, 1837 and 1838*, part 1, Moscow.
6. Litvinov, V. P. 2025, *The state and the police in Tsarist Russia: The Turkestan version (essays on history): monograph*, Voronezh Regional Printing House, Voronezh.
7. Litvinov, V. P. 2026, *Organization and activity of the Imperial police in the Russian territories of Central Asia (1865–1917): Sc.D (Historical Sciences)*, Moscow.
8. Mayev, N. 1875, *Essays on the Bukhara Khanate*, Military-People's Administration, Tashkent.
9. Vakhobov, M. 1957, *Tashkent during the three revolutions*, Gosizdat UzSSR, Tashkent.
10. Litvinov, V. P. 2024, 'Religious police in the Islamic world: Central Asian khanates', *Clio*, iss. 1(205), pp. 45–51.
11. Makhmudova, N. B. 2016, 'The state of the penitentiary system of the Turkestan region in the early twentieth century (based on the report of the senatorial audit of Count K. K. Palen)', in *Metamorphoses of history: almanac*, iss. 8, pp. 201–210, Pskov State University, Pskov.

Информация об авторе

Ю. А. Реент – доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры философии и истории.

Information about the author

Yu. A. Reent – Sc.D (Historical Sciences), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Philosophy and History Department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 10.12.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 30.01.2026.

The article was submitted 10.12.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 30.01.2026.

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья
УДК 343.985.7:343.81

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ПРОЦЕССЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Андрей Александрович Нуждин¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, nuzhdin.a.a@apu.fsin.gov.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных форм взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов в процессе выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступлений осужденными в исправительных учреждениях. Цель исследования – определение основных форм взаимодействия, их классификация по уголовно-процессуальному основанию. В результате установлено, что взаимодействие должностных лиц в процессе криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений – основанная на нормативных актах согласованная по целям, задачам, обстановке деятельность различных субъектов, направленная на выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Ключевые слова: взаимодействие, должностное лицо, предупреждение, выявление, расследование, преступление, осужденный, исправительное учреждение

Для цитирования

Нуждин А. А. Методологические аспекты взаимодействия должностных лиц в процессе криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 73–81.

MANAGEMENT VECTOR

Original article

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE INTERACTION OF OFFICIALS IN THE PROCESS OF CRIMINALISTIC PREVENTION OF PENITENTIARY CRIMES

Andrey Aleksandrovich Nuzhdin¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, nuzhdin.a.a@apu.fsin.gov.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the main forms of interaction between law enforcement officials in the process of identifying and eliminating the circumstances that contributed to the commission of crimes committed by convicts in correctional institutions. The purpose of the study is to identify the main forms of interaction and classify them according to the criminal procedure basis. As a result, it has been established that the interaction of officials in the process of criminalistic prevention of penitentiary crimes is an activity of various entities based on normative acts, coordinated in terms of goals, objectives, and situation, aimed at identifying and eliminating the circumstances that contributed to the commission of penitentiary crimes.

Keywords: interaction, official, prevention, detection, investigation, crime, convict, correctional institution

For citation

Nuzhdin, A. A. 2026, 'Methodological aspects of the interaction of officials in the process of criminalistic prevention of penitentiary crimes', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 73–81.

Введение

Эффективность предупреждения пенитенциарных преступлений зависит от успешного взаимодействия уполномоченных должностных лиц правоохранительных органов (дознаватели, следователи, оперативные уполномоченные учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, прокуроры, экспертно-криминалистические центры) [1]. Отдельным вопросам взаимодействия правоохранительных органов в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений посвящены диссертационные исследования ряда ученых (Н. А. Аменицкая, Р. В. Зимин, О. Н. Игнатова, Т. А. Паутова, Е. В. Санькова, В. М. Усынин, А. Ю. Чайка). Вопросы межведомственного взаимодействия в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений рассматривались А. Г. Бакунчевым, Р. Г. Мироновым и др. Теория взаимодействия активно разрабатывалась в советский период (А. А. Аксенов, В. М. Аتماжитов, В. М. Капулин). В настоящее время также готовятся диссертации, посвященные взаимодействию правоохранительных органов в сфере борьбы с пенитенциарной преступностью, но нередко они носят закрытый характер.

Основная часть

Как и любые другие формы, взаимодействие при организации предупреждения пенитенциарных преступлений обладает определенными признаками:

1) осуществляется в соответствии с действующим законодательством как межотраслевого уровня (например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации), так и ведомственного характера (Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» или Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»);

2) является совместной и согласованной деятельностью. Взаимодействие – всегда совместная деятельность, она требует наличия не менее двух субъектов (сотрудник исправительного учреждения и следователь Следственного комитета Российской Федерации или работник прокуратуры и следователь Следственного комитета Российской Федерации). В условиях исправительного учреждения данная деятельность также является согласованной, поскольку дознаватель, следователь осуществляют ее координацию между субъектами предупреждения;

3) организуется в конкретной обстановке, направление взаимодействия строго определено. Взаимодействие, согласованное по месту и времени, возможно только при проведении конкретных мероприятий (производство следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий). Взаимодействие организационного характера (исполнение требований дознавателя, следователя, подбор необходимых документов) происходит в условиях единой обстановки расследования и предупреждения пенитенциарных преступлений;

4) выступает многоуровневой деятельностью. Взаимодействие – разноплановая система совместной деятельности: процессуальной и непроцессуальной (организационно-управленческой, оперативно-розыскной);

5) сочетает комплекс средств, приемов и методов. Интенсивность и результативность взаимодействия зависит от грамотного сочетания имеющихся в распоряжении должностных лиц средств, приемов и методов предупредительной деятельности;

6) указывает на главенствующую роль лица, производящего расследование. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством «следователь уполномочен самостоятельно направлять ход расследования» (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Как справедливо отметил Р. С. Белкин, «объем полномочий следователя определяет его руководящую роль, он непосредственно лично несет ответственность за принимаемые решения и результаты расследования в целом. Деятельность иных участников предварительного следствия «подстраивается» под задачи, поставленные следователем, согласуется с ними. Однако, поскольку термин «взаимодействие» традиционно используется для обозначения этой деятельности, нет смысла при дальнейшем изложении заменять его каким-либо другим» [2, с. 662].

На основании изложенного можно сформулировать определение взаимодействия должностных лиц в процессе криминалистического предупреждения пенитенциарных преступлений – основанная на законе и подзаконных нормативных актах согласованная по целям, задачам, обстановке деятельность различных субъектов, направленная на выявление и последующее устранение обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений.

Анализ эмпирических источников¹ позволил выявить и охарактеризовать различные формы межведомственного взаимодействия в процессе предупреждения пенитенциарных преступлений. Традиционно взаимодействие можно подразделить на процессуальное и непроцессуальное [3 с. 71–75].

Основной процессуальной формой взаимодействия выступает исполнение письменных поручений дознавателя, следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий. В связи с этим в уголовно-процессуальной теории возник вопрос: каков процессуальный статус отдельных должностных лиц уголовно-исполнительной системы? Ряд ученых (Н. Г. Шурухнов [4, с. 49–57], С. И. Гирько [5]) полагают, что должностные лица уголовно-исполнительной системы не наделены полномочиями органа дознания при буквальной трактовке уголовно-процессуального законодательства. Ввиду этого заслуживает внимания точка зрения Б. Я. Гаврилова, согласно которой «сама постановка вопроса о наделении органов и учреждений уголовно-исполнительной системы процессуальными полномочиями органа дознания и их должностных лиц в научной среде и практиками воспринимается неоднозначно, поскольку есть как убежденные сторонники, так и противники реализации данной идеи, главный аргумент которых заключается в том, что уголовно-процессуальная детальность не входит в перечень изложенных в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации основных целей и задач уголовно-исполнительной системы и в целом уголовно-исполнительного законодательства» [6, с. 82].

На практике ситуация сложилась таким образом, что должностные лица исправительных учреждений исполняют отдельные поручения дознавателя, следователя. Данное обстоятельство подтверждается как анализом материалов уголовных дел (в 59,8 % изученных материалов наличествовали поручения на производство следственных действий (оперативно-розыскных мероприятий), из них в 46,9 % случаев их исполняли сотрудники уголовно-исполнительной системы), так и опросом дознавателей, следователей – в 75,9 % случаев ими давались данные поручения; сотрудники уголовно-исполнительной системы в 36,0 % случаев привлекались к производству следственных действий, в 24,0 % – иных процессуальных действий, в 40,0 % – к проведению оперативно-розыскных мероприятий.

Однако указанные поручения практически не содержат запросов, ориентированных на выявление причин и условий, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений. Лишь в 4,5 % проанализированных документов усматривались отдельные, нередко разрозненные сведения, которые можно было бы использовать в предупредительных целях. Это свидетельствует о том, что предупреждение преступлений не воспринимается следователями и дознавателями как неотъемлемая, сквозная задача всего производства по уголовному делу.

Центральной, но, к сожалению, недостаточно задействованной процессуальной формой, специально предназначенной для целей предупреждения, является внесение представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Диспозитивность данной нормы – «вправе

¹ Представленный материал основан на анализе 482 архивных уголовных дел о преступлениях, совершенных осужденными в исправительных учреждениях в 28 субъектах Российской Федерации; опросе 1386 сотрудников исправительных учреждений, осуществляющих свою деятельность в 47 территориальных органах уголовно-исполнительной системы; 218 следователей (дознавателей) органов внутренних дел и Следственного комитета Российской Федерации.

внести» – на практике трансформируется в ее факультативность, что ведет к резкому снижению количества таких документов.

Углубленный анализ статистических данных выявил тревожную тенденцию:

1) низкая частота использования. Представления содержались лишь в 15,2 % изученных уголовных дел. Это означает, что в подавляющем большинстве случаев уголовное судопроизводство завершается без какого-либо официального процессуального реагирования на причины и условия, выявленные в ходе расследования;

2) проблема формализма. Более двух третей внесенных представлений (74,0 %) носят формальный, шаблонный характер. Их содержание часто сводится к общим фразам («усилить воспитательную работу», «улучшить оперативную обстановку»), не содержащим конкретных, адресных и исполнимых рекомендаций;

3) низкая эффективность. Лишь в 4,6 % случаев рекомендации, изложенные в представлениях, в полной мере коррелировали с установленными по делу обстоятельствами, способствовавшими совершению преступлений. Это указывает на поверхностный анализ причин и условий и отсутствие глубокой проработки вопроса совместно с администрацией исправительного учреждения.

Проведенный опрос сотрудников органов предварительного расследования выявил некий диссонанс: 65,8 % респондентов указали на то, что вносили подобные представления, а 81,1 % – что проверяли их исполнение. Однако эмпирические данные (анализ уголовных дел) и результаты опроса сотрудников УИС демонстрируют иную картину: 66,0 % сотрудников исправительных учреждений отметили, что в их учреждении такие представления не вносились. Особенно показателен ответ руководителей исправительных учреждений – 90 % из них не сталкивались с данными документами. Этот разрыв между ведомственными отчетами и реальной практикой требует серьезного осмысления.

Кроме представления, к процессуальной форме взаимодействия можно отнести и уведомление о принятых мерах, направляемое дознавателю, следователю. В соответствии с законом такое уведомление должно быть направлено в течение месяца. Однако данный документ не подшивается в материалы уголовного дела, что создает значительную проблему для последующего контроля и анализа эффективности принятых мер. Проследить реальную «судьбу» представления за пределами данного уголовного дела становится практически невозможным.

Опрос сотрудников УИС показал, что лишь 16,0 % из них непосредственно исполняли представления, внесенные дознавателем, следователем. Наибольшая доля исполнителей – среди сотрудников оперативных подразделений (29,0 %), что логично с учетом специфики их работы. При этом 68,0 % респондентов никогда не получали поручений на исполнение подобных представлений, а 2,0 % – открыто признались в их игнорировании. Вместе с тем важно отметить и позитивную инициативу: в среднем 27,0 % сотрудников (среди оперативников – 45,0 %) самостоятельно, в рамках своих полномочий, устраняли выявленные криминогенные обстоятельства, что в 100 % случаев подтверждается материалами уголовных дел.

Важно подчеркнуть, что любая деятельность, осуществляемая в рамках уголовно-процессуального законодательства, является процессуальной, независимо от формы, вида и круга участников.

Существуют и непроцессуальные (организационно-управленческие) формы взаимодействия [7] должностных лиц, которые являются действенным инструментом предупреждения пенитенциарных преступлений.

Эффективность предупреждения пенитенциарных преступлений во многом определяется не столько процессуальными предписаниями, сколько качеством повседневного организационного взаимодействия. К его ключевым формам относятся:

1. Совместная работа на месте происшествия [8, с. 17–26]. Этот вид взаимодействия представляет собой не разовое действие, а сложную, многоуровневую систему координации усилий:

– информационный обмен (первоначальный обмен имеющимися данными, изучение уже проведенных действий, выработка общего понимания сложившейся ситуации и определение первоочередных направлений предупредительной работы);

– оперативное обеспечение [9] (деятельность оперативных сотрудников УИС по непосредственному обеспечению работы дознавателя, следователя: идентификация и опрос очевидцев, проведение оперативных опросов, сбор ориентирующей информации, обеспечение изоляции и сохранности места происшествия в условиях исправительного учреждения);

– оперативно-тактическое комбинирование (разработка и проведение комплекса согласованных мероприятий (организационных, оперативно-розыскных, «режимных»), направленных на активное выявление латентных обстоятельств, способствовавших совершению преступления (например, установление каналов проникновения запрещенных предметов, неформальных связей между осужденными);

– совместный анализ и планирование (коллегиальное обсуждение полученных на месте результатов, формирование единой картины произошедшего, выдвижение и проверка версий, планирование дальнейших следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий предупредительного характера);

– «легализация» полученной оперативными сотрудниками информации (рассекречивание данных, полученных негласным оперативно-розыскным путем, в легальные процессуальные источники, например, проведение допросов на основе полученных от конфиденентов сведений, осмотр изъятых предметов) [10, с. 60–66].

2. Совместное планирование деятельности по предупреждению пенитенциарных преступлений. Несмотря на то что за организацию расследования отвечает дознаватель, следователь, игнорирование мнения и экспертного потенциала сотрудников УИС, особенно оперативных работников, является грубой тактической ошибкой. Совместное планирование становится критически важным в процессе выявления обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, в сложных и многоэпизодных делах, требующих проведения комплексных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Такой подход позволяет: рационально использовать силы и средства всех участников предупредительной деятельности; определить оптимальную последовательность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; сфокусировать усилия на наиболее значимых с точки зрения предупреждения обстоятельствах, основой для планирования предупредительной деятельности должна служить не просто «информация», а тщательно проанализированные, оцененные и систематизированные по целям предупреждения данные.

3. Взаимный обмен информацией и использование ее результатов [11, с. 10–14]. Сотрудники УИС обладают уникальными знаниями о специфике деятельности исправительного учреждения, об особенностях личностных свойств осужденных, о криминальной ситуации и изменениях в оперативной обстановке. Передача этих сведений дознавателю, следователю должна быть не хаотичной, а целенаправленной, конкретной и документально фиксируемой (в виде справок, рапортов).

4. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности. Статья 89 УПК РФ устанавливает прямой запрет на использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Следовательно, необходима их процедурная конвертация через производство следственных действий (допросы, осмотры, обыски) [12, с. 109–112]. Результаты оперативно-розыскной деятельности, как справедливо отмечает В. Н. О梅林, имеют особую ценность именно для выявления фоновых, латентных обстоятельств, способствовавших совершению преступления (например, информация о коррупционных связях, неисполнении служебных обязанностей сотрудниками, наличии неучтенных каналов связи с внешним миром).

5. Применение результатов проведения мероприятий по обеспечению режима. Уголовно-исполнительная система обладает уникальным инструментарием, не свойственным иным правоохранительным органам, – проведение режимных мероприятий (обысков, досмотров, цензуры корреспонденции, контроля переговоров). Предметы и документы, изъятые в ходе таких мероприятий, даже если они были получены вне процессуальной формы, могут содержать бесценную информацию о причинах и условиях, способствовавших совершению преступлений. В последующем эти сведения могут быть легализованы в рамках уголовного процесса и использованы в предупредительной деятельности.

Заключение

Таким образом, комплексное и системное взаимодействие между дознавателем, следователями и сотрудниками уголовно-исполнительной системы в процессе выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, представляет собой не вспомогательную, а стратегическую задачу. Его эффективная организация позволяет перейти от констатации фактов преступной деятельности к активной и упреждающей модели предупреждения пенитенциарных преступлений.

Качественно выстроенное взаимодействие выражается не только в экономии процессуальных и организационных ресурсов, но и в создании устойчивого барьера для рецидива преступлений, способствуя достижению целей как уголовно-процессуального, так и уголовно-исполнительного законодательства. Дальнейшее развитие рассматриваемого института требует совершенствования ведомственных инструкций и изменения правосознания дознавателей, следователей, для которых выявление (и выработка рекомендаций к последующему устранению) обстоятельств, способствовавших совершению пенитенциарных преступлений, должно стать не формальным обязательством, а профессиональной потребностью.

Список источников

1. Врублевская О. А. О сущности понятия «социальное взаимодействие» в научных исследованиях // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета имени академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 5(12). С. 60–65.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М. : Юристъ, 2001. 837 с.
3. Лимпинский Ф. В., Антонов О. Ю. Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями ФСИН России при расследовании преступлений, совершенных лицами, содержащимися в учреждениях уголовно-исполнительной системы (на примере практики Пермского края) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4(34). С. 71–75.

4. Шурухнов Н. Г. Должностное лицо органа дознания – органа исполнительной власти (уголовно-исполнительной системы) как носитель процессуальных полномочий // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 9(256). С. 49–57.

5. Гирько С. И. Возвращение уголовно-исполнительной системе Российской Федерации процессуальных полномочий: этапность и последовательность шагов // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 3(226). С. 6–14.

6. Гаврилов Б. Я. Актуальные вопросы деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы как органов дознания // Уголовно-исполнительная система Российской Федерации: вопросы исполнения уголовных наказаний, реализации мер probation, взаимодействия с публичной властью и институтами гражданского общества : сб. тез. выступ. и докл. участников Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 90-летию со дня образования Академии ФСИН России. Рязань, 2024. С. 81–86.

7. Босак Е. Е., Холопова Е. Н. Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями исправительных учреждений. М. : Юрлитинформ, 2019. 166 с.

8. Бессонов А. А. Криминалистика на защите российских традиционных духовно-нравственных ценностей // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 1. С. 17–26.

9. Бородулин В. В., Ильичев Н. Н., Соловьев В. И. Организационно-тактические действия оперативного сотрудника органов внутренних дел на месте происшествия при раскрытии убийства : метод. пособие. Домодедово, 2003. 38 с.

10. Агарков А. В. Особенности осуществления оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-исполнительной системе // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 5(20). С. 60–66.

11. Гаврилин Ю. В., Шурухнов В. А. Некоторые проблемы организации взаимодействия органов расследования с подразделениями ФСИН и пути их разрешения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2015. № 4. С. 10–14.

12. Гришин Д. А., Шурухнов Н. Г. О конвертации результатов производства оперативно-розыскных мероприятий в доказательства // Актуальные проблемы науки и практики XXI века : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Рязань, 2016. С. 109–112.

References

1. Vrublevskaya, O. A. 2006, 'On the essence of the concept of "social interaction" in scientific research', *Bulletin of the Siberian State Aerospace University named after Academician M. F. Reshetnev*, iss. 5(12), pp. 60–65.

2. Belkin, R. S. 2001, *Course of criminalistics*, 3rd edn, Jurist, Moscow.

3. Limpinsky, F. V. & Antonov, O. Yu. 2021, 'The investigator's interaction with the operational units of the Federal Penitentiary Service of Russia in the investigation of crimes committed by persons held in institutions of the penal system (on the example of the practice of the Perm Region)', *Investigation of crimes: problems and solutions*, iss. 4(34), pp. 71–75.

4. Shurukhnov, N. G. 2023, 'Official of the body of inquiry – an executive authority (penal enforcement system) as the bearer of procedural powers', *Bulletin of the penal system*, iss. 9(256), pp. 49–57.

5. Girko, S. I. 2021, 'The return of procedural powers to the penal enforcement system of the Russian Federation: stages and sequence of steps', *Bulletin of the penal system*, iss. 3(226), pp. 6–14.

6. Gavrilov, B. Ya. 2024, 'Actual issues of the activities of bodies and institutions of the penal enforcement system as bodies of inquiry', in *The penal system of the Russian Federation: issues of the execution of criminal penalties, the implementation of probation measures, interaction*

with public authorities and institutions of civil society: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the Academy of the FPS of Russia, pp. 81–86, Ryazan.

7. Bosak, E. E. & Kholopova, E. N. 2019, *Interaction of the investigator with the operational units of correctional institutions*, Yurlitinform, Moscow.

8. Bessonov, A. A. 2025, 'Criminalistics for the protection of Russian traditional spiritual and moral values', *Journal of Russian Law*, vol. 29, iss. 1, pp. 17–26.

9. Borodulin, V. V., Ilyichev, N. N. & Solovyov, V. I. 2003, *Organizational and tactical actions of an operational officer of the internal affairs bodies at the scene of a murder investigation: methodological guide*, Domodedovo.

10. Agarkov, A. V. 2022, 'Features of the implementation of operational investigative measures in the penal enforcement system', *Ius Publicum et Privatum*, iss. 5(20), pp. 60–66.

11. Gavrilin, Yu. V. & Shurukhnov, V. A. 2015, 'Some problems of organizing the interaction of investigative bodies with FSIN units and ways to resolve them', *Penal system: law, economics, management*, iss. 4, pp. 10–14.

12. Grishin, D. A. & Shurukhnov, N. G. 2016, 'On the conversion of the results of operational investigative measures into evidence', in *Actual problems of science and practice of the XXI century: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference*, pp. 109–112, Ryazan.

Информация об авторе

А. А. Нуждин – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника юридического факультета.

Information about the author

A. A. Nuzhdin – PHD (Law), Associate Professor, deputy head of the faculty of law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 28.12.2025; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 29.01.2026.

The article was submitted 28.12.2025; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 29.01.2026.

Научная статья
УДК 343.847

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Сергей Анатольевич Злотников^{1,2}, Сергей Петрович Седнев^{1,3}

¹ Межрегиональный учебный центр ГУФСИН России по Красноярскому краю, г. Красноярск, Россия

² uhc@24.fsin.gov.ru

³ sednev_sp@24.fsin.gov.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы реализации Федерального закона от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Приводятся аргументы, в том числе опыт пробации зарубежных стран, в пользу введения института принудительной пробации, что позволит осуществить значительно больший охват осужденных мерами социальной поддержки, предусмотренными Федеральным законом. Предметом исследования выступили некоторые результаты практической деятельности по социальной реабилитации освобождающихся из мест лишения свободы. Сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего пробацию в Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пробация, социальная адаптация, принудительная пробация

Для цитирования

Злотников С. А., Седнев С. П. Некоторые вопросы реализации Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 82–87.

Original article

SOME ISSUES RELATED TO THE IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL LAW ON PROBATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey Anatolyevich Zlotnikov^{1,2}, Sergey Petrovich Sednev^{1,3}

¹ Interregional Training Center of the FPS of Russia for the Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Russia

² uhc@24.fsin.gov.ru

³ sednev_sp@24.fsin.gov.ru

Abstract. In the article, the authors consider certain problems of the implementation of Federal Law No. 10-FZ dated February 6, 2023 "On Probation in the Russian Federation". Arguments are given, including the experience of probation in foreign countries, in favor of introducing the institution of compulsory probation, which will allow for significantly greater coverage of convicts by social support measures provided for by Federal Law. The subject of the study was some of the results of practical activities for the social rehabilitation of those released from prison. Conclusions are drawn about the need for further improvement of the legislation regulating probation in the Russian Federation.

Keywords: penal system, probation, social adaptation, compulsory probation

For citation

Zlotnikov, S. A. & Sednev, S. P. 2026, 'Some issues related to the implementation of the Federal Law on Probation in the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 82–87.

Принятие и реализация Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) представляет собой значимый шаг в направлении совершенствования уголовно-исполнительной системы и обеспечения более гуманного и эффективного подхода к реабилитации осужденных. Закон о пробации призван активно участвовать в социальной адаптации и реинтеграции осужденных в общество. Ключевые принципы пробации, такие как индивидуальный подход, социальное сопровождение и сотрудничество с общественными и религиозными организациями, направлены на снижение рецидива и повышение шансов бывших осужденных на успешное возвращение в общество. При правильной реализации и постоянном улучшении этого Закона российская система пробации может значительно повысить эффективность реабилитационных программ и способствовать снижению рецидива преступлений. Перспективы пробации включают в себя создание системы мер по ресоциализации и адаптации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, а также лиц, отбывающих наказание без изоляции от общества, и как следствие – снижение рецидивной преступности. Успех ресоциализации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, напрямую зависит от эффективности исправительного воздействия, должной организации всех элементов системы ресоциализации, а также от уровня правового и организационного обеспечения данного процесса [2, с. 17–24].

Вместе с тем следует отметить, что не все аспекты реализации probation полностью определены. Законом о probation предусмотрены меры, которые осуществляются только с согласия и по заявлению осужденного. Закон о probation основывается на принципах гуманизма и учета индивидуальных особенностей лиц, в отношении которых осуществляются меры социальной поддержки в рамках исполнительной и пенитенциарной probation, присутствуют элементы обязательности, так как они реализуются в рамках исполнения приговора суда и уголовно-исполнительного законодательства. В обязанность лиц, в отношении которых применяется пенитенциарная probation, входит лишь предоставление достоверной информации для оценки их нуждаемости (ст. 18 Закона о probation).

На наш взгляд, данный подход законодателя ошибочен. Закон о probation должен содержать нормы, которые предусматривали бы принудительную probation. Речь идет о мерах по осуществлению probation в рамках приговора (постановления) суда как дополнительных мерах уголовно-правового воздействия к имеющемуся наказанию. Это станет фактором «стабилизации» личности преступника для более успешной профилактики рецидивной преступности.

Следует отметить, что принудительная probation может быть использована как альтернатива наказанию и в рамках исполнительной probation. В случаях, когда следствием и судом с учетом тяжести совершенного деяния, характеризующих личность материалов и иных заслуживающих внимания факторов, будет сделан вывод о возможности отступить от наказания в пользу probation, может быть применена принудительная probation. Безусловно, ждать от принудительной probation большого эффекта на начальном этапе применения не стоит, но в перспективе осознание осужденным возможности получить психологическую и иного рода помощь по личной программе probation приведет, по нашему мнению, к хорошему результату.

В пенитенциарных системах многих стран мира служба probation является важнейшим институтом сферы уголовного правосудия и предупреждения преступлений [3, с. 882]. Необходимо отметить, что опыт института probation зарубежных стран предусматривает элементы принуждения, которые проявляются в разных моделях probation.

Так, в США суд определяет обязанности и ограничения, возлагаемые на осужденного. Например, ограничение свободы передвижения (запрет на появление в определенных местах); ограничения в выборе рода деятельности (запрет на управление автомобилем); контроль за поведением со стороны специального должностного лица (агента, помощника, уполномоченного). Сотрудник службы probation может арестовать поднадзорного без соответствующего ордера в случае нарушения определенных условий. Кроме того, может быть предусмотрена такая мера, как вынесение альтернативных приговоров, – осужденный имеет право выбора наказания между выполнением условий, установленных службой probation, и тюремным заключением.

Законодательство Германии предусматривает назначение испытательного срока при совершении проступка или правонарушения. В режиме probation осужденный выполняет обязанности, предусмотренные судом в приговоре. Например, пройти курс лечения или профессионального обучения; воздерживаться от посещения запрещенных мест (увеселительных заведений, казино и пр.); возместить причиненный ущерб. Суд вправе отменить отсрочку, если осужденный в течение испытательного срока совершил новое преступление или не выполняет возложенные обязанности.

Во Франции требование к осужденному подчиняться мерам надзора и содействия предусмотрено специальным постановлением для социальной реадaptации преступ-

ников. Например, судья имеет право отдавать распоряжение о приводе осужденного, не выполняющего свои обязанности, и о розыске скрывшегося лица, подвергнутого режиму пробации; на основании мотивированного постановления помещать лицо, уклоняющееся от выполнения предписанных правил поведения и возложенных обязанностей, в арестный дом на определенный срок.

В Швейцарии применяется обязанность выполнения общественных работ на срок до 3 лет под надзором уполномоченных представителей местной администрации и тюрем. В качестве обязанностей такого лица устанавливается поддержание контактов со службой пробации. При несоблюдении требований пробация заменяется реальным лишением свободы.

Анализ практики применения Закона о пробации в Красноярском крае говорит о том, что только 7,5 % осужденных, в отношении которых по оценке нуждаемости целесообразно применение мероприятий содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации после освобождения, обращаются с соответствующими заявлениями¹.

Одна из причин нежелания осужденных перед освобождением заявлять о нуждаемости в пробации – необходимость контакта с уголовно-исполнительной системой после освобождения. Это, на наш взгляд, отталкивают даже тех осужденных, которые остро нуждаются в оказании содействия. В связи с этим считаем целесообразным убрать из Закона о пробации норму о том, что единственный путь оказания содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации – через уголовно-исполнительные инспекции. Центры пробации следует наделить правом самим принимать заявления от освободившихся осужденных, чтобы последних вносили в единый реестр лиц, в отношении которых осуществляется пробация.

Несомненно, пробация доказывает свою эффективность и ее применение в отношении максимального количества лиц, нуждающихся в мерах поддержки, будет способствовать снижению рецидивной преступности в Российской Федерации. В связи с этим необходимо на законодательном уровне ввести возможность применения пробации по решению суда с возложением дополнительных обязанностей на освободившихся из учреждений уголовно-исполнительной системы, которые по оценке администрации данных учреждений нуждаются в мероприятиях пробации. Основанием для такого судебного решения могло бы стать представление администрации учреждений, других правоохранительных органов.

Следует также отметить, что в приказе Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 отсутствует такое основание для прекращения постпенитенциарной пробации, как заявление от осужденного, ранее обращавшегося с ходатайством об оказании ему содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, в отношении которого администрацией исправительного учреждения или его родственниками была оказана соответствующая помощь в период отбывания наказания, и в последующем не нуждающегося в пробации. Это увеличивает количество лиц, которые после отбытия наказания не обращаются в уголовно-исполнительные инспекции, куда из исправительных учреждений направлены соответствующие документы². При этом

¹ См.: Официальный сайт ГУФСИН России по Красноярскому краю. URL: <http://www.fsin.su/organization/educate> (дата обращения: 28.12.2025).

² См.: Там же.

никакой ответственности за такой отказ от ранее заявленного содействия освобожденные граждане не несут.

Осужденные, не получившие социальную поддержку при освобождении, часто совершают повторные преступления¹. Причина тому – трудовая и бытовая неустроенность, возобновление связи ранее судимого с прежним неблагоприятным бытовым или иным окружением.

Анализ положений Закона о пробации свидетельствует о том, что в нем не предусмотрена ответственность осужденных за нарушение исполнения программы пробации. С учетом общей концепции Закона о пробации, его гуманистических начал, из которых исходит государство, предоставляя возможность получения социальной помощи осужденным, законодатель фактически не предусмотрел ответственность объекта пробации за нарушение Закона. По смыслу норм Закона о пробации нарушение программы пробации или отказ от пробации осужденным прекращают процедуру пробации. В случае невыполнения осужденным мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, сотрудником уголовно-исполнительной инспекции выносится предупреждение о возможном прекращении оказания содействия, при повторном невыполнении – постановление о прекращении пробации.

Однако следует помнить, что пробация от начала ее осуществления и до достижения поставленных целей – это финансовые затраты государства на предоставление помощи и, что немаловажно, труд сотрудников, осуществляющих пробацию относительно конкретного человека. Необходимо также учитывать, что субъекты, относительно которых предусмотрена пробация, – это лица, совершившие преступные деяния, несущие уголовную ответственность, что накладывает на них определенные ограничения и неисполнение предписаний программы пробации или отказ от нее, определенным образом характеризует осужденного. С учетом этого следует дополнить Закон о пробации нормами об ответственности, причем как осужденных, в отношении которых осуществлялась пробация, так и лиц, осуществляющих ее реализацию (например, ответственность за необоснованный отказ в пробации в случае добровольного обращения осужденного лица). Это очерчивает рамки имеющихся прав и полномочий всех участников пробации и, в большинстве случаев, ограничит возможность злоупотребления таковыми. Например, введение гражданско-правовой ответственности в виде возмещения осужденным затраченных средств на процедуру пробации станет отрезвляющим фактором при возникшем желании нарушить или отказаться от начатой процедуры [1].

Таким образом, введение пробации в России является важным шагом для гуманизации и повышения эффективности уголовно-исполнительной системы. Вместе с тем имеющиеся пробелы в Законе о пробации серьезным образом снижают эффективность, а в некоторых случаях делают невозможным реализацию рассматриваемого специфического правового инструмента и существенно ограничивают реальность задуманного законодателем социально-правового эффекта. Для полноценного функционирования пробации необходима разработка нормативных и организационных решений, определяющих, в ряде случаев, ее принудительный характер и порядок реализации.

¹ См.: Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений (форма № 4-ЕГС).

Список источников

1. Рябов П. Р. О некоторых проблемных аспектах реализации Федерального закона «О пробации Российской Федерации // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Злотников С. А. Организационные аспекты начала функционирования системы пробации в Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8. С. 17–24.
3. Габараев А. Ш., Новиков А. В. Перспективы реализации института пробации в современной пенитенциарной политике Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 882.

References

1. Ryabov, P. R. n.d., 'On some problematic aspects of the implementation of the Federal Law "On Probation of the Russian Federation"', *Legal reference system "ConsultantPlus"*.
2. Zlotnikov, S. A. 2022, 'Organizational aspects of the beginning of the functioning of the probation system in the Russian Federation', *Bulletin of the penal system*, iss. 8, pp. 17–24.
3. Gabaraev, A. Sh. & Novikov, A. V. 2015, 'Prospects for the implementation of the institute of probation in the modern penitentiary policy of the Russian Federation', *Modern problems of science and education*, iss. 2-2, p. 882.

Информация об авторах

- С. А. Злотников** – кандидат юридических наук, начальник учебного центра;
С. П. Седнев – преподаватель цикла специальных дисциплин.

Information about the authors

- S. A. Zlotnikov** – Phd (Law), head of the training center;
S. P. Sednev – lecturer of a cycle of special disciplines.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 28.12.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 13.01.2026.

The article was submitted 28.12.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 13.01.2026.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

Научная статья
УДК 343.81

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРИЧИНЫ И МЕРЫ ПО ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Татьяна Георгиевна Цуканова¹, Светлана Николаевна Злобина²

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, tsukanova.ta@yandex.ru

² Кировский институт повышения квалификации работников ФСИН России, г. Киров, Россия, sn.zlobina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются правонарушения органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в сфере охраны окружающей среды и природопользования. Определяются причины и меры предупреждения экологических правонарушений, возможные управленческие решения в целях недопущения нарушений природоохранного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, экологические правонарушения, административная ответственность, водопользование, лесопользование

Для цитирования

Цуканова Т. Г., Злобина С. Н. Экологические правонарушения учреждений уголовно-исполнительной системы: причины и меры по их предупреждению // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 88–96.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Original article

ENVIRONMENTAL VIOLATIONS OF PENAL INSTITUTIONS: CAUSES AND MEASURES TO PREVENT THEM

Tatiana Georgievna Tsukanova¹, Svetlana Nikolaevna Zlobina²

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, tsukanova.ta@yandex.ru

² Kirov Institute for Advanced Training of Employees of the FPS of Russia, Kirov, Russia, sn.zlobina@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the offenses of the bodies and institutions of the penal system in the field of environmental protection and environmental management. The reasons and measures for the prevention of environmental violations are determined, as well as possible management decisions to prevent violations of the environmental legislation of the Russian Federation.

Keywords: penal system, environmental offenses, administrative responsibility, water use, forest management

For citation

Tsukanova, T. G. & Zlobina, S. N. 2026, 'Environmental violations of penal institutions: causes and measures to prevent them', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 88–96.

Экологические правонарушения представляют собой значительную угрозу национальной экологической безопасности. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования в 2024 г. предъявила компаниям и индивидуальным предпринимателям претензии на общую сумму 124,8 млрд рублей за вред, причиненный окружающей среде, сообщается в докладе о деятельности ведомства. По информации Генпрокурора РФ И. Краснова, озвученной в ноябре 2024 г., за тот же период прокуроры взыскали более 400 млрд рублей компенсации за причинение вреда окружающей среде. Экологическое правонарушение – это противоправное, как правило, виновное деяние (действие или бездействие), совершаемое право- и дееспособным субъектом, причиняющее экологический вред или создающее реальную угрозу причинения такого вреда, либо нарушающее права и законные интересы субъектов экологического права. С учетом степени опасности экологические правонарушения подразделяются на проступки и преступления. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» устанавливает следующие формы ответственности за нарушения природоохранного законодательства: имущественную, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность.

Конкретные составы преступлений закреплены в гл. 26 УК РФ «Экологические преступления». Административная ответственность за экологические правонарушения находит свое отражение в КоАП РФ – гл. 7 (в области охраны собственности), гл. 8 (в области охраны окружающей природной среды и природопользования), гл. 10 (в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель). По своим объективным признакам административное правонарушение внешне схоже с преступлением.

В силу этого КоАП РФ одним из условий возложения административной ответственности предусматривает отсутствие в совершенном нарушении признаков состава преступления. Гражданско-правовая ответственность за экологические правонарушения – это ответственность граждан и юридических лиц за причиненный вред окружающей природной среде, здоровью и имуществу граждан и иных субъектов загрязнением окружающей среды, выразившейся в существенном ущербе экологической системе. Особенностью гражданско-правовой ответственности является компенсация за нанесенный экологический вред.

Учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) в процессе производственно-хозяйственной деятельности допускают нарушения природоохранного и природоресурсного законодательства, что приводит к предъявлению им требований о возмещении вреда, нанесенного объектам окружающей среды во исполнение требований Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». По данным Управления по организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных (УОПДТАО) ФСИН России общая сумма штрафных санкций, предъявленных к учреждениям УИС в соответствии с КоАП РФ за нарушения в области охраны окружающей среды с 1 января 2023 г. по 31 июля 2025 г. составила 2610 тыс. руб. (из которых в 2023 г. – 640, 2024 – 1500, 2025 г. – 470 тыс. руб.). За указанный период из общей суммы штрафных санкций распределение сумм штрафов по видам нарушений выглядит следующим образом:

- за нарушения, связанные со сбросом сточных вод без очистки, – 1220 тыс. руб. (46,7 %);
- нарушения при обращении с отходами производства и потребления – 950 тыс. руб. (36,3 %);
- невнесение в установленные сроки платы за негативное воздействие на окружающую среду – 300 тыс. руб. (11,4 %);
- несвоевременное представление статистической отчетности – 140 тыс. руб. (5,3 %).

Данные ведомственной статистики показывают, что большая часть вынесенных в адрес исправительных учреждений постановлений о назначении административных наказаний и судебных актов за последние пять лет связана с отсутствием и неудовлетворительной работой очистных сооружений, ставшей причиной сброса неочищенных сточных вод на рельеф местности или сброса недостаточно очищенных сточных вод в водные объекты. При хозяйственной деятельности, связанной с использованием водных объектов, на водопользователей возлагается ряд обязательств, таких как достоверное и своевременное сообщение полной информации о состоянии окружающей среды и природных ресурсов; соблюдение водоохранного режима на водосборах водных объектов; своевременное и полное выполнение обязанностей по приведению водных объектов, их водоохраных зон и прибрежных полос в состояние, пригодное для пользования; забор воды и сброс сточных вод в водные объекты в установленных объемах и в соответствии с правилами водопользования; прочие обязательства по предотвращению нарушений водоохранного законодательства. Наибольшее распространение получили нарушения водоохранного законодательства в сфере административного права, допущенные учреждениями УИС по ст. 8.1 КоАП РФ «Несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов», ст. 8.13 КоАП РФ «Нарушение правил охраны водных объектов», ст. 8.14 КоАП РФ «Нарушение правил водопользования», ст. 8.15. КоАП РФ «Нарушение правил эксплуатации водохозяйственных или водоохраных сооружений и устройств».

Так, в 2019 г. ФКУ ИК-18 УФСИН России по Нижегородской области был допущен длительный сброс неочищенных хозяйственно-бытовых и промышленных сточных вод на поверхность земли с дотеканием и загрязнением поверхностного водного объекта, вследствие чего получено требование Росприроднадзора о возмещении нанесенного вреда почвам как объекту окружающей среды на сумму 18,3 млн руб. В 2022 г. ФКУ ИК-6 УФСИН России по Тульской области допустило аналогичное правонарушение, что привело к получению аналогичного требования на сумму 3,4 млн руб.

В марте 2020 г. в ходе осмотра территории, прилегающей к ИК-7 УФСИН России по Республике Саха (Якутия), был зафиксирован факт сброса бытовых сточных вод, площадь разлива составила около 20 тыс. м². В результате разлива на ледовой поверхности образовалась наледь темно-желтого цвета. По результатам лабораторных исследований был установлен факт загрязнения, что доказывает нарушение требований Водного кодекса РФ от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ. Материалы дела были переданы по подведомственности в Управление Росприроднадзора по Республике Саха (Якутия) для принятия мер. Управлением Росприроднадзора рассмотрены административные дела в отношении должностного лица ФКУ ИК-7 УФСИН России по Республике Саха (Якутия) по факту загрязнения сточными водами за ограждением режимной территории учреждения: по ч. 4 ст. 8.13 КоАП РФ вынесено постановление о прекращении производства по делу об административном правонарушении на основании п. 2 ч.1 ст. 24.5 КоАП РФ – отсутствие состава административного правонарушения; по ч. 1 ст. 8.42 КоАП РФ наложен административный штраф на должностное лицо в размере 8000 руб. По данному факту также рассмотрено административное дело по ч. 1 ст. 8.42 КоАП РФ в отношении юридического лица, наложен административный штраф в размере 200 тыс. руб.

Сброс неочищенных сточных вод приводит к штрафным санкциям Росприроднадзора и платежам в стократном размере. Хабаровской межрайонной природоохранной прокуратурой установлен факт сброса ФКУ ИК-13 УФСИН России по Хабаровскому краю неочищенных сточных вод в водный объект, вследствие чего учреждение было признано виновным в совершении административного правонарушения по ст. 7.6, 8.13 КоАП РФ, и назначено административное наказание в виде штрафа в сумме 200 тыс. руб., а в результате его несвоевременной оплаты размер административного наказания был увеличен в два раза и составил 400 тыс. руб.

По данным территориальных органов ФСИН России, с 2019 по 2023 год сумма исков по запросу государственных органов или по решению суда составила 12 246,805 тыс. руб., сумма взысканных средств (штрафов), связанных со сбросом недостаточно очищенных сточных вод в результате неэффективной работы очистных сооружений, составила 2272,469 тыс. руб., а сумма взысканных средств за ущерб составила 171,032 тыс. руб. За указанный период по размеру взысканных средств за нарушения при сбросе сточных вод «лидерами» стали территориальные органы ФСИН России по Смоленской области (548 тыс. руб.), Пермскому краю (350 тыс. руб.), Республике Удмуртия (251 тыс. руб.), г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (170 тыс. руб.), Ростовской (150 тыс. руб.) и Нижегородской областям (150 тыс. руб.). Высокий износ оборудования очистных сооружений может стать причиной аварий локального или регионального характера, нанести непоправимый вред компонентам окружающей среды. Из 78 очистных сооружений исправительных учреждений 28 (34 %) находятся в неисправном состоянии, перегружены или работают неэффективно и не обеспечивают нормативную очистку сточных вод. Анализ данных о сроке эксплуатации очистных сооружений показал, что

только в 9 учреждениях УИС срок эксплуатации очистных сооружений менее 10 лет, а 41 учреждение (61,2 %) эксплуатирует очистные сооружения более 30 лет, из которых в 12 учреждениях (17,9 %) срок эксплуатации составляет более 50 лет. Аварийное состояние очистных сооружений в некоторых исправительных учреждениях приводит к сбросу неочищенных сточных вод согласно представленным протоколам. В среднем идет превышение нормативов по следующим показателям: БПК₅ – в 26 раз, взвешенные вещества – в 84 раза, нитрит-ион – в 1,5 раза, по железу общему – в 17,9 раза, нефтепродуктам – в 7,4 раза. Такие очистные сооружения не выполняют свои функции, восстанавливать их нецелесообразно, поэтому необходимо строительство новых очистных и перекладка сетей канализационных коллекторов. Сегодня основными причинами низкой эффективности работы очистных сооружений в учреждениях УИС являются:

- неудовлетворительное техническое состояние из-за длительной и активной эксплуатации;
- невозможность проведения качественного ремонта из-за недостатка финансовых ресурсов и альтернативных линий очистки;
- несвоевременное проведение ремонтных работ и пр.

Фактическая эффективность очистки сточных вод по совокупности загрязняющих веществ сильно различается в разрезе учреждений УИС. В 18 учреждениях УИС эффективность очистки достаточно низкая (до 50 %) и не соответствует нормативным требованиям. По данным территориальных органов ФСИН России, в 21 исправительном учреждении с 2000 по 2024 год проводился ремонт оборудования очистных сооружений, в 22 исправительных учреждениях их ремонт не проводился, причем в отдельных учреждениях с 1976 г. Для решения проблемы очистки сточных вод и уменьшения штрафных санкций учреждения УИС подавали предложения о строительстве очистных сооружений в программу «Развитие уголовно-исполнительной системы на 2018–2026 годы», но в дальнейшем предложенные мероприятия по строительству и реконструкции были исключены из нее из-за недостаточного финансирования. Сегодня учреждения УИС, оказывающие максимально негативное воздействие на состояние окружающей среды в результате сброса сточных вод без очистки и недостаточно очищенных сточных вод, требуют особого внимания со стороны руководства ФСИН России по исправлению данной ситуации. В условиях недостатка финансовых ресурсов задача территориальных органов ФСИН России состоит в организации взаимодействия с исполнительными органами субъектов РФ и формулировке перечня конкретных мероприятий для включения в Единый федеральный проект по оздоровлению водных объектов.

Большое количество экологических правонарушений совершают учреждения и органы УИС и в сфере обращения с отходами производства и потребления. Так, в 2021 г. ФКУ ИК-4 УФСИН России по Вологодской области было привлечено к административной ответственности за нарушение требований Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления». В результате проверки Вологодской прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Вологодской области в ФКУ ИК-4 УФСИН России по Вологодской области выявлены нарушения при обращении с отходами, связанные с хранением в непригодном помещении без тары и упаковки отработанных ртутьсодержащих ламп. Указанные нарушения создавали угрозу причинения вреда здоровью граждан. На основании постановления прокуратуры исправительная колония привлечена к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.2 КоАП РФ «Несоблюдение требований в области охраны

окружающей среды при сборе, накоплении, транспортировании, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства и потребления» с назначением наказания в виде штрафа в размере 50 тыс. руб. По результатам рассмотрения жалобы учреждения вид административного наказания Сокольским районным судом оставлен без изменения.

В 2024 г. Ухтинская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях выявила нарушения требований природоохранного законодательства в ФКУ ИК-19 УФСИН России по Республике Коми в части неисполнения обязанностей по отнесению отходов производства и потребления I–V класса опасности к конкретному классу опасности, отсутствию учета образующихся отходов производства и потребления. Постановлениями Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми от 13 августа 2024 г. данное исправительное учреждение признано виновным в совершении административных правонарушений по ч. 8–10 ст. 8.2 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде штрафа в общей сумме 650 тыс. руб.

Факты многочисленных административных наказаний учреждений УИС за невнесение в установленные сроки платы за негативное воздействие на окружающую среду и несвоевременное представление статистической отчетности связаны с недостаточным и несвоевременным финансированием, а также свидетельствуют о низкой эффективности работы отдельных должностных лиц, часто связанной с неукомплектованностью штатной численности исправительных учреждений. По данным УОПДТАО ФСИН России, в 2023–2024 гг. выявлены факты невнесения в установленные сроки платы за негативное воздействие на окружающую среду в территориальных органах ФСИН России по Свердловской, Тюменской областям, Ямало-Ненецкому автономному округу, что стало следствием привлечения отдельных исправительных учреждений к административной ответственности, предусмотренной ст. 8.41 КоАП РФ, в виде штрафов общей суммой 300 тыс. руб.

Имеются факты причинения вреда почвам и водным объектам. Например, в 2020 г. ФКУ ИК-6 УФСИН России по Псковской области был допущен разлив отработанных нефтепродуктов (отходов смешанных масел) на поверхность земли, вследствие чего получено требование о возмещении нанесенного вреда почвам как объекту окружающей среды на сумму 5,6 млн руб. В 2024 г. Енисейской межрайонной прокуратурой проведена проверка природоохранного законодательства, в ходе которой выявлены нарушения в деятельности ФКУ Т-2 ГУФСИН России по Красноярскому краю. В ходе проверки установлено, что учреждению (ФКУ Т-2) на праве оперативного управления передана нефтеналивная баржа БРН-321, которая в полузатопленном состоянии размещена учреждением в затоне акватории р. Енисей в г. Енисейске. По результатам отбора проб специалистами Росприроднадзора установлено наличие превышения предельно допустимой концентрации рыбохозяйственного значения содержания нефтепродуктов в р. Енисей в 1,92 раза в месте размещения баржи и в 4,8 раза в фоновой пробе. В связи с этим прокуратурой района начальнику учреждения внесено представление об устранении нарушений природоохранного законодательства. В отношении должностного лица учреждения возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 4 ст. 8.13 КоАП РФ, назначено наказание в виде штрафа в размере 50,0 тыс. руб. В связи с непринятием действенных мер к извлечению баржи из воды и ее утилизации в Енисейский районный суд направлено исковое заявление о понуждении к проведению данных действий. Фактическое устранение нарушений находится на контроле межрайонной прокуратуры.

В ходе внеплановой проверки земельного участка, относящегося к землям сельскохозяйственного назначения, в ФКУ ИК-40 ГУФСИН России по Иркутской области Управлением Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Иркутской области и Республике Бурятия установлено загрязнение и перекрытие плодородного слоя почвы твердыми коммунальными и промышленными отходами на площади 18,3 га. Это стало основанием для обращения в суд с иском о взыскании с исправительного учреждения ущерба в стоимостной форме, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды в размере 429 788,9 тыс. руб. В настоящее время в судебных органах рассматриваются дела по аналогичным нарушениям в территориальных органах ФСИН России по Хабаровскому краю (32 200,3 тыс. руб.), Курганской (16 863.9 тыс. руб.), Псковской областям (1830,5 тыс. руб.).

Одной из актуальных проблем охраны окружающей среды в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации является лесопользование. Основные эксплуатационные запасы древесины исправительных учреждений расположены на территории Сибири и Дальнего Востока, Европейского Севера, Урала [2, с. 282–283]. Исправительным учреждениям 16 территориальных органов ФСИН России органами, исполняющими полномочия в сфере управления лесным хозяйством субъектов РФ, переданы лесные участки в аренду. В некоторых случаях хозяйственная деятельность, связанная с эксплуатацией лесных участков, исправительными учреждениями проводится с нарушениями положений лесного законодательства Российской Федерации. Наибольшее распространение получили нарушения лесного законодательства в сфере административного права, допущенные при заготовке древесины, выраженные в ст. 8.25 КоАП РФ «Нарушение правил использования лесов», ст. 8.27 «Нарушение правил лесовосстановления, правил лесоразведения, правил ухода за лесами, правил лесного семеноводства», ст. 8.31 «Нарушение правил санитарной безопасности в лесах», ст. 8.32 КоАП РФ «Нарушение правил пожарной безопасности в лесах». Причинами совершения правонарушений в сфере лесопользования являются отсутствие денежных средств на закупку услуг по разработке проектов освоения лесов и лесовосстановления, недобросовестность контрагентов, недостаточно качественный подход к проведению таксации лесных участков с целью уточнения объемов расчетной лесосеки [1, с. 34–37]. Наибольшее количество административных правонарушений в сфере лесопользования выявлено в 2024 г. в территориальных органах ФСИН России – крупнейших заготовителях древесины. Они являются лидерами по общему объему административных штрафов. К числу таких регионов относится Красноярский край.

Деятельность учреждений УИС Красноярского края в сфере лесопользования сегодня сводится к предоставлению земель государственного лесного фонда, полученных в постоянное (бессрочное) пользование, третьим лицам для освоения государственных контрактов или договоров купли-продажи. Так, из 55 исправительных учреждений Красноярского края 33 – самостоятельно заготовку не осуществляли, а полученные в постоянное (бессрочное) пользование земли государственного лесного фонда были переданы третьим лицам для освоения на основании государственных контрактов или договоров купли-продажи. В связи с этим охрана, защита и воспроизводство государственного лесного фонда на вверенных участках не обеспечивались, и фактически эти земли вовлекаются в теневой оборот. На участках, находящихся в пользовании ФКУ ИК-24 ГУФСИН России по Красноярскому краю, длительное время совершались незаконные рубки древесины на общую сумму 317 млн руб., в связи с чем было возбуждено 19 уголовных дел в отношении неустанов-

ленных лиц¹. В учреждениях УИС Красноярского края выявлены случаи складирования древесины в воде на затопленных участках, а также отсутствия на таких объектах средств фиксации въезда и выезда транспортных средств, хранения считываемой информации. Подобные факты привели к возбуждению административных производств. Прокуратурой Красноярского края в отношении двух учреждений возбуждены административные производства за нарушение порядка размещения отходов лесопиления, хранения на открытой площадке горючих материалов и круглого леса. Нарушение требований ст. 24 и 51 Лесного кодекса РФ в 2020 г. привело к прекращению постоянного (бессрочного) пользования исправительным учреждением Красноярского края лесным участком площадью 153,4 тыс. га.

Для повышения эффективности деятельности УИС и снижения количества случаев экологических правонарушений, на наш взгляд, необходимо пересмотреть функции распределения целей и задач между подразделениями территориальных органов ФСИН России, участвующими в обеспечении природоохранной деятельности, и повышать компетенции кадрового состава указанных подразделений. Для этого считаем целесообразным предложить следующие мероприятия:

- создание и внедрение системы экологического менеджмента в центральном аппарате ФСИН России и его территориальных органах;
- проведение периодического аудита функционирования указанной системы;
- проведение внутрисистемного экологического аудита учреждений ФСИН России, эксплуатирующих объекты, оказывающие негативное воздействие на окружающую среду, отнесенные к I–IV категории для предупреждения совершения правонарушений;
- создание ведомственных межрегиональных химико-аналитических лабораторий, аккредитованных в национальной системе аккредитации для обеспечения лабораторного сопровождения производственного экологического контроля;
- введение в штатное расписание территориальных органов ФСИН России отдельных инспекций по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности с наделением их не только контрольными, но и надзорными полномочиями для принятия профилактических мер по предупреждению и пресечению правонарушений (по аналогии с ветеринарным и санитарным контролем);
- введение в штатное расписание учреждений УИС должностей специалистов по инженерной защите окружающей среды (при эксплуатации природоохранного оборудования) и/или специалистов по охране окружающей среды среднего и/или старшего начальствующего состава;
- соблюдение требований профессиональных стандартов при назначении на должности указанных выше специалистов-экологов (инженеров-экологов) в территориальных органах и учреждениях в части требований, предъявляемых к уровню образования (бакалавриат, магистратура, специалитет) и направлению подготовки;
- создание в учреждениях УИС экологических служб (комиссий) при начальнике учреждения с включением в них должностей специалистов – экологов, сотрудников производственных и тыловых служб для принятия совместных решений в области охраны окружающей среды и экологической безопасности, эффективной эксплуатации фонда оборудования учреждения, реализации программ производственного экологического контроля, в том числе его лабораторного обеспечения, планирования и реализации природоохранных мероприятий, а также прогнозирования и предупреждения эколого-экономических рисков;

¹ См.: Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях : утв. президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г. URL: <http://www.consultant.ru>.

– обеспечение выполнения требования о подготовке в области охраны окружающей среды и экологической безопасности руководителей учреждений УИС, ответственных за принятие решений при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает или может оказать негативное воздействие на окружающую среду.

Квалифицированные специалисты в учреждениях УИС обеспечат построение эффективной системы управления природоохранной деятельностью (системы экологического менеджмента), снижение экологических рисков нарушения обязательных требований при проверках, предупреждение аварийных ситуаций при эксплуатации оборудования и нанесение ущерба компонентам окружающей среды, соблюдение сроков внесения обязательных налоговых и неналоговых экологических платежей, а также соблюдение целевого расходования бюджетных средств при реализации обязательных природоохранных мероприятий.

Список источников

1. Мокрецов Ю. В. Организационные и административно-правовые проблемы осуществления лесопользования учреждениями уголовно-исполнительной системы // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 34–37.

2. Цуканова Т. Г. Эколого-правовые основы деятельности уголовно-исполнительной системы России // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11(162). С. 282–283.

References

1. Mokretsov, Yu. V. 2023, 'Organizational and administrative-legal problems of forest management by institutions of the penal system', *Administrative law and process*, iss. 7, pp. 34–37.

2. Tsukanova, T. G. 2021, 'Ecological and legal foundations of the activity of the Russian penal system', *Eurasian Law Journal*, iss. 11(162), pp. 282–283.

Информация об авторах

Т. Г. Цуканова – кандидат географических наук, доцент, начальник кафедры экономической теории, географии и экологии;

С. Н. Злобина – старший преподаватель кафедры инженерно-технического обеспечения деятельности УИС.

Information about the authors

T. G. Tsukanova – PhD (Geographical Sciences), Associate Professor, head of the economic theory, geography and ecology department;

S. N. Zlobina – senior lecturer of the engineering and technical support of the penal system department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 20.01.2026.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 20.01.2026.

Научная статья
УДК 343.848:364.04

УСПЕШНАЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЦ, ОТБЫВШИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ, ПРИВОДИТ К СНИЖЕНИЮ УРОВНЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Василий Васильевич Фомин¹

¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия, editor62@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы осуществления ресоциализации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, которые нуждаются в решении бытовых и социальных вопросов. Существующие проблемы ресоциализации данных лиц приводят к совершению ими повторных преступлений. В целях повышения результативности социальной политики государства необходимо совершенствовать организацию деятельности государственных структур, ответственных за социальную поддержку лиц, отбывающих наказание, ввести систему оценки работы в сфере ресоциализации. Решение проблем ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, позволит снизить уровень рецидивной преступности.

Ключевые слова: проблемы ресоциализации, оценка деятельности должностных лиц, психологическая помощь

Для цитирования

Фомин В. В. Успешная ресоциализация лиц, отбывших лишение свободы, приводит к снижению уровня рецидива преступлений // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 97–102.

Original article

SUCCESSFUL RESOCIALIZATION OF PERSONS WHO HAVE SERVED THEIR SENTENCES LEADS TO A DECREASE IN THE RATE OF RECIDIVISM

Vasily Vasilyevich Fomin¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, editor62@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problems of the implementation of the resocialization of persons who have served their sentences in places of deprivation of liberty, who need to solve domestic and social issues. The existing problems of the re-socialization of these individuals lead them to commit repeated crimes. In order to increase the effectiveness of the state's social policy, it is necessary to improve the organization of the activities of government agencies responsible for social support for people who are being punished, and to introduce a system for evaluating work in the field of resocialization. Solving the problems of re-socialization of people released from prison will reduce the level of recidivism.

Keywords: problems of resocialization, assessment of officials' activities, psychological assistance

For citation

Fomin, V. V. 2026, 'Successful re-socialization of persons who have served their sentences leads to a decrease in the rate of recidivism', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 97–102.

В современном российском обществе высокий уровень рецидивной преступности обуславливает некоторые проблемы ресоциализации лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы. Осужденные, отбывшие наказание, сталкиваются с целым рядом бытовых и этических трудностей в процессе адаптации и жизни после окончания срока наказания [1, с. 77–81].

Большинство осужденных после освобождения из мест лишения свободы не могут устроиться на работу. Их профессиональные навыки ограничены либо утрачены, что снижает мотивацию к труду. У некоторых работодателей существует стереотип нежелания устраивать на работу человека с судимостью: страх перед возможным рецидивом, мнение о том, что человек, ранее совершивший преступление, совершит его снова. Невозможность трудоустроиться вынуждает лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, зарабатывать временно и неофициально либо идти на совершение преступления.

Часто причиной повторного совершения преступления становится зависимость человека от алкоголя или наркотиков. Эта зависимость является фактором рецидива не только преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, но и других преступлений, таких как кражи, грабежи и пр.

Безусловно, лицам, освободившимся из мест лишения свободы, необходима ресоциализация, так как общество заинтересовано в том, чтобы бывшие заключенные не

стали рецидивистами. Это наносит не только экономический и морально-психологический вред отдельным членам общества, но и этический и экономический вред обществу, что обуславливает необходимость пересмотра многих установок социальной системы в соответствии с вызовами современности.

Необходима определенная трансформация российского постпенитенциарного пространства с тем, чтобы ресоциализация и социальная адаптация освободившихся из мест лишения свободы происходила в более благоприятных условиях, а значит, стала бы более эффективной. Ресоциализация важна как для бывших заключенных, так и для общества, поскольку социальная безопасность обуславливается и снижением рискогенности постпенитенциарного периода.

Ресоциализация лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы, является одной из важнейших проблем криминологии и уголовного права, становится актуальной и в научной парадигме социологии, так как процесс исправительного воздействия предполагает взаимодействие с обществом по возвращению бывшего заключенного из мест лишения свободы.

Эффективность мер нейтрализации преступности напрямую детерминирована не исполнением наказания, а фиксированием результатов воспитательного и исправительного воздействия, организацией контроля за освобожденными из исправительных учреждений (ИУ) [2]. В этом случае главная цель государства заключается в сведении к минимуму вреда от изоляции человека и создании условий для успешной адаптации освобожденных к жизни в обществе.

Основная деятельность в создании нормальных условий жизни бывших осужденных (принятие решений о повышении их социальной защищенности, квотирование рабочих мест, расселение ветхого жилья, проведение мероприятий, направленных на повышение толерантности, культуры и образования и пр.) проводится на местах губернаторами и главами муниципальных образований с их аппаратами и структурными подразделениями. Положительным примером служит принятое в Кировской области решение о введении карты социального сопровождения бывшего осужденного и закона Кировской области «О социальной адаптации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы»¹. На наш взгляд, было бы правильным оценивать результаты их деятельности по показателям роста или снижения рецидива преступлений.

Оценка деятельности этих должностных лиц проводится на основе перечня показателей, утвержденных указом Президента Российской Федерации. Таких показателей в 2012 г. было около 50², в 2017 г. их число снизилось до 25³, в 2019 г. – до 15⁴, в том числе был исключен такой показатель, как уровень преступности.

¹ См.: Об утверждении карты социального сопровождения лица, освобожденного из учреждений уголовно-исполнительной системы : распоряжение Правительства Кировской области от 25 мая 2012 г. № 155 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 21 августа 2012 г. № 1199 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Об оценке деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 14 ноября 2017 г. № 548 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 25 апреля 2019 г. № 193 // СПС «КонсультантПлюс».

Оценку уровня преступности необходимо не только вернуть, но и детализировать, включив показатель «доля рецидива», который зависит как от работы правоохранительных органов, так и от успеха решения количества социальных проблем после освобождения.

Лица, отбывшие лишение свободы, нуждаются в помощи со стороны государственных структур и общественных организаций прежде всего потому, что конкуренция на рынке труда усугубляет и без того сложную жизненную ситуацию после освобождения. Государство должно возобновить организационную и психологическую поддержку освобожденным из ИУ, утраченную в постсоветский период с целью снижения, а затем нейтрализации уровня рецидивной преступности.

Если у лиц, освободившихся из ИУ, сохранилась психологическая устойчивость, их желание достичь каких-либо личностных и социальных успехов, при необходимой поддержке со стороны государства можно создать базу для успешной ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы. Однако отсутствие четкого распределения функций и компетенций органов государственной власти и местного самоуправления по проблемам оказания помощи отбывшим наказание приводит к стихийности в этой сфере.

Одна из главных проблем ресоциализации освобожденных лиц из мест лишения свободы – это потеря ими социально полезных связей с обществом. Места изоляции от общества меняют человека, особенно психологически. Попадая в места лишения свободы, человек вынужден подстраиваться под новые правила и четко их выполнять. Если осужденный находится в ИУ пять и более лет, это влечет за собой необратимые изменения в его психике. В дальнейшем он уже не способен вернуться к обычной жизни в обществе, что осложняет процесс ресоциализации. В данном случае необходима помощь психологов.

На пути ресоциализации бывших осужденных, которые отбывали наказание в местах лишения свободы, одной из проблем является обеспечение надлежащего контроля и надзора за поведением таких лиц с учетом того, что значительная их часть имеет криминальное прошлое и высокую общественную опасность, которая обусловлена антисоциальной направленностью, а также зависимостью от алкоголя и наркотиков. Эта проблема решается усилиями сотрудников органов внутренних дел, особенно участковыми уполномоченными, которые устанавливают и обеспечивают надзор за категорией лиц, продолжающих нарушать установленные для них ограничения. Повлиять на поведение таких субъектов у сотрудников органов внутренних дел есть чем. По фактам нарушений оформляются соответствующие документы и материалы, которые затем направляются в суды для введения дополнительных запретов, в том числе увеличения срока административного надзора.

Отметим, что проблемы ресоциализации бывших осужденных сложные и многочисленные, а их решение нередко опирается в материальные ресурсы и недостатки организационного и правового регулирования. Для решения проблемных вопросов в сфере ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, государством был принят ряд федеральных законов и распоряжений, направленных на социальную реабилитацию бывших осужденных и их реинтеграцию в современное общество.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определяет ресоциализацию как комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в об-

щество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

Вопросы социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, их реинтеграции в общество напрямую зависят от эффективности ресоциализации и социальной адаптации в период отбывания наказания, следовательно, являются индикатором уровня рецидивной преступности.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы развития уголовно-исполнительной системы на 2017–2025 годы» одной из основных целей Концепции являлось сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы, проведения в местах лишения свободы мероприятий по адаптации в обществе освободившихся осужденных, в том числе с участием гражданского общества.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года указывается, что лица, освободившиеся из мест лишения свободы, не адаптированы к жизни в гражданском обществе. В ней отмечено, что отсутствие системы пробации приводит к потере социальных связей, профессиональных навыков, жилья, денежных средств, и все это как следствие влияет на рост рецидивной преступности.

Раздел XVI Концепции посвящен созданию и развитию системы пробации в Российской Федерации, которая предусматривает:

– на первом этапе (до 2024 г.) закрепление института пробации на законодательном уровне, определение функции пробации, перечня задач и полномочий органов государственной власти и местного самоуправления; возложение соответствующих полномочий на уголовно-исполнительные инспекции в части оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи лицам, освобожденным от отбывания наказаний условно-досрочно;

– на втором этапе (до 2030 г.) оказание содействия лицам, освободившимся из мест лишения свободы, в занятости и бытовом устройстве.

Важным и своевременным является принятие Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 96-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации», регламентирующего создание исправительных центров в субъектах Российской Федерации. Вопрос в том, как эти центры в условиях частного производства и частных компаний смогут обеспечить трудоустройство лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Таким образом, в целях успешной интеграции освобожденных из мест лишения свободы государством комплексно применяются законодательные, организационно-правовые, социально-психологические меры. При этом особое внимание уделяется контролю адаптации и ресоциализации со стороны уголовно-исполнительных инспекций во взаимодействии с государственными структурами, городскими и районными администрациями и попечительскими обществами. Этой государственной структуре предписаны функции координации деятельности всех органов и служб по социальной адаптации и ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы.

На необходимость системной и комплексной работы с лицами, освобожденными из мест лишения свободы, указывают не только ученые-юристы, но и специалисты

в области педагогики и психологии. И. И. Аминов и В. Н. Орлов считают, что период ресоциализации осужденных, освобожденных из мест лишения свободы, должен иметь системное и комплексное сопровождение: организационно-правовое, социально-психологическое, при этом взаимодействие и взаимосогласованность субъектов этой деятельности очень важны [3, с. 52–58].

Ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы, – широкая и многогранная мера предупреждения рецидива преступлений. Успешность осуществления и эффективность ресоциализации приводит к снижению уровня рецидива преступлений.

Список источников

1. Skorobogatova O. V. Актуальные вопросы социальной реабилитации лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в Амурской области // Вестник Амурского государственного университета. 2015. № 68. С. 77–81.

2. Mokshanov M. S. Актуальные вопросы помощи осужденным в постпенитенциарной адаптации // Наука. Мысль. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pomoschi-osuzhdennym-v-postpenitentsiarnoy-adaptatsii> (дата обращения: 17.11.2025).

3. Аминов И. И., Орлов В. Н. Проблемы ресоциализации и адаптации личности к моменту и после отбывания наказания // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 11. С. 52–58.

References

1. Skorobogatova, O. V. 2015, 'Current issues of social rehabilitation of persons serving sentences of imprisonment in the Amur region', *Bulletin of Amur State University*, iss. 68, pp. 77–81.

2. Mokshanov, M. S. 2015, 'Actual issues of assistance to convicts in post-penitentiary adaptation', *Science. Thought*, iss. 5. viewed 17 November 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pomoschi-osuzhdennym-v-postpenitentsiarnoy-adaptatsii>.

3. Aminov, I. I. & Orlov, V. N. 2016, 'Problems of personal resocialization and adaptation to the moment and after serving a sentence', *Issues of modern jurisprudence*, iss. 11, pp. 52–58.

Информация об авторе

В. В. Фомин – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра.

Information about the author

V. V. Fomin – PhD (Law), Associate Professor, leading researcher of the scientific research department of the scientific center.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 13.01.2026; принята к публикации 21.01.2026.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 13.01.2026; accepted for publication 21.01.2026.

Научная статья
УДК 343.9

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ МИГРАНТАМИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Вячеслав Владимирович Сенцов¹

¹ Воронежский институт МВД России, г. Воронеж, Россия, slavasencov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу миграционной преступности в России. Основные результаты исследования свидетельствуют о ее динамичном росте. Установлено, что преступления чаще совершаются мужчинами 18–35 лет из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Азербайджана, не имеющими образования и семейных связей в Российской Федерации, что снижает уровень социального контроля. Отмечается рост рецидивной преступности и участие мигрантов в организованных преступных группах. Таким образом, миграционная преступность представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности, требующую комплексного государственного реагирования. Основными детерминантами преступного поведения мигрантов выступают экономическая нестабильность, отсутствие легальных возможностей трудоустройства, социальная изоляция, языковой барьер и дискриминация. Эффективная профилактика возможна лишь при условии реализации мер, направленных на социальную интеграцию мигрантов.

Ключевые слова: миграционная преступность, преступления против собственности, национальная безопасность, криминологическая характеристика, профилактика преступности

Для цитирования

Сенцов В. В. Характеристика преступлений против собственности, совершенных мигрантами: криминологический аспект // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 103–108.

Original article

CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST PROPERTY COMMITTED BY MIGRANTS: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Vyacheslav Vladimirovich Sentsov¹

¹ Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, slavasencov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of migration crime in Russia. The main results of the study indicate its dynamic growth. It has been established that crimes are more often committed by men aged 18–35 from Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Azerbaijan who do not have education and family ties in the Russian Federation, which reduces the level of social control. There is an increase in recidivism and the participation of migrants in organized criminal groups. Thus, migration crime poses a serious threat to national security, requiring a comprehensive government response. The main determinants of the criminal behavior of migrants are economic instability, lack of legal employment opportunities, social isolation, language barrier and discrimination. Effective prevention is possible only if measures aimed at the social integration of migrants are implemented.

Keywords: migration crime, crimes against property, national security, criminological characteristics, crime prevention

For citation

Sentsov, V. V. 2026, 'Characteristics of crimes against property committed by migrants: criminological aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 103–108.

Введение

Современная Россия является одной из ключевых стран – реципиентов миграционных потоков. По состоянию на начало 2025 года на ее территории официально находилось 6,6 млн иностранных граждан, из которых десятки тысяч без законных оснований. Увеличение численности мигрантов сопровождается ростом уровня преступности среди этой категории лиц, что формирует устойчивую угрозу национальной безопасности [2, с. 422]. Особенно остро стоит проблема преступлений против собственности – краж, мошенничества, грабежей и разбоев, которые составляют значительную долю в общей структуре миграционной преступности. Актуальность исследования обусловлена как количественным ростом преступлений, так и качественными изменениями в мотивации, личностных характеристиках правонарушителей и способах совершения деяний. Несмотря на наличие отдельных публикаций по теме, комплексный криминологический анализ указанной группы преступлений остается недостаточно разработанным. В связи с этим целью исследования является установление причин, условий, личностных особенностей преступников-мигрантов и разработка научно обоснованных рекомендаций по профилактике преступлений против собственности в контексте миграционных процессов.

Материалы и методы

В исследовании использованы официальные статистические данные Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2020 г. – август 2025 г., включая сведения о количестве зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства. Особое внимание уделено преступлениям, предусмотренным ст. 158, 159, 161 и 162 УК РФ. Методологическую основу работы составили следующие научные методы: 1) анализ и обобщение статистических данных – для выявления динамики и структуры преступности; 2) сравнительно-правовой анализ – для сопоставления показателей за разные периоды; 3) криминологическое моделирование – для выявления причинно-следственных связей между активными миграционными процессами и преступным поведением; 4) теоретический анализ с привлечением трудов отечественных криминологов – для интерпретации социальных и психологических факторов девиантного поведения мигрантов.

Результаты

Анализ статистики показал устойчивый рост числа преступлений против собственности, совершаемых мигрантами (табл.).

Анализ динамики зарегистрированных преступлений против собственности, совершенных мигрантами в Российской Федерации с 2020 г. по август 2025 г., выявляет устойчивую и интенсивную тенденцию к росту по всем основным составам преступлений, предусмотренным ст. 158, 159, 161 и 162 УК РФ. Наблюдается стабильное увеличение числа краж (ст. 158 УК РФ) – с 3463 случаев в 2020 г. до 7728 в 2024 г., а за 8 месяцев 2025 г. – уже 8940 фактов, что свидетельствует о доминирующей роли данного вида преступлений в структуре миграционной преступности. Аналогичная положительная динамика отмечена по мошенничеству (ст. 159 УК РФ), грабежам (ст. 161 УК РФ) и разбоям (ст. 162 УК РФ), при этом темпы роста наиболее выражены в 2024–2025 гг. на фоне увеличения миграционных потоков и обострения социально-экономических условий. Особое внимание заслуживает резкое увеличение показателей в 2024–2025 гг.: если в 2020–2023 гг. рост был постепенным (в среднем + 15–20 % ежегодно), то в 2024 г. он достиг + 21 %, а за первые 8 месяцев 2025 г. – + 31 % относительно аналогичного периода предыдущего года. Это указывает на ускорение криминальной активности мигрантов, требующее оперативной корректировки профилактической политики.

Таблица

Динамика преступлений против собственности, совершенных мигрантами

№ п/п	Год	Составы преступлений, предусмотренные УК РФ, и количество зарегистрированных фактов			
		Ст. 158	Ст. 159	Ст. 161	Ст. 162
1	2020	3463	1145	114	98
2	2021	4656	1467	357	179
3	2022	5643	1983	546	216
4	2023	6432	2245	457	553
5	2024	7728	2198	475	227
6	2020 – август 2025 г.	4567	1134	321	134

Источник: статистические данные МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/?ysclid=mhag-5iw48b963> (дата обращения: 30.09.2025).

Таким образом, статистические данные наглядно демонстрируют не просто количественный рост преступности, но и качественную трансформацию – переход от спорадических деяний к системному и организованному преступному поведению, что подтверждает необходимость комплексного подхода к решению проблемы, включающего в себя как усиление правоохранительных мер, так и реализацию программ социальной адаптации и легализации трудовой деятельности мигрантов.

В первую очередь следует обратить внимание на причины и условия совершения преступлений против собственности мигрантами [3, с. 211]. Главенствующими причинами выступают улучшение финансового положения в принимающей стране, отсутствие рабочих мест и низкая заработная плата. К причинам следует также отнести социальное неравенство, поскольку граждане, прибывшие из иностранного государства, сталкиваются с дискриминацией, различием уровня образования или вовсе его нехваткой.

Мы разделяем точку зрения Г. В. Хорольского, согласно которой социальное неравенство влияет на эмоциональное восприятие мигрантами других лиц и вызывает личную неприязнь и агрессию [4, с. 303]. Действительно, иностранный гражданин, прибывший на территорию Российской Федерации, сталкивается с определенным рядом обстоятельств, вызывающих эмоциональное напряжение и как следствие порождающих преступное поведение:

1) недостаточное внимание к социальной адаптации мигрантов (отсутствие программ для интеграции мигрантов в обществе, что затрудняет поиск для легального нахождения на территории Российской Федерации и способствует совершению преступлений). В частности, данное условие мотивирует мигрантов совершать кражи, грабежи и разбои для обеспечения условий нормального существования на территории страны;

2) культурные и социальные конфликты также порождают напряженность между мигрантами и местными жителями, что активно способствует совершению преступлений, связанных с применением насилия и хищениями чужого имущества [6, с. 10].

Личность преступника-мигранта, совершившего преступление против собственности, характеризуется следующими признаками:

1) социально-демографические (преимущественно мужчины, от 18 до 35 лет, как правило, без образования, прибывшие из Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Азербайджана, без семьи, что снижает уровень социального контроля);

2) уголовно-правовые признаки: а) характер и тяжесть преступлений (согласно статистике совершаются преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления по ст. 158, 159, 160, 161 УК РФ; б) повторность (по заявлению председателя Следственного комитета А. И. Бастрыкина: «С января по май 2025 года число преступлений в России, которые совершили мигранты, выросло на 10 % в сравнении с аналогичным периодом 2024 г. и превысило 18,8 тыс. Доля таких деяний в общем криминальном массиве увеличилась с 4,3 до 5 %»¹; в) соучастие в рассматриваемых составах преступлений происходит, как правило, в составе группы лиц или организованной преступной группой. Именно так приговором Свердловского областного суда приговорена организованная преступная группа в составе пяти человек к заключению свободы на срок от 10 до 16 лет за совершение преступления, предусмотренного пп. «а», «б» ч. 4 ст. 162 УК РФ²;

¹ В России на 10 % выросло число преступлений, совершенных мигрантами. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7872> (дата обращения: 30.09.2025).

² См.: В Екатеринбурге вынесли приговор банде мигрантов, грабившей бизнесменов из Китая. URL: <https://www.uralinform.ru/news/crime/376328> (дата обращения: 30.09.2025).

3) нравственные качества: преимущественно эгоцентризм, проявляющийся в стремлении удовлетворить собственные потребности в ущерб правам и интересам других;

4) психологические особенности представлены в виде повышенного уровня тревожности и стресса, вызванного нестабильным правовым статусом, языковым барьером и социальной изоляцией.

Рассмотрев указанные группы преступлений, проанализировав причины и условия их совершения и личность преступника, необходимо перейти к мерам профилактики. По нашему мнению, органам государственной власти целесообразно обеспечить мигрантам легальный доступ к трудоустройству, а именно упростить процедуру получения разрешений на работу, разработать программы по языковым курсам для преодоления языкового барьера и обеспечить социальные гарантии по медицинскому обслуживанию, временному жилью и продовольственной помощи для наиболее уязвимых групп.

Обсуждение

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Увеличение миграционных потоков в Российской Федерации приводит к значительному росту числа преступлений, совершаемых мигрантами. Статистика показывает, что в 2024 г. число преступлений, совершенных мигрантами, возросло на 13 % по сравнению с предыдущим годом, а в первой половине 2025 г. рост составил уже 31 %.

2. Наибольшее количество зарегистрированных преступлений среди мигрантов связано с хищением чужого имущества, включая кражи, мошенничество, грабежи и разбои. Указанные составы преступлений по своему количественному показателю значительно превышают число фактов преступной деятельности по отношению к преступлениям террористического характера и преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

3. Причинами и условиями совершения преступлений являются нестабильное экономическое положение, отсутствие рабочих мест, социальное неравенство и дискриминация.

4. Личность преступника-мигранта представлена в виде мужчины 18–35 лет без образования, прибывшего из стран Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Азербайджан) и не имеющего семьи на территории России, что снижает уровень социального контроля. В преступлениях против собственности, совершаемых мигрантами, наблюдается рост повторности преступлений, что подтверждается статистикой, показывающей увеличение числа преступлений на 10 % в 2025 г. по сравнению с предыдущим годом. Нравственные качества и психологические особенности личности преступника характеризуются эгоцентризмом и стремлением удовлетворить свои потребности за счет прав других. Психологический признак вызван высоким уровнем тревожности и стресса из-за нестабильного правового статуса, языкового барьера и социальной изоляции.

5. Необходимость профилактических мер обусловлена ростом уровня миграционной преступности против собственности, ввиду этого следует обеспечить мигрантам легальный доступ к трудоустройству, разработку языковых программ для преодоления языкового барьера и предоставление социальных гарантий, таких как медицинское обслуживание, временное жилье и продовольственная помощь.

Список источников

1. Коломытцев Н. А., Одинова Л. Н. Современные проблемы преступности мигрантов в России и странах Европы // *Человек: преступление и наказание.* 2020. Т. 28(1–4), № 4. С. 543–551.

2. Шайдиянова А. Л., Аминов И. Р. Характеристика преступлений, совершенных мигрантами // *Вопросы российской юстиции.* 2024. № 34. С. 421–425.

3. Мерецкий Н. Е., Жердев П. А. Правовые возможности регулирования незаконной миграции и преступности среди населения в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 2. С. 207–215.

4. Шевченко В. В., Хорольский Г. В. Особенности квалификации преступлений, совершенных мигрантами. Проблемы теоретические и практические // Аграрное и земельное право. 2025. № 1. С. 303–306.

5. Гадирова Б. И. Уголовно-правовая характеристика преступности мигрантов // Молодой ученый. 2025. № 21(572). С. 207–209.

6. Безручко Е. В. К вопросу о противодействии незаконной миграции мерами уголовно-правового и криминологического характера // Сотрудничество правоохранительных органов государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 26 мая 2022 г.). М. : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 9–13.

References

1. Kolomyttsev, N. A. & Odintsova, L. N. 2020, 'Modern problems of migrant crime in Russia and European countries', *Man: crime and punishment*, vol. 28(1–4), iss. 4, pp. 543–551.

2. Shaidianova, A. L. & Aminov, I. R. 2024, 'Characteristics of crimes committed by migrants', *Issues of Russian Justice*, iss. 34, pp. 421–425.

3. Meretskiy, N. E. & Zherdev, P. A. 2025, 'The legal possibilities of regulating illegal migration and crime among the population in the Russian Federation', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 2, pp. 207–215.

4. Shevchenko, V. V. & Khorolskiy, G. V. 2025, 'Peculiarities of qualification of crimes committed by migrants. Theoretical and practical problems', *Agrarian and land law*, iss. 1, pp. 303–306.

5. Gadirova, B. I. 2025, 'Criminal and legal characteristics of migrant crime', *Young Scientist*, iss. 21(572), pp. 207–209.

6. Bezruchko, E. V. 2022, 'On the issue of countering illegal migration with criminal law and criminological measures', in *Cooperation of law enforcement agencies of the CIS member states in countering illegal migration: proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, May 26, 2022)*, pp. 9–13, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow.

Информация об авторе

В. В. Сенцов – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

V. V. Sentsov – adjunct of the criminal law and criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 07.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 16.01.2026.

The article was submitted 07.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 16.01.2026.

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Научная статья
УДК 338.4:343.8

ОХРАНА ЗЕМЛИ В ПОДСОБНОМ ХОЗЯЙСТВЕ УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Инна Юрьевна Давыдова^{1,2}, Юрий Анатольевич Мажайский^{1,3}

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

² diu2004@mail.ru

³ director@mntc.pro

Аннотация. В статье представлены результаты комплексного анализа нормативной правовой и инструктивно-методической базы, действующей в Российской Федерации в области охраны земель, и ситуативных сведений о качестве почвенно-земельных ресурсов, которые востребованы для организации тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы. На примере одного из типичных подсобных хозяйств учреждений Рязанской области обоснована необходимость четкого соблюдения требований природоохранного законодательства для обеспечения почвозащитного земледелия, воспроизводства плодородия обрабатываемых земель. Акцент сделан на сопоставлении основных направлений развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года с видами разрешенной деятельности при трудовой адаптации осужденных. По итогам исследования сформулирован ряд предложений с целью минимизации издержек при ведении подсобного хозяйства в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, подсобное хозяйство, побочные продукты животноводства, охрана земли

Для цитирования

Давыдова И. Ю., Мажайский Ю. А. Охрана земли в подсобном хозяйстве учреждения уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 109–120.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Original article

PROTECTION OF LAND IN A SUBSIDIARY FARM OF AN INSTITUTION OF THE PENAL SYSTEM

Inna Yurievna Davydova^{1,2}, Yuri Anatolyevich Mazhaisky^{1,3}

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

² diu2004@mail.ru

³ director@mntc.pro

Abstract. The article presents the results of a comprehensive analysis of the regulatory legal, instructional and methodological framework in force in the Russian Federation in the field of land protection, and situational information on the quality of soil and land resources that are in demand for the organization of logistical support for the penal system. Using the example of one of the typical subsidiary farms of institutions in the Ryazan region, the need for strict compliance with the requirements of environmental legislation to ensure soil-protective agriculture and reproduction of the fertility of cultivated land is substantiated. The emphasis is placed on comparing the main directions of the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030 with the types of permitted activities during the labor adaptation of convicts. Based on the results of the study, a number of proposals have been formulated in order to minimize the costs of running a subsidiary farm in institutions of the penal system.

Keywords: penal system, subsidiary farming, by-products of animal husbandry, land protection

For citation

Davydova, I. Yu. & Mazhaisky, Yu. A. 2026, 'Protection of land in a subsidiary farm of an institution of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 109–120.

Введение

Одним из актуальных направлений обеспечения эффективного функционирования уголовно-исполнительной системы (УИС) является развитие производственного сектора, а также создание условий для привлечения осужденных к оплачиваемому труду. Общественно полезный труд осужденных рассматривают как важное средство их исправления на основании ч. 2 ст. 9 УИК РФ.

Трудовая адаптация осужденных может осуществляться во многих отраслях народного хозяйства¹. Это обстоятельство касается предприятий, входящих в уголовно-исполнительную систему². В статье рассмотрены проблемы повышения эффективности

¹ См.: Об утверждении перечня основных видов деятельности, связанных с трудовой адаптацией осужденных : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 27 октября 2007 г. № 1499-р (в ред. от 3 февраля 2016 г.).

² См.: Об утверждении перечня видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 февраля 2000 г. № 89 (в ред. от 20 апреля 2023 г.).

предприятий УИС, осуществляющих производство сельскохозяйственной продукции. Виды экономической деятельности, связанные с трудовой адаптацией осужденных, в области сельскохозяйственного производства включают в себя растениеводство и животноводство как раздельно, так и в сочетании друг с другом.

Для нужд учреждения УИС в части продовольственного обеспечения востребовано смешанное сельское хозяйство. Оно отличается отсутствием узкой специализации на производстве определенных культур или животных. Речь идет о подсобных хозяйствах, создаваемых в учреждениях УИС для восполнения отдельных направлений продовольственного обеспечения [1, 2].

Очевидно, что объем производства растениеводческой и животноводческой продукции не является главным условием создания таких подсобных хозяйств. Это обстоятельство, тем не менее, не исключает использования земли как основного средства производства и влечет за собой необходимость восполнения данного природного ресурса.

Цель работы – обосновать возможность эффективного функционирования подсобных хозяйств УИС, включающих в себя растениеводческие и животноводческие производства, как ресурсосберегающих предприятий с безотходными технологиями.

Задачи исследования: 1) комплексный анализ нормативной правовой и инструктивно-методической базы, действующей в Российской Федерации в области охраны земель; 2) поиск и анализ ситуативных сведений о качестве почвенно-земельных ресурсов, используемых для производства сельскохозяйственной продукции в учреждении УИС; 3) оценка возможности эффективного развития безотходного смешанного сельскохозяйственного производства, осуществляемого с целью рационального использования и охраны земель в подсобном хозяйстве учреждения УИС; 4) разработка методики воспроизводства плодородия земель сельскохозяйственного назначения в условиях смешанного растениеводческого и животноводческого производства в подсобном хозяйстве учреждения УИС.

Научная новизна статьи заключается в разработке метода конвергенции проблемных вопросов охраны земли, регулирования хозяйственного порядка и управления в учреждениях УИС, включая развитие стандартизации тылового обеспечения.

Практическое значение проведенного исследования касается содержания мероприятий, направленных на соблюдение требований законодательных актов Российской Федерации в сфере использования почвенно-земельных ресурсов с учетом специфики подсобных хозяйств учреждений УИС. В частности, предлагается создание системы добровольной сертификации сельскохозяйственных работ, которая призвана обеспечить и качество производимой продукции и охрану земель.

Материалы и методы

Для выполнения поставленных задач были применены метод комплексного анализа и системный подход. Изучены нормативные правовые и инструктивно-методические документы, которые устанавливают требования к охране земель. Это позволило разработать алгоритм действий по обеспечению почвозащитного и ресурсосберегающего сельскохозяйственного производства в условиях подсобного хозяйства учреждения УИС. Выбор объекта исследования отражал остроту проблемы охраны земель сельскохозяйственного назначения на региональном уровне. Для всестороннего анализа ситуации были проведены полевые и лабораторно-аналитические обследования используемых почв, используемых в подсобном хозяйстве, а также установлен химический состав побочных продуктов животноводства – помет и навоз, а также удобрений на их основе.

Все испытания проводились по аттестованным методикам. Полученные результаты были охарактеризованы с учетом требований действующего земельного и природоохранного законодательства, для того чтобы определить экологическое состояние (качество) почв или уровень почвенного плодородия. Итоговая экологическая оценка почв на объекте исследования была получена путем сравнения с региональной ситуацией, обусловленной аналогичным использованием почвенно-земельных ресурсов. Такой методический подход позволяет обосновать ряд действий по соблюдению требований законодательных актов Российской Федерации в области охраны окружающей среды, воспроизводства плодородия почв сельскохозяйственного назначения, технического регулирования. Акцент был сделан на разработке методического обеспечения мероприятий, направленных на выполнение требований Россельхознадзора и Росприроднадзора в отношении охраны почв и земель сельскохозяйственного назначения в подсобных хозяйствах учреждений УИС. Речь идет об использовании побочных продуктов животноводства с целью воспроизводства плодородия почв. В связи с этим была рассмотрена необходимость экологической сертификации хозяйственной деятельности, восполнения накопленного ущерба, применения наилучших доступных технологий.

Результаты и обсуждение

Как известно, охрана объектов земельных отношений – земель, земельных участков или их частей является предметом федерального государственного земельного контроля (надзора).

Оценка соблюдения обязательных требований нормативных правовых актов (их отдельных положений) в отношении охраны земель находится в рамках компетенции Россельхознадзора и осуществляется согласно утвержденному перечню соответствующих документов¹.

Если принять во внимание специфику подсобного хозяйства учреждения УИС, обусловленную преобладанием мелкомасштабного экстенсивного характера землепользования, то при рассмотрении вопросов охраны земель сельскохозяйственного назначения следует сосредоточиться на следующих нормативных правовых актах.

Положения об охране земли включены в основные принципы земельного законодательства Российской Федерации. Земельный кодекс Российской Федерации (ЗК РФ) устанавливает учет значения земли как важнейшего общественного и экономического фактора и необходимость охраны земель при использовании (п. 1. ч. 1. ст. 1). Кроме того, на законодательном уровне подчеркнут приоритет охраны земли с целью сбережения этого природного ресурса, весьма значимого для сельского и лесного хозяйства, что сопряжено с ограничением свободного обращения земли при угрозе экологического ущерба (п. 2. ч. 1. ст. 1 ЗК РФ). Однако деятельность по использованию и охране земель должна исходить из приоритета жизни и здоровья человека (п. 3. ч. 1. ст. 1 ЗК РФ). Следовательно, землепользование в подсобном хозяйстве учреждения УИС нужно организовать таким образом, чтобы обеспечить сохранность земель сельскохозяйственного назначения, восстановление плодородия почв, соблюдение экологических и санитарно-гигиенических нормативов.

¹ См.: О перечнях нормативных правовых актов (их отдельных положений), содержащих обязательные требования, оценка соблюдения которых осуществляется Россельхознадзором в рамках государственного контроля (надзора), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений : приказ Россельхознадзора от 22 декабря 2020 г. № 1378 (в ред. от 14 апреля 2025 г.).

Как правило, учреждения УИС для ведения подсобного хозяйства арендуют земельные участки из состава земель государственного или муниципального фонда. В этом случае должно сохраняться целевое использование земельных участков на основании п. 1 ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Основы рационального использования почвенно-земельных ресурсов при осуществлении сельскохозяйственной деятельности заложены в ст. 1, 4, 42 и 77 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

Земли и почвы как компоненты окружающей среды подлежат охране от негативного воздействия хозяйственной деятельности – загрязнения, истощения, деградации, порчи, уничтожения. Помимо выполнения этих требований, следует осуществлять мероприятия по охране и восстановлению используемых почв и земель ресурсов. Вред, причиненный окружающей среде, подлежит возмещению в полном объеме. Главная цель охраны земель – это сбережение почвенного плодородия, под которым понимают способность почв обеспечивать растения всем необходимым для роста и развития. Государственное регулирование в этой области касается обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения¹. В силу этого в Российской Федерации осуществляется государственное нормирование плодородия земель сельскохозяйственного назначения и агрохимическое обслуживание, ведется учет деградированных земель. Проводимые мероприятия направлены на воспроизводство плодородия сельскохозяйственных земель, которые заняты под пашню, сенокосы и пастбища, многолетние насаждения. Правообладатели земельных участков имеют права и обязанности в сфере выполнения мероприятий по обеспечению воспроизводства плодородия земель сельскохозяйственного назначения, предусмотренные законодательством; при этом следует избегать негативного воздействия на окружающую среду.

Ухудшение состояния окружающей среды может неблагоприятным образом повлиять на человека. В Российской Федерации сформирована законодательная база, которая создает условия для санитарно-эпидемиологического благополучия населения страны². С этой целью осуществляется государственное санитарно-эпидемиологическое нормирование в отношении факторов среды обитания человека, включая биологические факторы и тем самым почвы.

Государственные санитарно-эпидемиологические правила устанавливают единые санитарно-эпидемиологические требования в отношении почв. К таким нормативным правовым актам относят санитарные правила, санитарные правила и нормы, санитарные нормы, гигиенические нормативы. Граждане, индивидуальные предприниматели и юридические лица обязаны соблюдать санитарные правила в соответствии с ч. 3 ст. 39 Федерального закона от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения».

Подсобное хозяйство в учреждениях УИС является комплексным, здесь образуются отходы и растительного, и животного происхождения. Ухудшение качества окружающей среды и санитарно-гигиенической обстановки в целом может быть обусловлено хранением органических отходов на специализированных площадках учреждений УИС. Для

¹ См.: О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения : федер. закон от 16 июля 1998 г. 101-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.).

² См.: О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.).

решения данной проблемы целесообразно применить формулу «отходы в доходы». Например, можно использовать побочные продукты животноводства для удобрения почв и тем самым повысить урожайность сельскохозяйственных культур. Это обстоятельство опирается на соответствующий нормативный правовой акт, цель которого касается необходимости воспроизводства плодородия земель сельскохозяйственного назначения с помощью использования побочных продуктов животноводства¹. Согласно Федеральному закону побочные продукты животноводства, то есть образующиеся при содержании животных навоз, помет, подстилка и стоки, следует более эффективно вовлекать в сельскохозяйственное производство. При этом нельзя допускать загрязнения окружающей среды. Федеральный государственный земельный контроль (надзор) осуществляет оценку соблюдения обязательных требований при использовании побочных продуктов животноводства на землях сельскохозяйственного назначения.

Эти требования установлены постановлением Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 1940 «Об утверждении требований к обращению побочных продуктов животноводства». В частности, запрещено использовать необработанные, непереработанные продукты животноводства. Мероприятия по воспроизводству плодородия почв сельскохозяйственных земель путем применения побочных продуктов животноводства не должны приводить к обратному эффекту. Нельзя допустить негативного воздействия на земли и почвы, в том числе их загрязнение, порчу, уничтожение, истощение и деградацию. Порча земли является уголовно наказуемым деянием согласно ст. 254 УК РФ. Причинение вреда почвам как объекту охраны окружающей среды подлежит возмещению в обязательном порядке и в полном объеме в соответствии с принятой методикой расчета размера такого вреда².

Таким образом, с учетом основополагающих положений рассмотренных нормативных правовых актов представляется целесообразным переориентировать подсобные хозяйства учреждений УИС в направлении развития безотходного производства. Первоначально следует разработать методические рекомендации по обработке и (или) переработке *in situ* побочных отходов животноводства, для того чтобы в дальнейшем можно было бы их безопасно использовать для повышения плодородия почв сельскохозяйственных земель.

В рамках данного научно-практического направления были проведены экспериментальные исследования на базе подсобного хозяйства одного из учреждений УИС. Выбор места проведения эксперимента отражает типичные природно-хозяйственные факторы расположения многих учреждений УИС. Это лесостепная зона в пределах полосы основного расселения населения России, с преобладанием староосвоенных территорий и, следовательно, с длительным интенсивным использованием почвенно-земельных ресурсов.

По данным государственного экологического мониторинга, а также федерального государственного земельного контроля (надзора), для староосвоенных территорий является характерной деградация сельскохозяйственных земель, которая сопровождается существенным снижением уровня плодородия почв и сокращением посевных площадей [3, 4, с. 10–19]. Серые лесные почвы являются природно-зональным образованием, рас-

¹ См.: О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 248-ФЗ.

² См.: Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды : приказ Минприроды России от 8 июля 2010 г. № 238 (в ред. от 18 ноября 2021 г.).

пространены на значительной территории в Российской Федерации, издавна используются в земледелии, из-за чего во многом потеряли и свой морфологический облик, и естественное плодородие [5, с. 238–249]. Не случайно серые лесные почвы являются объектами Красных книг почв российских регионов [6]. Значительное истощение, или потеря плодородия, серых лесных почв сельскохозяйственных земель приводит к тому, что их забрасывают, и они зарастают естественным образом мелкодревесной растительностью [7, с. 60–82].

Ранее нами были выполнены исследования, которые позволили конкретизировать экологическое состояние почв сельскохозяйственных земель и разработать методику оценки земель с учетом качества почв для формирования цены земли в регионе [8]. В качестве примера региона была выбрана Рязанская область, природно-хозяйственная обстановка которой является типичной для староосвоенных территорий.

В статье акцент сделан на создании способов повышения качества почв земель сельскохозяйственного назначения. Специфика исследований связана с комплексным характером ведения подсобного хозяйства, которое создано на арендованном земельном участке. Такие условия характерны для многих учреждений УИС.

Данный объект исследования находится в одном из старопромышленных регионов Центральной России, где преобладают земли сельскохозяйственного назначения, преимущественно обрабатываемые. Почвы на объекте – серые лесные освоенные, или агроземы. Одна из важнейших причин снижения качества этих почв на региональном уровне – дегумификация (потеря гумуса) вследствие длительного сельскохозяйственного использования.

В таблице 1 приведены показатели качества почв – мощность гумусового (пахотного) слоя и содержание в нем гумуса, которые отражают гумусное состояние серых лесных освоенных почв в регионе – Рязанская область.

Таблица 1

**Влияние длительного сельскохозяйственного использования
на гумусное состояние серых лесных освоенных почв**

№ п/п	Почва	Мощность гумусового (пахотного) слоя, см	Содержание гумуса в пахотном слое, %
1	Серая лесная среднemocная тяжелосуглинистая почва	30–35	3,60
2	Серая лесная освоенная мощная тяжелосуглинистая почва	45–50	3,10
3	Серая лесная освоенная среднесуглинистая почва	30–40	1,50

Уменьшение значений представленных показателей по сравнению с контролем свидетельствует о дегумификации серых лесных освоенных почв, которая обуславливает снижение нормативной урожайности сельскохозяйственных культур¹.

В силу перечисленных причин следует проводить мероприятия для воспроизводства плодородия сельскохозяйственных земель, где распространены серые лесные освоенные почвы. Основное направление действий – обеспечение положительного

¹ См.: ГОСТ Р 70229-2022. Национальный стандарт Российской Федерации. Почвы. Показатели качества почв : утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 25 июля 2022 г. № 673-ст.

баланса гумуса в почвах, используемых в растениеводстве. С этой целью обычно применяют органические и минеральные удобрения, севообороты с участием многолетних трав, противоэрозионные и другие мероприятия, уже доказавшие свою эффективность при поддержании приемлемого уровня плодородия серых лесных освоенных почв. При таком подходе, как правило, улучшаются показатели качества почвы.

Инновационные подходы основаны на применении искусственных препаратов органической или органоминеральной природы в качестве удобрений и стимуляторов роста растений. Считается перспективным и экологически безопасным подход, связанный с использованием гуминовых препаратов, получаемых из торфа, бурого угля, сапропеля и т. п. [9, с. 138–143; 10, с. 29–33]. Однако все эти мероприятия предполагают рост внутренних издержек в учреждении УИС, которые экономически нецелесообразны ввиду ограниченного размера подсобного хозяйства и его низкой рентабельности.

Представляется более выгодным снижение экстерналий, или внешних издержек, которые обусловлены необходимостью соблюдения обязательных требований природоохранного законодательства. Наиболее простой способ – это снижение размера платы за негативное воздействие на окружающую среду, предотвращение штрафов и иных материально-финансовых взысканий за неблагоприятное санитарно-эпидемиологическое состояние объекта, а также за причинение вреда почвам как объекту охраны окружающей среды. Всего этого можно достичь путем использования побочных продуктов животноводства для воспроизводства плодородия сельскохозяйственных земель, так как чем больше гумуса в почве, тем выше уровень ее плодородия.

Перед внесением в почву побочные продукты животноводства следует обрабатывать или перерабатывать, как того требуют нормативные правовые акты. В таблице 2 представлены результаты переработки одного из органических отходов птицеводства (индюшачий помет) в гранулированное удобрение. Обработка помета привела к существенному изменению его химического состава. Содержание биогенных элементов (азот, фосфор, калий), от которых во многом зависит плодородие почвы, существенно снизилось. Нитратная форма азота, напротив, возросла в количестве, то есть этот биогенный элемент стал доступнее растениям. Воды в гранулированном удобрении намного меньше, чем в помете.

Таблица 2

**Изменение химического состава индюшачьего помета
после переработки в гранулированное удобрение**

Наименование показателей	Нормативные документы на методы анализа	Результаты анализа (расчета)	
		Индюшачий помет	Гранулированное удобрение
Массовая доля:			
азота общего, %	ГОСТ 26715	7,40	2,40
азота нитратного, мг/100 г	ГОСТ 27894.4	48,45	66,88
влаги, %	ГОСТ 26713	67,70	27,40
фосфора, %	ГОСТ 26716	4,40	0,85
калия, %	ГОСТ 26717	3,00	0,51

Таблица 3

Химический состав почвы и органических удобрений

№ п/п	Определяемый компонент, единица измерения	Результаты испытаний			Нормативный документ на методику выполнения измерений
		Почва	Навоз КРС	Удобрение из навоза КРС	
1	pHсол	5,2 ± 0,1	5,9 ± 0,1	6,1 ± 0,1	ГОСТ 26483-85
2	pHвод	6,8 ± 0,1	6,0 ± 0,1	6,3 ± 0,1	ГОСТ 26423-85
3	Органическое вещество, %	2,9 ± 0,6	54,7 ± 5,5	38,7 ± 3,9	ГОСТ 26213-91
4	Фосфор подвижный, мг/кг	1009,0 ± 202,0	38 260,0 ± 7652,0	36 915,0 ± 7383,0	ГОСТ Р 54650-2011
5	Калий подвижный, мг/кг	116,0 ± 17,0	14 055,0 ± 2108,0	16 778,0 ± 2517,0	ГОСТ Р 54650-2011
6	Общий азот, %	0,02	0,20	0,25	ГОСТ Р 58596-2019
7	Сумма поглощенных оснований, моль/100 г	4,9 ± 1,0	7,6 ± 1,1	9,4 ± 1,4	ГОСТ 57821-88
8	Нитраты, млн-1	< 2,8	< 2,8	< 2,8	ГОСТ 26488-85
9	Цинк, мг/кг	20,8 ± 6,2	767,0 ± 230,0	1849,0 ± 555,0	РД 52.18.685-206
10	Медь, мг/кг	3,9	235,0	262,0	Методические указания по определению тяжелых металлов, М.: ЦИ-НАО, 1992
11	Кадмий, мг/кг	3,9	1,1	0,7	
12	Свинец, мг/кг	9,9	1,9	1,7	

Целесообразно или нет вносить переработанные побочные продукты животноводства в почву для воспроизводства плодородия – об этом дает представление таблица 3. В ней представлены результаты сравнительного анализа химического состава пахотного горизонта серой лесной освоенной почвы на объекте исследования, а также побочных продуктов животноводства – навоз крупного рогатого скота (КРС) и удобрение на его основе. Полученные данные позволяют оценить перспективы повышения плодородия почв на объекте. Внесение навоза или удобрения будет способствовать повышению реакции среды исходно кислой почвы, увеличению содержания в ней органического вещества и важнейших биогенных элементов – азота, фосфора, калия, а также суммы поглощенных оснований.

Все перечисленное говорит о возможности воспроизводства плодородия земель, которое может быть более существенным при использовании переработанных продуктов животноводства. Негативным последствием может стать повышение содержания токсичных элементов в почве – цинк, медь, поскольку и в навозе, и, особенно, в удобрении их массовая концентрация существенно (на два порядка) выше, чем в почве. Однако установленные постановлением Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 1940 нормативы содержания токсичных элементов в переработанных продуктах животноводства касаются только таких токсичных элементов, относимых к тяжелым металлам, как свинец и кадмий.

Данные о содержании этих тяжелых металлов в виде примесей в переработанном навозе КРС (табл. 3) свидетельствуют о том, что риск повышения токсичности среды в почве при использовании этого удобрения отсутствует. Значения нормативов (кадмий – 2,0 мг/кг, свинец – 130 мг/кг) намного превышают имеющиеся показатели (кадмий – 0,7 мг/кг, свинец – 1,7 мг/кг). Для кадмия – это более чем в два раза; для свинца – почти на два порядка. Следует также отметить, что валовое содержание примесей кадмия и

свинца в переработанном навозе КРС не превышает гигиенические нормативы, установленные для почв¹.

Однако для принятия всесторонне обоснованного решения о возможности применения переработанных побочных продуктов животноводства необходимо дать им оценку в соответствии со всем перечнем нормативов, установленных постановлением Правительства РФ от 31 октября 2022 г. № 1940.

Выводы

1. Использование почвенно-земельных ресурсов в учреждениях УИС обусловлено необходимостью формирования подсобного хозяйства для трудовой адаптации осужденных. Это обстоятельство основано на важнейших направлениях развития УИС в ближайшие годы.

2. Специфика подсобных хозяйств учреждений УИС связана с комплексным характером производства, в котором сочетаются отрасли растениеводства и животноводства. В итоге возрастает техногенная нагрузка на обрабатываемые земли, что требует воспроизводства плодородия земель с целью их охраны.

3. В качестве почвозащитного и одновременно ресурсосберегающего подхода к решению проблемы охраны земель можно рекомендовать использование переработанных побочных продуктов животноводства как органических удобрений.

4. Можно предложить относительно простые и доступные технические решения для переработки индюшачьего помета, навоза КРС и других побочных продуктов животноводства, а именно: предварительное подсушивание в обычной сушилке для изготовления травяной муки, последующие измельчение в барабанной мясорубке с подогревом (без сжигания), прессование сухого шрота.

5. Рекомендации, полученные в результате проведенных исследований, не только имеют важное практическое значение для регулирования хозяйственного порядка при тыловом обеспечении в учреждениях УИС, включая оптимизацию функционирования подсобного хозяйства, но и способствуют получению положительных итогов федерального государственного земельного контроля (надзора) в отношении земель сельскохозяйственного назначения.

Список источников

1. Фазлиев И. Н., Светлаков А. Г. Формирование и управление развитием подсобных хозяйств в специальных учреждениях системы ФСИН России : монография. Пермь : ИПЦ Прокрость, 2018. 201 с.

2. Макарова О. В., Гаспарян С. В. Организация подсобного хозяйства в учреждениях уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2018. 330 с.

3. Национальный атлас почв Российской Федерации / гл. ред. С. А. Шоба. М. : Астрель ; АСТ, 2011. 632 с.

¹ См.: Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 2.1.3684-21 «Санитарно-эпидемиологические требования к содержанию территорий городских и сельских поселений, к водным объектам, питьевой воде и питьевому водоснабжению, атмосферному воздуху, почвам, жилым помещениям, эксплуатации производственных, общественных помещений, организации и проведению санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий» : постановление Главного государственного санитарного врача Рос. Федерации от 28 января 2021 г. № 3 (в ред. от 15 ноября 2024 г.).

4. Алакоз В. В., Полуниин Г. А. Посевные площади сельскохозяйственных культур в 2018 г. и прогноз их наличия в 2025 г. // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2020. № 4(183). С. 10–19.
5. Валеева А. А., Александрова А. Б., Колосов Г. Ф. Серые лесные почвы Республики Татарстан // Ученые записки Казанского университета. Сер. Естественные науки. 2011. Т. 153, № 2. С. 238–249.
6. Красная книга почв Республики Татарстан / под ред. Д. В. Иванова. Казань : Фолиант, 2012. 192 с.
7. Данилов Д. А., Яковлев А. А., Крылов И. А. Формирование естественных растительных ассоциаций на постагрогенных землях // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2023. № 242. С. 60–82.
8. Давыдова И. Ю., Давыдов Е. А., Беркасова Л. В. Качество почв, оценка земель, инвестиции в Рязанской области: методика оценки земель с учетом качества почв для формирования цены земли в регионе : монография. Рязань : РГУ им. С. А. Есенина, 2010. 134 с.
9. Мажайский Ю. А., Павлов А. А. Влияние гуминового препарата на плодородие залежных земель и урожайность кормовых культур // Вестник Рязанского государственного агротехнологического университета имени П. А. Костычева. 2020. № 4(47). С. 138–143.
10. Соколов А. А., Лупова Е. И., Мазиров М. А., Виноградов Д. В. Влияние органоминерального удобрения на продуктивность ярового рапса в условиях Рязанской области // Владимирский земледелец. 2020. № 1. С. 29–33.

References

1. Fazliev, I. N. & Svetlakov, A. G. 2018, *Formation and management of the development of subsidiary farms in special institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia: monograph*, CPI Procrast, Perm.
2. Makarova, O. V. & Gasparyan, S. V. 2018, *Organization of subsidiary farming in institutions of the penal system: textbook*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
3. Shoba, S. A. (ed.) 2011, *National Atlas of soils of the Russian Federation*, Astrel, AST, Moscow.
4. Alakoz, V. V. & Polunin, G. A. 2020, 'The sown areas of agricultural crops in 2018 and the forecast of their availability in 2025', *Land management, cadastre and land monitoring*, iss. 4(183), pp. 10–19.
5. Valeeva, A. A., Alexandrova, A. B. & Kolosov, G. F. 2011, 'Gray forest soils of the Republic of Tatarstan', *Scientific Notes of Kazan University, The Natural Sciences series*, vol. 153, iss. 2, pp. 238–249.
6. Ivanov, D. V. (ed.) 2012, *The Red Book of Soils of the Republic of Tatarstan*, Foliant, Kazan.
7. Danilov, D. A., Yakovlev, A. A. & Krylov, I. A. 2023, 'Formation of natural plant associations on postagrogenic lands', *Izvestiya St. Petersburg Forestry Academy*, iss. 242, pp. 60–82.
8. Davydova, I. Yu., Davydov, E. A. & Berkasova, L. V. 2010, *Soil quality, land assessment, investments in the Ryazan region methodology of land assessment based on soil quality for the formation of land prices in the region: monograph*, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan.
9. Mazhaisky, Yu. A. & Pavlov, A. A. 2020, 'The effect of a humic preparation on the fertility of fallow lands and the yield of forage crops', *Bulletin of the Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostychev*, iss. 4(47), pp. 138–143.

10. Sokolov, A. A., Lupova, E. I., Mazirov, M. A. & Vinogradov, D. V. 2020, 'The influence of organomineral fertilizers on the productivity of spring rapeseed in the Ryazan region', *Vladimirsky husbandman*, iss. 1, pp. 29–33.

Информация об авторах

И. Ю. Давыдова – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы;

Ю. А. Мажайский – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, профессор кафедры тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы.

Information about the authors

I. Yu. Davydova – Sc.D (Biological Sciences), Associate Professor, professor of the logistics of the penal system department;

Yu. A. Mazhaisky – Sc.D (Agricultural Sciences), Professor, professor of the logistics of the penal system department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 07.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 04.02.2026.

The article was submitted 07.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 04.02.2026.

Научная статья
УДК 343.829

ТЫЛОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Нина Михайловна Томина^{1,2}, Галина Зиновьевна Цибульская^{1,3}

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

² nineliya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1020-603X>

³ 89155933846@mail.ru

Аннотация. Предметная область работы охватывает широкий спектр проблем, связанных с тыловым обеспечением, направленным на создание нормальных условий жизнедеятельности органов и учреждений пенитенциарной системы. В результате исследования сформулирована дефиниция тылового обеспечения и его принципы, систематизированы виды обеспечения с указанием их функционального содержания. Статья может заинтересовать исследователей, руководителей и практиков, занимающихся тыловым обеспечением уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, тыловое обеспечение, материально-техническое обеспечение, виды обеспечения ресурсами, функциональное содержание видов обеспечения

Для цитирования

Томина Н. М., Цибульская Г. З. Тыловое обеспечение в уголовно-исполнительной системе: сущность, виды обеспечения и их функциональное содержание // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 121–129.

Original article

LOGISTICAL SUPPORT IN THE PENAL SYSTEM: THE ESSENCE, TYPES OF SUPPORT AND THEIR FUNCTIONAL CONTENT

Nina Mikhailovna Tomina^{1,2}, Galina Zinovievna Cybulskaya^{1,3}

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

² nineliya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1020-603X>

³ 89155933846@mail.ru

Abstract. The subject area of the work covers a wide range of problems related to logistical support aimed at creating normal living conditions for the bodies and institutions of the penitentiary system. As a result of the research, the definition of logistics and its principles are formulated, the types of support are systematized with an indication of their functional content. The article may be of interest to researchers, managers, and practitioners involved in the logistics of the penal system.

Keywords: penal system, logistical support, logistical support, types of resource provision, functional content of types of provision

For citation

Tomina, N. M. & Cybulskaya, G. Z. 2026, 'Logistical support in the penal system: the essence, types of support and their functional content', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 121–129.

Введение

История становления тылового обеспечения в уголовно-исполнительной системе (УИС) показывает, что пристальное внимание на его проблемы стали обращать в период перестройки всей экономической системы России [1, с. 4–10]. В это время вступили в действие нормативно-правовые акты, которые закрепили новое понимание условий содержания осужденных к лишению свободы, подозреваемых в совершении преступлений и находящихся под стражей.

Материально-бытовые вопросы осужденных, заключающиеся в создании им необходимых вещественных, жилищно-бытовых и санитарно-гигиенических условий для жизни, организации полноценного качественного питания, предупреждения и лечения заболеваний, а также процесса перевоспитания, стали наиболее приоритетными. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, предусмотрела внедрение ряда неотложных мер в сфере материального обеспечения подразделений УИС, в том числе по внедрению рыночных отношений и механизмов, гуманизации пенитенциарной политики.

Вместе с тем в теории становления и развития тылового обеспечения остается много вопросов, которые требуют более детального рассмотрения. В частности, исследователи по-разному понимают наполнение терминов «тыловое обеспечение» и «материально-техническое обеспечение», не в полной мере раскрывают совокупность видов

обеспечения и их функциональное содержание [2, с. 65–68; 3; 4, с. 70–80; 5, с. 318–321], не раскрывают принципы тылового обеспечения, что требует их осмысления и адаптации, наполнения соответствующим современности содержанием.

Материалы и методы

В процессе разработки статьи были использованы теоретические и эмпирические методы исследования, системный анализ нормативно-правовых актов и научных мнений, изложенные в публикациях, имеющих отношение к теме исследования [1–5]. Цель изысканий заключается в рассмотрении применяемой в тыловом обеспечении терминологии, наиболее полном раскрытии видов тыловой деятельности и их функционального содержания.

Сущность тылового обеспечения в уголовно-исполнительной системе и принципы реализации

В действующем законодательстве термин «тыловое обеспечение УИС» не определен. Его часто характеризуют как широкое обобщающее понятие, включающее в себя различные виды обеспечения, направленные на создание условий для нормального функционирования учреждений и органов УИС и выполнения ими возложенных на пенитенциарную систему задач по исправлению и перевоспитанию нарушивших закон. В литературе и на практике в качестве общепринятой лексики употребляют термины «тыл», «тыловое обеспечение», «материально-техническое обеспечение», «управление тылом» и другие понятия как синонимы.

Наиболее часто встречающиеся дефиниции звучат так: «тыловое обеспечение в УИС – это комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение материальных, транспортных, медицинских и других потребностей органов и учреждений УИС» [2, с. 65]; «служба тылового обеспечения учреждений исполнения наказаний включает в себя ряд взаимосвязанных видов деятельности» [3, с. 9].

С точки зрения исторического подхода термин «тыловое обеспечение» в обобщенном плане действительно представляет собой процесс реализации различных видов материально-технического обеспечения, выполнения комплекса логистических операций, ориентированных на обеспечение нужд учреждений и органов УИС в соответствии с установленными нормами положенности материальных средств. Оно осуществляется в целях удовлетворения основных потребностей как сотрудников и работников УИС, так и осужденных к лишению свободы, подозреваемых в совершении преступлений и находящихся под стражей, включая снабжение продовольствием, оборудованием, имуществом, форменным обмундированием, условия проживания и быта, а также иные виды обеспечения, связанные с институциональными и социальными преобразованиями в стране и уголовно-исполнительной системе. При этом, например, тыловые службы учреждений и органов УИС, выполняя свое функциональное предназначение, вступают с контрагентами в разнообразные отношения организационно-правового, экономического и социального характера.

С учетом многоаспектности функционального назначения и содержания термина «тыловое обеспечение УИС» его следует, по нашему мнению, охарактеризовать следующим образом. Тыловое обеспечение – это создание установленных нормативно-правовой базой государства и Федеральной службы исполнения наказаний для достижения поставленных перед пенитенциарной системой целей по исправлению и перевоспитанию преступивших закон целесообразных условий жизнедеятельности, а также нормального функционирования органов и учреждений уголовно-исполнительной

системы совокупностью взаимосвязанных подразделений и служб по характерным и обусловленным видам обеспечения с существующими между ними и имеющимися контрагентами организационно-правовыми, социально-экономическими отношениями на основе договоров и соглашений.

Термин на первый взгляд несколько сложен, но правомерен, поскольку отражает следующие определяющие тыловое обеспечение аспекты:

- совокупность нормативно-правовых актов, устанавливающих правила достижения условий жизнедеятельности в уголовно-исполнительной системе;
- достижение целей, поставленных перед пенитенциарной системой;
- нормальное функционирование учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, которое организуют и осуществляют сотрудники и работники системы;
- взаимосвязь подразделений, задействованных в системе создания соответствующих условий содержания преступивших закон;
- организационно-правовые и социально-экономические отношения участников и контрагентов на основе договоров и соглашений.

В литературе наряду с понятием «тыловое обеспечение» часто используется термин «материально-техническое обеспечение» как синоним, который тесно связан с первым, но несколько отличается по содержанию.

Материально-техническое обеспечение в УИС – это снабжение органов и учреждений УИС необходимыми материальными ресурсами по фактической потребности, такими как оборудование, техника, мебель, то есть материально-техническое обеспечение в УИС является одним из видов тылового обеспечения, фокусирующимся на конкретных материальных активах, необходимых для работы системы. Сравнение терминов приведено в таблице 1.

Таким образом, материально-техническое обеспечение является составной частью тылового обеспечения, но не охватывает все его аспекты. Требования к материально-техническому обеспечению в УИС определены приказом ФСИН России от 4 июля 2018 г. № 570 «Об утверждении норм и порядка обеспечения учреждений уголовно-исполнительной системы техникой, продукцией общехозяйственного назначения и имуществом продовольственной службы». Примеры материально-технического обеспечения по отдельным направлениям представлены на рисунке 1.

Тыловое обеспечение УИС базируется на основополагающих принципах, которые хотя четко в литературе не сформулированы, но прослеживаются в федеральных законах, приказах ФСИН России и других нормативных актах, а также в положениях об отделах тылового обеспечения (рис. 2).

Таблица 1

**Сравнительная характеристика терминов «тыловое»
и «материально-техническое» обеспечение**

Критерий	Тыловое обеспечение	Материально-техническое обеспечение
Объем понятия	Обобщающее понятие, включающее в себя несколько видов обеспечения	Один из видов тылового обеспечения
Содержание	Комплекс мероприятий для удовлетворения различных потребностей УИС	Снабжение материальными ресурсами
Примеры	Включает в себя продовольственное, вещевое, транспортное и другие виды обеспечения	Закупка оборудования, техники, мебели

Рис. 1. Примеры материально-технического обеспечения

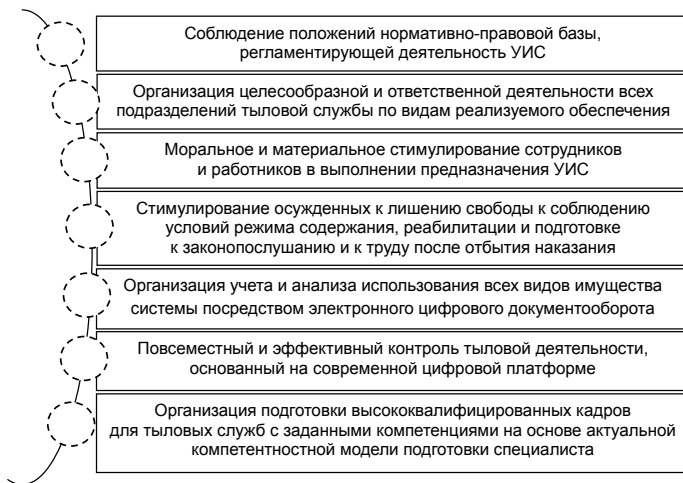

Рис. 2. Принципы тылового обеспечения

Соблюдение названных принципов тылового обеспечения УИС создает условия для целесообразной и эффективной деятельности всех подразделений и служб пенитенциарной системы.

Виды обеспечения в уголовно-исполнительной системе и их функциональное содержание

Разнообразие видов обеспечения в УИС и их функциональное содержание может быть разделено на виды обеспечения, которые оказывают непосредственно специализированные тыловые подразделения системы [4, с. 73] и виды обеспечения, оказываемые подразделениями Федеральной службы исполнения наказаний, взаимодействующими с тыловой службой УИС на основе нормативных актов и инструктивных положений. Виды обеспечения, оказываемые подразделениями тыловых служб УИС, и их функциональное содержание представлено в таблице 2.

Таблица 2

**Виды обеспечения, оказываемые подразделениями тыловых служб УИС
и их функциональное содержание**

№ п/п	Виды обеспечения	Функциональное содержание
1	Продовольственное обеспечение	Организация и обеспечение приготовления пищи; организация питания сотрудников, подозреваемых, обвиняемых и осужденных в соответствии с установленными нормами и требованиями; организация хлебопечения; обеспечение необходимой техникой и имуществом
2	Самообеспечение	Планомерное развитие подсобных хозяйств, производящих продукцию для учреждений; закупка продовольствия у частных хозяйств
3	Вещевое обеспечение	Определение потребности в имуществе; оптимизация закупок материальных ресурсов; учет имущества, находящегося на складах и в пользовании; создание нормативных запасов вещевого имущества и условий его правильного хранения; обеспечение сотрудников вещевым довольствием; снабжение форменной одеждой, обувью и другими вещевыми изделиями подозреваемых, обвиняемых и осужденных
4	Коммунально-бытовое обеспечение	Создание необходимых жилищных, бытовых и санитарно-гигиенических условий жизнедеятельности подозреваемых, обвиняемых и осужденных
5	Банно-прачечное обеспечение	Организация помывки подозреваемых, обвиняемых и осужденных; организация стирки и смены одежды и постельного белья
6	Торговое обеспечение	Обеспечение осужденных предметами первой необходимости и продуктами питания за счет собственных средств через торговые сети ФСИН России, интернет, по почте
7	Обеспечение топливно-энергетическими ресурсами	Организация и контроль своевременного обеспечения учреждений энергетическими ресурсами и оборудованием (электроэнергией, газоснабжением, водоснабжением, водоотведением, котельно-печным топливом), финансированием на содержание и эксплуатацию котельного оборудования, силовых трансформаторов, трансформаторных подстанций, аварийных источников электроэнергии, водяных скважин, канализационных насосных станций, очистных сооружений, газораспределительных пунктов и установок
8	Транспортное обеспечение	Планирование, организация, контроль, учет, анализ и прогнозирование работы транспорта, профилактика и предупреждение дорожно-транспортных происшествий, а также развитие материально-технической базы
9	Обеспечение горюче-смазочными материалами	Организация своевременного обеспечения горюче-смазочными материалами (ГСМ)
10	Контрактная система обеспечения материальными ресурсами	Заключение государственных контрактов (договоров) на поставку продукции на конкурсной основе, осуществление закупок

Анализируя тыловое обеспечение УИС в разных ведомствах с применением сравнительного метода, Е. Л. Валов обозначил широкий его перечень [2, с. 66]. Поскольку эти виды имеют место в УИС, отразим их функциональное содержание в таблице 3.

Таблица 3

**Виды обеспечения, оказываемые подразделениями ФСИН России,
и их функциональное содержание**

№ п/п	Виды обеспечения	Функциональное содержание
1	2	3
1	Материально-техническое обеспечение	Снабжение органов и учреждений УИС необходимыми материальными ресурсами (оборудованием, техникой, мебелью, инструментами и т. д.); осуществляется за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета на соответствующий год по нормам, которые установлены федеральным органом УИС
2	Финансовое обеспечение	Бюджетное и внебюджетное ассигнование (финансирование) органов и учреждений УИС, включает в себя планирование, распределение, освоение и контроль финансовых ресурсов. Финансовое обеспечение УИС, согласно ст. 9 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1, является расходным обязательством России. Реализуется Финансово-экономическим управлением ФСИН России
3	Жилищно-бытовое обеспечение	Создание комфортных условий проживания и быта сотрудников органов и учреждений УИС. Регламентируется приказом ФСИН России от 27 мая 2025 г. № 354, который утверждает Порядок предоставления жилых помещений жилищного фонда Российской Федерации по договору социального найма в УИС России. Реализуется Центром государственного имущества и жилищно-бытового обеспечения
4	Обеспечение строительства, реконструкции и капитального ремонта, строительного контроля	Оказание услуг, связанных со строительством, реконструкцией и капитальным ремонтом, строительным контролем; учреждения выступают в роли государственного заказчика по проектированию, строительству, ремонту и реконструкции объектов уголовно-исполнительной системы. Реализуется Управлением капитального строительства ФСИН России
5	Кадровое обеспечение	Обеспечение реализации кадровой политики, осуществление методического руководства деятельностью кадровых подразделений; организация ведомственной системы профессионального образования, разработка нормативных требований, предъявляемых к сотрудникам и работникам УИС, в части медицинских показаний и профессиональных навыков. Осуществляется Управлением кадров и Управлением по работе с личным составом ФСИН России
6	Обеспечение федерального государственного санитарно-эпидемиологического контроля (надзора) на объектах системы	Оказание услуг, связанных с обеспечением федерального государственного санитарно-эпидемиологического благополучия и контроля (надзора) на объектах УИС, способствующих сохранению здоровья обвиняемых, подозреваемых, осужденных, а также сотрудников УИС и членов их семей. Осуществляется государственной санитарно-эпидемиологической службой ФСИН России
7	Медицинское обеспечение	Комплекс мер, направленных на сохранение и укрепление здоровья сотрудников и работников органов и учреждений УИС. Реализуется Управлением организации медико-санитарного обеспечения ФСИН России

Окончание таблицы 3

1	2	3
8	Обеспечение федерального государственного пожарного надзора на объектах системы	Проверка соблюдения требований пожарной безопасности сотрудниками и работниками УИС и осужденными. Осуществляется подразделениями ведомственной пожарной охраны (ВПО) ФСИН России
9	Обеспечение ветеринарного контроля (надзора) на объектах системы	Обеспечение ветеринарного контроля (надзора) на объектах системы. Реализуется ветеринарной службой ФСИН России
10	Метрологическое обеспечение	Организационно-методическое руководство и выполнение работ по поверке (калибровке) и ремонту средств измерений, применяемых для проведения регламентных работ и проверки работоспособности технических средств охраны и надзора. Осуществляется метрологическим центром инженерно-технических средств охраны ФСИН России
11	Геральдическое обеспечение	Официальные символы, которые указывают на принадлежность к ведомству, утверждены Указом Президента РФ от 2 декабря 2005 г. № 1396. Они включают геральдический знак-эмблему и флаг Федеральной службы исполнения наказаний

Источник: составлено авторами на основе источников [2–5].

Таким образом, как видно из таблиц 2, 3, виды обеспечения деятельности УИС весьма многообразны, а их функциональное содержание многоаспектно, поэтому установление их полного перечня и содержания позволит учесть разнообразные связи между подразделениями и службами в целях решения поставленных перед пенитенциарной системой задач и нормального функционирования органов и учреждений УИС. Взаимодействие между подразделениями и службами, а также привлекаемыми контрагентами осуществляется в соответствии с имеющейся нормативной базой на основе договоров и соглашений. Их деятельность по организации обеспечения ресурсами реализуется по вертикали ФСИН России, в территориальном разрезе по горизонтали – органы и учреждения УФСИН России, а также на местном уровне – привлечение местных администраций городов и поселков, областных предприятий, предприятий местной промышленности, сельскохозяйственных и торговых организаций.

Заключение

Вопросы совершенствования тылового обеспечения в уголовно-исполнительной системе всегда актуальны и требуют перманентного анализа в связи с их направленностью на обеспечение первостепенных потребностей осужденных к лишению свободы, подозреваемых и обвиняемых в правонарушениях, а также на улучшение жизнедеятельности и уровня работоспособности личного состава, от качественной работы которого зависит выполнение новых задач. Полагаем, что сформулированная цель исследования, заключающаяся в раскрытии применяемой в тыловом обеспечении терминологии и его принципов, наиболее полном освещении видов деятельности и их функционального содержания, достигнута. Теоретико-практические результаты изысканий могут быть применены на практике для решения значимых научно-практических задач организации тылового обеспечения УИС.

Список источников

1. Этапы развития и организации тылового обеспечения пенитенциарной системы Российского государства // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 9. С. 4–10.

2. Валов Е. Л. Анализ тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы Российской Федерации с применением компаративного метода // Вопросы современной науки и практики. 2024. № 2(11). С. 65–68.

3. Цибульская Г. З. Управление тыловым обеспечением в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. 100 с.

4. Цибульская Г. З., Томина Н. М. Современные аспекты обеспечения материальными ресурсами учреждений уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 6. С. 70–80.

5. Юсупова А. Н. Материально-бытовое обеспечение осужденных при режиме особых условий в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16(1–4), № 3. С. 318–321.

References

1. Stages of development and organization of logistical support of the penitentiary system of the Russian State 2022', *Bulletin of the penal system*, iss. 9, pp. 4–10.

2. Valov, E. L. 2024, 'Analysis of logistical support of the penal enforcement system of the Russian Federation using the comparative method', *Issues of modern science and practice*, iss. 2(11), pp. 65–68.

3. Cybul'skaya, G. Z. 2022, *Logistics management in the penal system: textbook*, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

4. Cybul'skaya, G. Z. & Tomina, N. M. 2022, 'Modern aspects of providing material resources to institutions of the penal enforcement system', *Bulletin of the penal system*, iss. 6, pp. 70–80.

5. Yusupova, A. N. 2021, 'Material and household support for convicts under special conditions in correctional institutions', *Penal law*, vol. 16(1–4), iss. 3, pp. 318–321.

Информация об авторах

Н. М. Томина – кандидат экономических наук, доцент, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доцент Института по кафедре бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения;

Г. З. Цибульская – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы.

Information about the authors

N. M. Tomina – PhD (Economic Sciences), Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, associate professor of the accounting, analysis, finance and taxation department;

G. Z. Cybul'skaya – PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the of logistics of the penal system department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 05.02.2026.

The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 05.02.2026.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Научная статья
УДК 343.83:808

РЕЧЕВОЙ ОБРАЗ СОТРУДНИКА ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СЛУЖБЫ В ПРОТИВОСТОЯНИИ ОБСЦЕННОЙ ЛЕКСИКЕ

Тамара Николаевна Демко¹

¹ Академия ФСИН России, Рязань, Россия, luscha1882@mail.ru

Аннотация. Данная публикация вызвана озабоченностью по поводу распространения нецензурной брани в молодежной среде, особенно обучающихся в учебных заведениях. Статья освещает проблему речевого образа специалиста, в частности сотрудника уголовно-исполнительной системы, как инструмента взаимодействия сторон в процессе исполнения его профессиональных функций. Речевой образ рассматривается как способ осуществления задач в социальных профессиях в плане воздействия на человека. Доказано, что вся историческая линия борьбы с матом, подавляющим человеческое достоинство, восходит к идеалу человека, одухотворенного высшими целями и не допускающего по этой причине осквернения себя и окружающей среды.

Ключевые слова: обсценная лексика, речевой образ, профессиональная роль, идеал, духовность, честь, достоинство

Для цитирования

Демко Т. Н. Речевой образ сотрудника пенитенциарной службы в противостоянии обсценной лексике // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 130–143.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Original article

THE SPEECH IMAGE OF A PRISON SERVICE EMPLOYEE IN OPPOSITION TO OBSCENE LANGUAGE

Tamara Nikolaevna Demko¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, luscha1882@mail.ru

Abstract. This publication is caused by concern about the spread of obscenities among young people, especially students in educational institutions. The article highlights the problem of the speech image of a specialist, in particular an employee of the penal system, as a tool for interaction between the parties in the process of performing his professional functions. The speech image is considered as a way of performing tasks in social professions in terms of influencing a person. It has been proved that the entire historical line of struggle against obscenity, which suppresses human dignity, goes back to the ideal of a person who is inspired by higher goals and does not allow himself and the environment to be desecrated for this reason.

Keywords: obscene vocabulary, speech image, professional role, ideal, spirituality, honor, dignity

For citation

Demko, T. N. 2026, 'The speech image of a prison service employee in opposition to obscene language', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 130–143.

Я слушаю не речь, а человека.
Аристотель

Среди пословиц есть такая: «хочешь узнать человека, заговори с ним». Человек выявляет себя в содержании и смысле речи, ее форме, грамотности, стилистике, выборе лексических средств. Какими словами, цитатами, примерами мы оперируем, с какими интонациями, в какой манере – все показательно. Мы заявляем о себе не только смыслом высказываний, но и формой их преподнесения. Арсенал речевых средств безграничен, выбирая, с чем и в какой форме обратиться к нашим слушателям, открываем, как мы оснащены или, скажем, вооружены средствами речевого взаимодействия и в определенной степени что мы есть изнутри. Проявить, то есть явить себя в сказанном, – вполне закономерный эффект речи. Тот, кто говорит красиво или резко, как «рубит с плеча», запальчиво или вкрадчивым голосом, кто говорит двусмысленно, явно не договаривая чего-то, и так далее и тому подобное, тот формирует представление о себе как о человеке.

Речевой образ – это представление о человеке в сознании слушающих с точки зрения его речевых характеристик. Человек, воплощая в своей речи то, что присуще его внутреннему облику, пользуясь своими культурными, интеллектуальными, морально-нрав-

ственными запасами, транслирует это адресату и даже тогда, когда говорящий хочет предстать не в своем истинном образе, а маскируясь под кого-либо другого или желая произвести особое впечатление, он прибегает к соответствующим речевым средствам. Так рекламируют себя люди, заинтересованные в поддержке избирателей, покупателей, подчиненных или начальников, так поступают мошенники, выдавая себя за вашего благодетеля. В отдельных ситуациях речевое поведение может быть мотивировано преднамеренной и целенаправленной установкой создать сильное впечатление. В общем, в жизни много таких ситуаций, когда речевое поведение используется в целях предстать перед реципиентом в желаемом образе. Образ говорящего складывается в сознании последнего и сохраняется в его памяти. То, что происходит на сцене и в зрительном зале театра, когда актер выступает в роли, есть ярчайший пример тому, как речевыми способами формируется образ сценического персонажа в воображении зрителя.

Рассуждая о речевом образе, в первую очередь нужно учесть, что это понятие неотрывно от слушателя, потому что образ возникает, формируется и существует в сознании тех, кто слышит и воспринимает говорящего. Такова природа образа вообще. Сильный оратор, мямля, говорливый, суровый – все такое в отношении говорящего рождается от впечатления, которое он производит своей речью и оставляет в памяти окружающих. Индивидуальные особенности речи становятся своеобразным маркером личности в глазах других. Таким образом, в процессе восприятия речи и внешнего наблюдения в сознании слушающего складывается, запечатлевается объемное представление о говорящем.

Вместе с тем намеренность овладеть вниманием, вызвать интерес, произвести впечатление и настроенность на то, чтобы быть понятым, заложена в произносимую речь адресанта (так называют отправителя в отличие от адресата – получателя). Представлением о себе можно осознанно управлять, примером чему является имиджмейкинг. Человек способен сыграть разные роли, его психология и воображение позволяют ему войти в образ и представить себя публике, как задумано. Бывает, когда человек выходит за рамки привычного образа и ломает то впечатление, которое сложилось о нем прежде. Тогда говорят: «Я от него этого совсем не ожидал», «Он удивил нас», «Он предстал перед нами в новом образе». Все это нормально в русле диалектики человеческого бытия. Мы можем быть разными и являемся таковыми в разных условиях общения. Преподаватель, который читает лекцию, стоя за трибуной, выходит из этой роли у себя на кухне, в домашнем кругу или в магазине, встретившись с бывшим коллегой. Арсенал средств общения у человека велик, чтобы предстать в соответствующей роли. Существующая с давних пор, чуть ли не с первобытных времен, практика сценического перевоплощения свидетельствует о том, что человек обладает способностью (и потребностью) быть разным и может пользоваться ею преднамеренно, рассчитывая на задуманную реакцию.

В сфере так называемых социальных профессий, когда успех всего дела зависит от полноценного контакта людей, можно говорить о профессиональной роли и о соответствующем ей образе, направленном на другого человека, участвующего в коммуникативном процессе (врач – пациент, учитель – ученик, сотрудник УИС – осужденный). Умение выстраивать соответствующий образ – один из профессиональных навыков в подобных видах деятельности. Для установления нужных, соответствующих ситуации контактов и отношений человек может целенаправленно корректировать манеру своего речевого поведения и добиваться задуманных результатов. Можно говорить об активности производимого впечатления, о силе его воздействия как о факторе, свидетельствующем о профессионализме.

Таким образом, действующей силой становится не только содержание произносимой информации, но и тот самый речевой образ. При этом следует учесть, что желаемая реакция, успех коммуникации зависят и от того, насколько субъект речи, адресант, понимает и учитывает, с кем он имеет дело, какова его аудитория, кто его адресат. Профессионал в полном смысле этого слова легко перестраивает свое речевое поведение, когда обнаруживается, что не всякая манера вести себя подходит к конкретной коммуникации. Данная возможность говорит о функциональной подвижности образа – он не является застывшей маской.

Речевой образ рождается в условиях восприятия одним человеком другого, и он не просто отпечатывается в сознании реципиента – образ воздействует на его эмоциональную сферу, воображение, ассоциативные реакции. Нередко этот эффект характеризуется как впечатляющий, сильно действующий, подчиняющий себе все чувства реципиента.

Впечатление, которое производит говорящий человек, вызывает одновременно оценочную реакцию по шкале «выше – ниже». Оценка может соответствовать как самому высокому уровню отношения к человеку, когда возникает одобрение типа «он покори нас своей речью», так и сниженному, когда говорят об «отталкивающем впечатлении» и даже «он упал в наших глазах окончательно». Иными словами, впечатление способно спровоцировать такую оценку, которая возводит авторитет субъекта речи на высокую ступень или же обрушивает его. Так что можно утверждать: возникновение уважительно-го или неуважительного отношения к человеку во многом обеспечивает речевой образ.

Что «к лицу», что «не к лицу»

Для слушающего характерно состояние, которое называют актом экспектации (от англ. *expectation* – ожидание). Когда предстоит заранее запланированный или внезапно возникает какой-либо разговор, собеседник как бы настраивается на восприятие. Состояние ожидания или в отдельных обстоятельствах – надежды услышать что-то важное есть психологическая настройка на восприятие. Мы пришли на лекцию известного ученого и, что вполне естественно, испытываем состояние предвкушения чего-то нового и интересного. Мы включаем телевизионные «Вести» и пребываем в ожидании, нередко нетерпеливом, новостей, предполагая, о чем пойдет речь. Или весьма распространенная ситуация: те, кому пообещали рассказать анекдот, готовятся рассмеяться заранее. Настроенность на предстоящую информацию, экспектация, подтверждается финальными реакциями неожиданных впечатлений, превзойденного или обманутого ожидания, разочарования и т. п. Сюда можно отнести и такой эффект от восприятия, когда сказанное или манера говорить получают оценку «это вам не к лицу». Акту коммуникации предшествует установка на восприятие речи данного субъекта. Выражения «к лицу» или «не к лицу» затрагивают проблему ожидания такого поведения говорящего, которое соответствует его роли, статусу, положению. Принцип «не потерять лица» в речевой коммуникации указывает на рамки, которые держат образ в определенных границах (культуры, морали, полномочий и т. д.). Общение сотрудника УИС и осужденного имеет аналогичную тенденцию, со стороны одних и других предполагается, как должно пойти общение. Служебное положение сотрудника, его статус накладывают свой отпечаток на ожидания окружающих, как он проявит себя в общении.

В общении с осужденными сотрудник УИС выступает в роли представителя власти, работника учреждения, несущего службу по осуществлению закона. Его статус, позиция являют волю государства, силу Закона. Его задача утвердиться как образец этой силы в глазах тех, с кем ему приходится работать. В сознании воспринимающих

должно действовать именно такое представление, которое внушает безусловное уважение к официальному положению сотрудника и поддерживает его авторитет. Отсюда речевой образ должен являть собой инструмент утверждения сотрудника в глазах осужденных как человека, обладающего внутренней силой, требовательно к себе и окружающим, неподкупного, профессионально подкованного и, конечно, грамотного, что, безусловно, внушает уважение. Его слово должно быть весомым. Уместно поставить вопрос о профессиональном долге, который требует и обязывает сотрудника УИС являть и поддерживать образ, внушающий в его лице уважение к закону и власти.

Общенная лексика

Образ действует, впечатляет и оставляет след в памяти реципиента. Однако это относится и к неблагоприятным впечатлениям. В процессе речевого общения есть риск разочаровать и снизить впечатление о себе. В первую очередь плохое впечатление производит речь, неудовлетворительная с точки зрения грамотности. Речевые ошибки, как говорится, режут слух. Наряду с неграмотностью образ страдает от косноязычия, то есть убогости словарного запаса, сбивчивости и неумения выразить свои мысли. Несомненно, такие недостатки ослабляют силу воздействия образа. Кроме того, убогая и «корявая» речь способна внушить недоверие к профессионализму работника. В результате возможны сомнения, на своем ли месте находится тот, кто требует от других жить в соответствии с нормами и во всем соблюдать порядок. Степень доверия к профессиональному статусу сотрудника, его подготовленности нести такую службу снижается, что отражается и на его авторитете.

В числе факторов, способных снизить образ в глазах людей, а иногда буквально обрушить впечатление, на заметном месте стоит общенная лексика (от лат. *obscenus* – непристойный, распутный, безнравственный), или нецензурная брань. Выразиться нецензурно – это упасть в глазах большинства и попасть в неприятную зависимость от впечатления, произведенного таким непотребным способом, то есть остаться в памяти с неприличным маркером матерщинника. Загладить таковое иногда бывает невозможно: в памяти услышавшего брань сохраняется образ с характерными чертами, пусть и не стопроцентного сквернословя, но человека, способного перейти границы допустимого. Этим часто объясняется неуважительный тон, развязное поведение в присутствии распустившего язык субъекта, которыми как бы отзеркаливается его принцип вседозволенности. В общем, в ответ он получает знаки неуважения, что говорит об этом самом заниженном впечатлении.

В свете проблемы речевого образа и его действенности тема использования вульгарных выражений в служебной практике сотрудника УИС весьма актуальна и требует особого, глубокого осмысления. Общеизвестно, что язык, его словарный запас содержит неприемлемые с позиций «что есть норма» слова и выражения. Есть литературный язык, который как бы определяет норму, есть и то, что существует ей вопреки [3, 6]. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка подтверждает: «Наряду с лексической системой литературного русского языка, существуют также иные лексико-семантические системы, социально-маркированные и стилистически сниженные по отношению к литературной норме» [6, с. 5]. Но проблема с ненормативной лексикой упирается не столько в языковедение, в нормы словоупотребления, сколько в духовно-нравственный мир человека. Отступление от норм в этой сфере носит более серьезный по своим последствиям характер, чем речевые ошибки.

Моральные и правовые запреты известны всем. Нецензурная брань в общественном месте (с недавних пор появился и официальный перечень запретных слов, составленный Роскомнадзором) карается по закону. Мат в публичном пространстве квалифицируется как мелкое хулиганство – ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ). Если нецензурные слова, ругань направлены против конкретного человека с целью унижить его, то такое поведение расценивается как оскорбление, попирающее честь и достоинство другого лица (ст. 5.61 КоАП РФ).

Казалось бы, все тут ясно: запрещено – и точка. Мат есть нарушение общественной морали, а мат в общественных местах карается законом. Но все не так однозначно. Ни штрафы, предусмотренные названными статьями, ни административный арест на 15 суток не устраивают так, чтобы остановить эту стихию. Как морально-нравственное порицание, табуирование этого явления в нашей культуре также не достигает желаемых целей. Становится привычным слышать на улице крепкие словечки от молодежи, подростков и даже детей. Нередко такие способы выражения, что называется, на грани, позволяют себе медийные фигуры в средствах массовой информации. В Интернет запущены ролики одного юмориста, построившего все свое творчество на нецензурной лексике с целью повеселить публику. Дело дошло до того, что ненормативная лексика обсуждается как средство управления [9, с. 8]. Для определенной категории людей непристойные слова являются обычными и привычными, без намерения кого-нибудь обидеть или повеселить. Как-то само собой так получается, машинально, все равно, как воскликнуть «Ой!» или «Ай!» от неожиданности. С этой точки зрения они не видят ни в грязных словах, ни в своих мотивах ничего зловредного [7, с. 124–133].

Тема бесконечно обсуждается

Тема бесконечно обсуждается в основном в порицательном смысле. Интернет переполнен публикациями воспитывающего и профилактического характера. Специалисты в области языка, психологи, культурологи, общественники, признавая наличие большого словаря ненормативной лексики, бранных, сленговых, жаргонных слов и выражений, подходят к ней каждый со своих позиций. Одни ведут поиски исторической, культурной, социолингвистической подоплеки, кто-то поднимает вопрос о влиянии бранной речи на здоровье, а кто-то ищет ей оправдание. Так, указывая на экспрессивность нецензурной лексики, в ней видят способ разрядки психологического напряжения, снятия стресса. Мат определяется и как действенный способ реализации агрессивного состояния субъекта и способ вытеснить его, нападая с оскорблениями на тех, кто под руку подвернется. Есть аналитики, которые находят в употреблении мата языковую игру, вносящую в контекст общения юмор в виде такой вот шутки. По поводу мотивов некоторых сквернословов отмечают потребность самоутвердиться, осознанно демонстрируя пренебрежительное отношение к правилам и нормам. Находят и такой мотив, как желание заслужить своеобразный авторитет в определенных кругах, мол «выражается нецензурно – наш человек». В общем, под заголовком «Функции мата» выделяют около трех десятков таковых [5]. Однако окончательного или единого научного объяснения этому явлению нет и, по-видимому, быть не может. Но есть большой исторический опыт по преодолению нецензурной брани, позволяющий глубже вдуматься в суть проблемы.

Аргументы истории

Сквозной линией через отечественную историю проходит борьба со сквернословием, которое на Руси издревле воспринималось как явление зла. Само слово «брань»

не случайно, оно ассоциируется с выступлением против врага на поле брани, как повергающее личность в униженное положение. Устанавливались законодательные и религиозные запреты, вводилась цензура, рассылались угрозы и устрашения разными видами наказаний. На всех этапах этой истории издавались указы, формулировались законы, принимались соответствующие времени меры, наказывались провинившиеся.

В первую очередь обращают на себя внимание предупреждения о недопустимости сквернословия с религиозной точки зрения. Дошедшие до наших времен тексты духовных мыслителей, например сочинение старца Иосифо-Волоцкого монастыря Фотия (середина XVI в.) или рукопись неизвестного автора XVII в. «Слово о матерной брани», свидетельствуют о безусловном его осуждении как греховного поведения [1, с. 66–69].

Церковь, которая во все времена противостояла непотребному языку, изначально связывала его с язычеством и бесовством, то есть с отступлением от духовных корней христианства. Оскверняющий пространство «словами погаными» заявляет о себе как язычник. Его нельзя допускать в церковь, позволять ему подходить к кресту и Евангелие, принимать причастие, потому что он осквернил свою душу. Духовные отцы видят в «матерном лае» (от слова «лаять») не просто грех осквернения себя, но грех покушения на все святое, чистое, божественное. «Ангел такого человека плачет, а диавол радуется», – утверждает Схиигумен Савва (Остапенко) в «Душеспасительных поучениях»¹.

Борясь со сквернословием, церковь утверждает почтительные отношения к самому языку. Люди призваны осознать, что Слово в жизни человека принадлежит величайшая роль как средству приобщения к высшим ценностям бытия. Слово – это Божественный дар, благо, данное людям свыше, сокровище, которое нужно беречь и пользоваться им только во благо². Язык не должен служить злу ни при каких условиях.

В сочинениях Святых Отцов и, конечно, в проповедях осуждались и осуждаются злые речи вообще – пустословие, возведение напраслины, ложь, в общем, то дурное, что человек позволяет себе, используя язык. Все подобное порочит самого человека и приводит в духовный тупик. В силу этого призыв «не распускать язык», то есть владеть собой, означает отторгать от себя словесную скверну на корню. Духовно-нравственное здоровье христианина, его благообразие связывается с добрыми, светлыми, чистыми, так называемыми путеводными речами. Для верующего человека это в первую очередь молитва.

Вместе с тем активно боролись с непотребными словами и в светской жизни, причем на самом высоком уровне. Указы и манифесты, исходившие от царей и императоров, свидетельствуют о признании масштабной значимости тех ценностей, которые защищались этими документами. Об этом также свидетельствует и та система наказаний, порой самых жестоких, которые предписывались с целью искоренения угрозы оберегаемым властью ценностям. Даже небольшой обзор царских мер убеждает в том, насколько важной выглядела эта проблема в глазах правителей.

Указ Ивана Грозного, изданный в 1552 г., доводился до сведения широких масс сразу же по улицам и базарным площадям («кликать по торгам»). Он предупреждал: за непотребные, скверные речи «быти от царя и великого князя в великой опале, по градским законом (светским), а от святителей им же быти в духовном запрещении, по священным правилам». Указ царя Алексея Михайловича 1648 г. объясняет, что тот, кто «матерны и

¹ См.: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Savva_Ostapenko/polnoe-sobranie-propovedej-i-pouchenij-shiigumena-savvy/5 (дата обращения: 17.10.2025).

² См.: URL: <https://m.ok.ru/group/52566397419615/topic/6775645556447?ysclid=mgrth9u1zk892027482> (дата обращения: 17.10.2025).

всякою непотребной лаею» бранится, поступает «супротивно христианскому закону». Употребляющему скверные слова «быти от Нас в великой опале и в жестоком наказании». Петром I непотребные слова порицаются в Воинском артикуле 1715 г. С особенно устрашающими предупреждениями пресекается богохульство: «Кто имя божие... и службу божию поносит, и ругается слову божию и святым таинствам... хотя сие в пианстве или трезвом уме учинится: тогда ему язык раскаленным железом прожжен, и потом отсечена голова да будет».

Несколько убедительных документов дошло от времен Екатерины II, например, Манифест о молчании (или Указ о неболтании лишнего, 1763 г.) и Устав благочиния (1782 г.). В заботе о благочинии, покое и добронравии императрица запрещает употреблять бранные и «поносные» слова с угрозой той же царской опалы и не менее тяжелых наказаний. Особым пунктом запрещалось использовать их в официальных документах – указах и повелениях. Она обратила внимание и на неблагозвучные названия отдельных населенных пунктов и приказала переименовать их, заботясь о речевой благопристойности в обществе.

Наказания за прилюдную брань в близком к нашему времени XIX в. выглядят более цивилизованно: «взыскать пеню» и «сажать... под стражу, доднеже заплатит» (Уложение о наказаниях 1845 г.). Тем не менее известны случаи наказания плетью за «произношение ругательств» в отношении другого человека. Знаменательно, что в эпоху Александра I появилась цензура как государственный орган (первый устав о цензуре был утвержден в июле 1804 г.). С этих пор все издания проходили строгий контроль, не допускающий нецензурную лексику.

Направленность к идеалу

Исторические документы дают повод задуматься, к чему направлены эти увещания, порицания, запреты и угрозы болезненными наказаниями, о которых так настойчиво оповещают общество. Борьба «против» предполагает борьбу «за». Ведь не просто «не говори ничего такого» и «не смей произносить». В аргументах, которые приводятся в доказательство вредности непотребных слов, содержатся и те цели, ради достижения которых ведется борьба. Определениями нецензурной брани как «супротивной христианскому закону», осквернения речи и сознания «оскорбительной для добрых нравов», «противной благопристойности» утверждаются идеалы самой христианской жизни, благопристойности и добрых нравов, к которым должен быть устремлен человек. Путеводные речи указывают, как не сбиться с истинного пути. Таким образом, издавая законы о недопустимости брани, правители указывают на тот идеал отношений к миру, людям, жизни и идеал самого человека, которых они добиваются и которые должны утвердиться среди их подданных.

Утверждение идеала человеческого благообразия проходит через всю историю противостояния матерщине. Людям напоминают: человек наделен духовностью, что поднимает его над всякой скверной. Неоднократно говорится о том ущербе, тех потерях, которые несет бранящийся гнилыми словесами. «Неудобосказуемые слова бьют всех: и тех, чьи уши слышат, и тех, кто творит сие». В каком смысле бьют? Конечно, в нравственном, а значит, духовном. То же самое, когда в подобных реляциях указывается, что сам произносящий неблагопристойные речи «принимает в себя что-то вредное». Оберегать свою духовную жизнь – такой призыв кроется в данных формулировках.

Как видим, церковные запреты и «градские законы» по большому счету едины. Дорожить «Сокровищами духовной жизни» (так называется книга, содержащая выписки из творений Святых Отцов – от Киприана Карфагенского до Игнатия Брянчанинова)

означает в том числе не допускать никакой словесной скверны. Нужно отметить, граница между духовным и бранным в те времена в сознании людей воспринималась как экзистенциальный феномен и была обозначена гораздо отчетливее, чем в современном мире. Люди знали: есть духовное – то высшее, к чему должен стремиться человек, и есть душа, то высшее, что он несет в себе. Чтобы не навредить связи между двумя мирами – духовным и материальным – нужно особенно чутко относиться к тому, что их связывает – к языку и речи. Автор словарей русского языка Владимир Иванович Даль, который всей своей деятельностью «отстаивал честь и достоинство нашей древней, великой речи», писал: «С языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесная речь человека – это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом» [4]. В свете представления о действительности как о взаимодействии двух миров человек острее чувствует неприятие словесной грязи и всякого непотребства, опасаясь, что они удаляют его от высших смыслов спасения души.

О недопустимости нецензурной брани в уголовно-исполнительной системе

О недопустимости неприличных выражений в работе людей, которых объединила пенитенциарная сфера деятельности, никто не спорит. Она, то есть работа, жестко регламентирована установленными нормами. Запрет на нецензурную лексику сформулирован в целом ряде документов. Одни из последних: приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110 (в ред. от 27 января 2025 г.) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»; Дисциплинарный устав уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (утв. приказом Минюста России от 12 сентября 2019 г. № 202). Сотрудник ФСИН России, оскорбивший кого-либо нецензурной бранью в присутствии свидетелей, может быть привлечен к уголовной ответственности в соответствии с действующим законодательством.

Нецензурные слова с учетом их этимологии звучат оскорбительно для слуха окружающих и задают вульгарный тон, на фоне которого осуществляется взаимодействие, создают, по словам академика Д. С. Лихачева, «среду бесстыдства». Несомненно, это вступает в противоречие с принципами порядка и благопристойности, на страже которых стоит правоохранительная система. В первую очередь мат – вызов общественному порядку. С этой точки зрения человек, который служит закону и порядку, просто обязан быть последовательным и выдерживать принцип его поддержания во всем, в том числе в речевом взаимодействии.

Требование, запрещающее сквернословить, обращено и к контингенту осужденных. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений не допускают «при общении с другими лицами использовать нецензурную брань, угрожающие и оскорбительные выражения, а также жаргонные слова и выражения, применяемые в криминальной среде».

Названные документы свидетельствуют: учреждение, исполняющее уголовные наказания, – это такое место, где нецензурная брань должна отсутствовать напрочь. Но, к великому сожалению, она присутствует, как присутствует мат и далеко за пределами «зоны». Приходится с огорчением признать, что предпринимаемая система мер против сквернословия не останавливает его и там, где, казалось бы, дисциплина и порядок прежде всего. Естественно, этот порок не относится ко всем сотрудникам. По свидетельству тех, кто работает в учреждениях исполнения наказаний, подавляющее большинство не допускает нецензурной брани. Как правило, представители разных служб,

особенно те, кто «при погонах», ведут себя в рамках приличий, сохраняя лицо в любых коммуникативных ситуациях. Значит ли это, что сдерживающим фактором для таковых являются опасения нарушить названные приказы? Ответ таков: прежде всего большинством руководит заложенная в них культура, интеллигентность и чувство собственного достоинства, а потом приказы, которые опираются на сознание и сознательность. Такова сущность культуры: она привита человеку на более глубоком, бессознательном, уровне как уважение к языку и правилам приличия. Вместе с этим подлинная культура человека включает в себя и внутреннюю цензуру.

Культура как личный контроль

Во все времена существует такая категория людей, которая никогда и ни при каких условиях бранных слов не произносит. Официальные запреты нецензурной брани действуют в масштабах государственных институтов, но есть тот личный, индивидуальный внутренний мир людей, где действуют собственные регуляторы. Такие регуляторы, когда человека сдерживает не опасение, что взыщут за нарушение, а глубинная потребность достойного самоощущения – говорить языком, сформированы с его культурой. Это люди, характеризующиеся укорененным в них чувством неприемлемости для себя грязных выражений и «гнилых» слов. «Наша речь, – писал Д. С. Лихачев в «Письмах о добром и прекрасном» (письмо девятнадцатое «Как говорить?»), – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, наших души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она “затягивает”» [8, с. 250]. Это глубокая мысль еще раз свидетельствует о том, что и сама речь таких людей, язык, заложенные в их культуру, работают как тот самый регулятор, как сдерживающий фактор, сама отторгает неприемлемое для литературной нормы.

Обратимся к еще одной особенности речевого образа, существенной для пенитенциарного воздействия. Язык, словоупотребление в большой мере свидетельствует об отношении человека к самому себе. Продуктом речевого поведения является тот образ нашего Я, который мы создаем в глазах других людей. В этот образ закладывается и то отношение к себе, какое нам хотелось бы довести до наших партнеров по общению. Вопрос, «к лицу мне» или «не к лицу» та или иная лексика, – это вопрос, как преподнести себя, используя речевые средства. Истинная культура выражается в заботе о формировании достойного представления о себе, на что должно работать в первую очередь внутреннее ощущение собственного достоинства. «Опустить себя» в глазах других непристойным поведением, скверными выражениями и тому подобное означает пренебречь этим чувством, заглушить голос собственного достоинства, подавить потребность нормальной самооценки.

Общаясь по работе, сотрудник исправительного учреждения утверждает не только личное достоинство, но и достойное отношение к делу, которому служит. Отсюда, пренебрегая положительным впечатлением о себе, он пренебрегает авторитетом своей профессии, своего статуса, положения государственного служащего. По большому счету, это тот же самый вопрос о профессиональной чести и достоинстве, неотъемлемом атрибуте любой профессии. В их поддержании сотрудником УИС речевому поведению принадлежит особо важное место.

Достойное ощущение профессии

К каким выводам ведут все эти рассуждения? Во-первых, вопрос о недопущении сквернословия сотрудниками, несущими свою службу в исправительном учреждении, упирается в проблему соответствующего ощущения себя в профессии. Что должно

стать внутренним стимулом к благопристойному речевому поведению в учреждении исполнения уголовных наказаний? Глубокое к ней уважение, не позволяющее дискредитировать ее в глазах окружающих недостойными поступками. Профессии пенитенциарной направленности не числятся в списке самых популярных и престижных. Однако никто не станет отрицать, что их роль в обществе чрезвычайно важна, что они, охраняя закон и права человека, решают не простые, исключительно значимые задачи. Общепризнано, что дело наказания-исправления, по большому счету, служит целям искоренения зла, а значит, оно направлено ко всеобщему благу. Оно одухотворено направленностью служения добру и справедливости. При этом все знают, что такая работа требует большого напряжения сил и хладнокровия. Известны ее героические страницы, увековеченные в памятниках. Это достаточные аргументы к тому, чтобы образ профессии в пенитенциарной сфере формировался в глазах специалиста на самом высоком уровне.

Во-вторых, поддерживая свой собственный образ на достаточной высоте, сотрудник являет в большой степени личную культуру, которая выражена в первую очередь в уважении к родному языку. В его чувстве своего служебного положения присутствует та самая культурная установка использовать язык, соответствующий литературным нормам. Кроме всего прочего, культура речи предполагает такое обладание ресурсами языка, которое позволяет ему выразить и мысли, и отношение, и чувства, не прибегая к заниженной стилистике речи. «Нашему народу выпало великое счастье – пользоваться для общения редким по красоте, глубоким по содержанию и выразительности языком», – утверждает в своих лекциях и проповедях, выложенных в Итернете под названием «Дар слова – дар Божий», протоиерей Андрей Ткачев¹. Можно сделать вывод – пусть он не покажется особенно пафосным – сотрудник УИС в специфических условиях изоляции провинившихся от общества, неся свой речевой образ, осуществляет и культурную миссию. Есть такие люди, в присутствии которых никто не смеет произнести ни одного бранного слова. К ним относятся именно те, кто заявил о себе своим речевым поведением как поборник подлинной культуры.

Таким образом, сотрудник демонстрирует и свою причастность к культуре, причем к такой культуре, которая гармонично соотносится с правопорядком и уважением к закону. Чувство ответственности за свой культурный облик, за утверждение культуры, где бы то ни было, должно руководить его речевым поведением и вписаться в профессиональный образ.

В-третьих, личная культура и пиетет профессии выступают одновременно как волевой фактор, управляющий и речевым поведением, – они не позволяют распускаться. Утверждая, что в образе сотрудника должна присутствовать внутренняя сила, воля и умение владеть собой, можно с уверенностью сказать, что недопущение брани есть убедительное свидетельство этих качеств. Обратимся еще раз к высказываниям Д. С. Лихачева, бесполезных для представления о речевом образе сотрудника УИС. Выдающийся филолог и культуролог Д. С. Лихачев, будучи репрессированным, пережил тяжелый опыт общения с осужденными и персоналом в Соловецком лагере. В рассуждениях о сквернословиях и тех, кто не позволяет себе распушенности в языке, он проставил акценты на внутренней силе и свободе человека. «По-настоящему сильный и здоровый, уравновешенный человек не будет без нужды говорить громко, не будет ругаться и

¹ См.: URL: <https://m.ok.ru/group/52566397419615/topic/67756455556447?ysclid=mgrth9u1zk892027482> (дата обращения: 17.10.2025).

употреблять жаргонных слов. Ведь он уверен, что его слово и так весомо». И еще одно наблюдение: «тот, кто чувствует себя свободным, не будет отвечать матом» [8, с. 255].

Осознанное противостояние

Все названные установки, а именно установки на уважение к пенитенциарной деятельности и на личную культуру, которая выражена в первую очередь в речи, – должны закладываться в профессию с самых первых шагов ее усвоения. Конечно, это предполагает и осознание ее проблем и противоречий. Молодежь, готовящаяся к работе в учреждениях исполнения наказаний, призвана получить представление о тех подводных камнях, которые встают на пути и которые нередко возводятся самими сотрудниками. Нужно сразу дать себе отчет: «ненорматив» на службе категорически противоречит цели исправительной системы – цели благотворного воспитывающего влияния на людей и создания атмосферы строгих правил. Вместе с тем следует, на наш взгляд, прививать будущему пенитенциаристу чувство ответственности и за то впечатление, за тот образ, который сотрудник УИС поддерживает в общественном мнении, то есть за репутацию, за авторитет всей системы.

Небесполезно также видеть картину и в общих масштабах. Борьба с нецензурной бранью не уходит с арены истории. Проблема древняя, но она живет в меняющемся мире. Почему она нарастает сейчас? Сравнение с прошлым дает основание подумать о современных причинах беспрецедентного распространения мата в публичной сфере. Представители старшего поколения свидетельствуют о том, что по сравнению с недавними советскими временами сегодня нецензурная брань вышла за пределы разного рода моральных ограничений, в том числе, к великому сожалению, возрастных, как будто возникла мода на распущенность языка.

Понять и увидеть причины этой проблемы – значит в определенной степени решать ее. В массовости употребления жаргонных, сленговых и нецензурных слов слышится отголосок демократизации и либерализации всего и вся, узаконивших бесстыдство гей-парадов и т. п. Сказывается и ментальность постмодернизма, воспринимающего так называемую низовую культуру как норму, а также обозначившаяся идеология новой нормальности, допускающая осознанное употребление ненормативной лексики. В молодежной среде укоренился образ «крутого» молодого человека, независимого от всяких там табу, для которого производить по-старинке впечатление человека благовоспитанного кажется смешным.

Общество реагирует, как и во все прежние времена. Появляются новые законы, например, Закон о запрете нецензурной лексики в литературе, кино, на театральной и концертной сценах, а также в СМИ (был подписан Президентом России в 2014 г.). При этом новейшие времена проставляют новые акценты в этой проблеме. В феврале 2021 г. вступили в силу поправки к закону «Об информации, информационных технологиях и защите информации», обязывающие соцсети «удалять контент с нецензурной бранью». Через четыре года, 11 августа 2025 г., в Госдуму внесен на обсуждение законопроект о блокировке интернет-контента с матом. Два года назад заработал социальный проект «Россия без сквернословия», в рамках которого в августе 2025 г. прошел фестиваль в парке музея-заповедника «Коломенское», разработан плакат для размещения его в школах, проводятся беседы. На региональном уровне, в Рязани, например, в этом проекте участвуют волонтерские отряды «Эхо добра» и «Хранители словесности» [2]. Бросаются в глаза и несколько необычные меры. Так, решили 3 февраля отмечать Всемирный день борьбы с ненормативной лексикой.

Духовные ресурсы, образ, идеал

Общество никогда не оторвется от того идеала человека, который определяется его духовным превосходством. Все, что оставила нам наша история в плане борьбы со сквернословием и что предъявляют законы и постановления последнего времени, находится на одной линии направленности от речевого идеала к идеалу человека вообще.

Речевой образ сотрудника УИС, который формируется в строгих рамках правовых и моральных норм, должен быть соотнесен с этим идеалом уже в процессе получения специального образования. Нужно увидеть свой будущий профессиональный образ включенным в пенитенциарную коммуникацию, как фактор позитивного воздействия на окружающих и в соответствии с ним – как фактор высокой самооценки и достойного самочувствия в профессиональной роли.

Жизнь доказывает, что осуществление (или неосуществление) любого идеала совершается на уровне конкретного человека. Он всегда стоит перед выбором добра или зла, прекрасного или безобразного, возвышенного или низменного и т. д. Духовно-нравственные поиски имеют вектор, направленный к позитивным решениям, идеалу, доброму и прекрасному. Вместе с тем в сложной и многообразной духовной жизни человека идет процесс формирования личного образа, о чем свидетельствуют многочисленные термины типа «самосознание», «самооценка», «образ Я», «самосовершенствование», «личный рост» и т. п. Речевой образ – это тоже продукт духовной активности. Язык в свете такой задачи должен осознаваться всеми как главное средство, которое формирует и выстраивает духовную жизнь и отдельного человека, и человечества в целом на протяжении общей истории и каждой личной биографии.

Категории «идеал», «образ» в этой проблеме подталкивают к выводам: борьба с нецензурной бранью в широких кругах должна переключить внимание на личные мотивы. Когда не приказ сверху, единый для всех, а личная глубокая тяга к совершенству, профессионализму, потребность нести свой образ с достоинством, а также любовь и уважение к родному языку определяют твое речевое поведение.

Установки на глубоко осмысленное отношение курсанта Академии ФСИН России к выбранной профессии и ее проблемам включает в себя введенный на факультете психологии и пробации учебный курс «Основы формирования образа профессии в пенитенциарной сфере».

Список источников

1. Бабалык М. Г. К изучению рукописной традиции «Слова о матерной брани» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 7(144). С. 66–69.
2. Гордиенко Н. Слово – сила, говори красиво // Благовест. 2025. № 9(381).
3. Грачев М. А. Толковый словарь русского жаргона. М. : ЮНВЕС, 2006. 704 с.
4. Даль В. И. Энциклопедия русского слова. М. : Эксмо, 2002. 576 с.
5. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М. : Ладомир, 2016. 350 с.
6. Квеселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М. : Астрель ; АСТ, 2003. 1021 с.
7. Киенко Т. С. Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального российского города) // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 124–133.

8. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. 2-е изд. М. : Альпина Пабlishер, 2023. 288 с.

9. Чистов С. В., Юров С. С. Ненормативная лексика как средство управления // Бизнес и дизайн ревю. 2022. № 1(25). С. 8.

References

1. Babalyk, M. G. 2014, 'On the study of the handwritten tradition "Words about swearing"', *Scientific notes of Petrozavodsk State University. Series Social sciences and Humanities*, iss. 7(144), pp. 66–69.

2. Gordienko, N. 2025, 'The word is power, speak beautifully', *Blagovest*, iss. 9(381).

3. Grachev, M. A. 2006, *Explanatory dictionary of Russian jargon*, UNVES, Moscow.

4. Dahl, V. I. 2002, *Encyclopedia of the Russian word*, Eksmo, Moscow.

5. Zelvis, V. I. 2016, *Battlefield. Profanity as a social problem*, Lodomir, Moscow.

6. Kveselevich, D. I. 2003, *Explanatory dictionary of profanity of the Russian language*, Astrel, AST, Moscow.

7. Kienko, T. S. 2016, 'Profanity as a social phenomenon (analysis of a survey of residents of a provincial Russian city)', *Sociological research*, iss. 5, pp. 124–133.

8. Likhachev, D. S. 2023, *Letters about the good and the beautiful*, 2nd edn, Alpina Publisher, Moscow.

9. Chistov, S. V. & Yurov, S. S. 2022, 'Profanity as a management tool', *Business and Design Review*, iss. 1(25), p. 8.

Информация об авторе

Т. Н. Демко – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и истории.

Information about the author

T. N. Demko – PhD, Associate Professor, associate professor of the philosophy and history department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 17.10.2025; одобрена после рецензирования 16.11.2025; принята к публикации 06.02.2026.

The article was submitted 17.10.2025; approved after reviewing 16.11.2025; accepted for publication 06.02.2026.

Научная статья
УДК 378.6:343.83

ИЗУЧЕНИЕ МОТИВАЦИИ К ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Эльвира Викторовна Зауторова^{1,2}

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда, Россия

² НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем обучения курсантов в образовательных организациях высшего образования ФСИН России – повышению их мотивации к обучению, познавательной активности. Познавательная деятельность курсантов представлена как процесс активного взаимодействия преподавателя и курсантов, направленный на повышение познавательного интереса, творческой активности, самостоятельности курсантов. Целью исследования является получение преподавателем объективной информации о наличии мотивов к познавательной деятельности у курсантов, улучшения качества обучения и недопущения ошибок в педагогической деятельности. В ходе исследования выделен ряд условий, при которых возможно повышение мотивации курсантов к познавательной деятельности в процессе обучения.

Ключевые слова: образовательные организации ФСИН России, курсанты, познавательная деятельность, процесс обучения, мотивация к обучению

Для цитирования

Зауторова Э. В. Изучение мотивации к познавательной деятельности курсантов образовательных организаций высшего образования Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 144–153.

Original article

THE STUDY OF MOTIVATION FOR COGNITIVE ACTIVITY OF CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE

Elvira Viktorovna Zautorova^{1,2}

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia, Vologda, Russia

² Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, elvira-song@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1334-2654>

Abstract. The article is devoted to one of the urgent problems of training cadets in educational institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia – increasing their motivation to learn and cognitive activity. The cognitive activity of the cadets is presented as a process of active interaction between the teacher and the cadets, aimed at increasing the cognitive interest, creative activity, and independence of the cadets. The purpose of the study is to provide the teacher with objective information about the presence of motives for cognitive activity among cadets, to improve the quality of education and to avoid mistakes in teaching. In the course of the study, a number of conditions have been identified under which it is possible to increase the motivation of cadets for cognitive activity in the learning process.

Keywords: educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, cadets, cognitive activity, learning process, motivation to learn

For citation

Zautorova, E. V. 2026, 'The study of motivation for cognitive activity of cadets of educational institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 144–153.

Введение

За последние годы в российской системе высшего образования произошли глобальные изменения. Они затронули и вузы Федеральной службы исполнения наказаний. Оформилось новое общее название ведомственных вузов ФСИН России – «образовательные организации высшего образования ФСИН России», поменялся правовой и организационный статус вузов (академия, институты, филиалы), введена система «бакалавриат-магистратура» и «специалитет». Доминирующее положение в процессе обучения стали занимать компетентностный и практико-ориентированный подходы, особое внимание отводится активизации познавательной деятельности и самостоятельной работе курсантов.

Обучаясь в высших учебных заведениях, курсанты осуществляют познавательную деятельность, которая является ключевой и сознательной в процессе обучения, так как пронизывает весь образовательный путь человека, начиная с первоначальных познавательных действий и заканчивая удовлетворением познавательных потребностей обучающихся. Эффективность и результативность познавательной деятельности зависит от уровня познавательной активности обучающегося [3, с. 30–36; 6, с. 7–11; 8, с. 167–182].

В отличие от студентов гражданских образовательных организаций, курсанты вузов ФСИН России обладают специфическим статусом. С одной стороны, они разделяют учебу со службой, не имеют возможности в полном объеме и самостоятельно реализовывать свои потребности в области познавательной деятельности, с другой – все учебные дисциплины должны быть направлены на формирование конкретных общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, которые необходимы для достижения каждым сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) главной цели – исправление осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений. Отсюда перед преподавателями вузов ФСИН России стоит главная проблема: как, какими приемами, средствами и методами сформировать познавательную активность курсантов, мотивацию, поддержать и развить устойчивый познавательный интерес к данной науке, знаниям и потребность в их самостоятельном поиске?

Сущность и специфика понятия «познавательная деятельность курсанта»

Проблемой познавательной активности, деятельности курсантов в ведомственных учебных заведениях высшего образования занимаются такие ученые, как Е. С. Афанасьева [4], Ю. А. Гайдунко [9], Данг Дык Тханг [11], А. Дарбули [12], С. И. Лобанов [16], М. Ф. Овчар [17].

Несмотря на разнообразие источников, посвященных активизации познавательной деятельности, познавательной самостоятельности обучающихся, на сегодняшний день недостаточно самостоятельных педагогических исследований, посвященных формированию познавательной активности курсантов вузов ФСИН России.

В своих работах И. В. Брызгалова дает такое определение познавательной деятельности курсантов – это процесс активного взаимодействия преподавателя и курсантов, направленный на повышение познавательного интереса, творческой активности, самостоятельности курсантов за счет применения различных методов и способов, в том числе интерактивных образовательных технологий, которые формируют умения, навыки и практический опыт [7, с. 61–64]. Единство целей, мотива, действий и результата составляют сущность активизации познавательной деятельности курсантов, которая рассматривается через сознание обучающегося, то есть «инструмента» познавательной деятельности человека; человеческий рассудок и разум; рациональность, чувственность и глубинная интуиция.

Е. Л. Авдоница утверждает, что познавательная деятельность осуществляется на каждом жизненном шагу, во всех видах деятельности и социальных взаимоотношениях обучающихся (производительный и общественно полезный труд, ценностно-ориентационная и художественно-эстетическая деятельность, общение), а также путем выполнения различных предметно-практических действий в учебном процессе (экспериментирование, конструирование, решение исследовательских задач и т. п.). Но только в процессе обучения познание приобретает четкое оформление в особой, присущей только человеку учебно-познавательной деятельности или учении [1].

Из сущности познавательной деятельности можно выделить ее специфические черты и рассмотреть их как единство цели, мотива, действий и результата. Цели познавательной деятельности выражают ее социальную направленность и обуславливают ее конечные результаты. Они могут быть самыми разнообразными. Это прежде всего познание нового, неизвестного, установление связи неизвестного с известным, создание новых образов, понятий, объектов, применение новых, оригинальных приемов и способов в деятельности, необходимость решить практическую или интеллектуальную задачу.

Применительно к образовательному процессу курсантов вузов ФСИН России целью их познавательной деятельности является формирование умения и способности добывать знания, обрабатывать их для своих профессиональных нужд и впоследствии использовать на службе [2, 4, 5, с. 370–372]. Особенности формирования познавательной деятельности курсантов напрямую зависят от специфики обучения в образовательных организациях высшего образования ФСИН России – это сама система организации учебного процесса, программа обучения, формы проведения учебных занятий, организация самостоятельной познавательной деятельности курсантов, система оценивания результатов обучения курсантов.

Выявление мотивов к познавательной деятельности у курсантов вузов ФСИН России

Непосредственными участниками эксперимента были выбраны курсанты 1-го курса юридического факультета ВИПЭ ФСИН России по направлению подготовки «Юриспруденция» (бакалавры) – 44 чел. Целью нашего эксперимента являлось получение преподавателем объективной информации о наличии мотивов к познавательной деятельности у курсантов вузов ФСИН России, улучшения качества обучения и недопущения ошибок в педагогической деятельности. Для этого была применен метод анкетирования и методика И. С. Домбровской «Мотивация учебной деятельности: уровни и типы» [13]. Курсантам был предложен анонимный опросник из 30 высказываний, которые они должны были оценить по шкале (4 – всегда, 3 – почти всегда, 2 – иногда, 1 – очень редко, 0 – никогда) в зависимости от того, насколько суждение им подходит. После обработки опросных листов, оформления сводной таблицы и порядка определения результатов мы пришли к следующим результатам (табл.).

Из данных таблицы видно, что у курсантов тип мотивации познавательно-социальный. Следовательно, для курсантов одинаково важны познавательные (получение знаний, интерес к обучению, познание нового, освоение новых приемов и методов в процессе обучения, самообразование) и социальные (понимание курсантами социальной значимости обучения, его общественной полезности, приобретение определенного статуса в обществе, умение взаимодействовать с коллективом) мотивы. Необходимо отметить, что для курсантов большее значения имеют узкие социальные мотивы, то есть стремление занять определенную позицию, место в отношениях с окружающими, получить их одобрение, заслужить у них авторитет. На втором месте – широкие познавательные

Таблица

Мотивация учебной деятельности: уровни и типы

Тип/уровень мотивации	Курсанты (44 чел.)
Тип мотивации	Среднее значение
Социальный	12,05
Познавательный	12
Уровень мотивации	Среднее значение
Узкие социальные мотивы	13,7
Широкие познавательные мотивы	12,7
Мотивы саморазвития	12
Мотивы социального сотрудничества	11,5
Узкие познавательные мотивы	11,3
Широкие социальные мотивы	10,8

мотивы, или желание овладевать новыми знаниями. Далее идут мотивы саморазвития, социального сотрудничества, узкие познавательные мотивы – ориентация курсантов на усвоение способов добывания знаний. Завершают «лестницу» уровней мотивации широкие социальные мотивы, состоящие в стремлении получать знания на основе осознания социальной необходимости, долженствования, ответственности, обязывающего или вынужденного учения.

С помощью метода педагогического наблюдения был выявлен первоначальный уровень познавательного интереса у курсантов к будущей профессии. Нами осуществлялось педагогическое наблюдение по таким критериям, как: активно ли курсант включается в служебную и учебную деятельность; отвлекается ли курсант от поставленной служебной или учебной задачи; сосредоточенно ли слушает и воспринимает информацию курсовых офицеров и преподавателей; насколько умеет самостоятельно выполнять поставленную задачу, какие эмоции сопровождают служебную и учебную деятельность курсанта, насколько широк кругозор курсанта; использование курсантом своего свободного времени, проявление интереса к будущей профессии.

Методика показала, что большинство курсантов (более 50 %) с рвением и желанием начинают свою служебную и учебную деятельность. В служебной деятельности (суточные наряды, физическая и строевая подготовка) курсанты менее активны, объясняя это «монотонностью», «однообразием», «четким следованием правилам». В первую неделю сентября они проявляют повышенную активность, но к концу месяца обучения активность снижается. Причиной тому становятся, по мнению курсантов, «неинтересные, не связанные с практической направленностью учебные дисциплины». Далеко не все курсанты (менее 50 %) могут сосредоточенно слушать и воспринимать служебную и учебную информацию. В итоге много информации либо не усваивается курсантами, либо вообще теряется. Обучающиеся очень эмоционально воспринимают свой статус курсанта. Они гордятся данным положением, начинают пользоваться определенным авторитетом среди сверстников, членов семьи, соседей по постоянному месту проживания. Данный факт положительно сказывается на желании узнать больше нового о своей будущей профессии. В то же время более 30 % курсантов не до конца понимают, какая служба и деятельность их ждет в будущем. В результате наблюдения можно сказать, что курсанты не умеют рационально использовать свое свободное время, тратя его практически полностью на отдых, общение в социальных сетях.

Условия повышения мотивации к познавательной деятельности у курсантов вузов ФСИН России

В ходе исследования мы выделили ряд условий, при которых возможно повышение мотивации курсантов к познавательной деятельности в процессе обучения:

1) создание благоприятного социально-психологического климата с помощью медиативного подхода (атмосфера доброжелательности, взаимной поддержки и сотрудничества; на занятиях необходимо оказывать психологическую поддержку, заинтересованность, принимать точки зрения выступающих, не игнорировать вопросы обучающихся; преподаватель должен обладать медиативной компетентностью, то есть способностью умело выстраивать взаимодействие между субъектами учебного процесса и при необходимости оперативно решать возникающие конфликтные ситуации, выходить из образовавшихся трудностей, при этом осознавая и контролируя ситуацию, и т. д.) [10, с. 102–110; 18, с. 450–458];

2) применение модульно-рейтинговой технологии обучения (проявляются дифференцированный (в форме системы оценивания знаний, умений и навыков в баллах) и индивидуальный (в последовательном изучении учебной дисциплины по тематическим блокам, модулям) подходы к обучению; дробная шкала позволяет оценить даже небольшие формы работы курсантов как при подготовке к занятию, так и на занятии, что создает «ситуацию успеха» и «заставляет» повторять ее в дальнейшем; преподаватель должен по окончании изучения каждого модуля учебного курса доводить результаты обучения курсантов куратору учебной группы, командиру взвода);

3) использование информационных интернет-ресурсов для развития познавательной самостоятельности курсантов (широкий круг информационных источников создает «информационный пресс», давящий на формирующуюся личность, рождает «планетарного человека» [20]; курсантам необходимо предлагать изучение учебных дисциплин с помощью привлечения современных, но малоизученных сервисов (например, Simpoll, Survey Monkey, Мастер-тест, Screenr, Sceencast-O-Matic), используя которые можно самостоятельно создавать опросы, анкеты, тесты, организовывать чаты и форумы в социальных сетях по актуальным учебным и научным вопросам; совершать виртуальные прогулки с выполнением заданий, создавать скринкасты; для успешного познания новой информации с помощью современных образовательных технологий необходимым условием является профессионализм преподавателя) [14, с. 81–84; 15, с. 73–77];

4) реализация технологической структуры интерактивного обучения курсантов (преподавателю необходимо постепенно, начиная с традиционных методов вводить использование интерактивных образовательных технологий; нецелесообразно с первых занятий применять проектную и интегрированную методики, так как они являются сложными для восприятия методами обучения и могут сформировать отрицательное впечатление от подобных видов занятий; следует вводить интерактивное обучение с «диалогового» метода, который способствует расположению курсантов к преподавателю, настраивает на дальнейшее общение курсантов в коллективе, помогает преподавателю сформировать впечатление об обучающихся);

5) восхождение к междисциплинарным связям в познавательной деятельности посредством применения интегрированных методик (интегрированные методики применяются с целью исключения возможности изолированного изучения отдельных учебных дисциплин; развитие творческого подхода курсантов к процессу получения знаний, возникновение познавательного интереса к отраслевым дисциплинам, проявление любознательности курсантов, желание продолжать обучение и постигать новые знания, умения и владения, непосредственно связанные с их профессиональной направленностью).

Выводы

Проведенное исследование показало, что у курсантов отмечается недостаточный уровень социальной и познавательной мотивации и что уровень познавательного интереса к будущей профессии проявляется у каждого курсанта по-разному, индивидуально. В самом начале служебно-учебной деятельности он высок, но под конец первого месяца обучения начинает снижаться.

Следовательно, для того чтобы активизировать познавательную деятельность курсантов и подготовить высококвалифицированных специалистов для уголовно-исполнительной системы, необходимо, чтобы преподаватели занимали активную позицию в процессе обучения. Они должны, с одной стороны, стремиться изучать и

применять на практике интерактивные методы и способы обучения, систематически повышать свою квалификацию, с другой – обеспечить курсанта возможностью активно и разностороннее принимать участие в учебном процессе, научной деятельности, привить стойкое желание самостоятельно получать новые знания и приобретать умения и навыки с последующей перспективой применять их в профессиональной деятельности.

Заключение

Проблема познавательной активности обучающихся всегда была и остается одной из наиболее актуальных в теории и практике преподавания. На протяжении нескольких веков ученые осваивали различные способы для повышения познавательной активности и интереса у обучающихся от раннего возраста до обучения в высших учебных заведениях [19, с. 35–41]. Понятие «познавательная активность деятельности студентов, курсантов» учеными и педагогическими работниками рассматривается через методы и способы, которыми достигается определенный результат в процесс обучения.

В статье представлено диагностическое исследование выявления мотивов к познавательной деятельности у курсантов вузов ФСИН России при использовании метода наблюдения и методики И. С. Домбровской «Мотивация учебной деятельности: уровни и типы». В ходе исследования был выделен ряд условий, при которых возможно повышение мотивации курсантов к познавательной деятельности в процессе обучения.

Представляется, что сформулированные выводы исследования не являются окончательными в решении данной проблемы и на основании педагогического опыта могут быть дополнены новыми условиями, методами, формами и технологиями формирования познавательной активности курсантов вузов ФСИН России. В настоящее время подробно исследуется вопрос о применении в учебном процессе такой интерактивной технологии, как модерация.

Список источников

1. Авдоница Е. Л. Познавательная деятельность студентов в разных моделях обучения : дис. ... канд. психол. наук. Чита, 2003. 179 с.
2. Агафонова Е. А. Педагогические приемы для развития мотивации и осмысленности у студентов вуза // Психодиагностика, психология, психоанализ. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15617> (дата обращения: 11.11.2025).
3. Алтухова М. А. Структурная модель познавательной активности в контексте ее развития // Педагогическая наука и образование : сб. науч. тр. / отв. ред. А. Я. Найн. Челябинск : Уральский государственный университет физической культуры, 2013. Вып. 13. С. 30–36.
4. Афанасьева Е. С. Педагогические пути повышения эффективности познавательной деятельности курсантов военных вузов в ходе изучения гуманитарных дисциплин : дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 278 с.
5. Ахмарова С. З. Формирование познавательной активности студентов вузов в учебной деятельности // Молодой ученый. 2024. № 47(546). С. 370–372.
6. Богоудинова Р. З. Социокультурные доминанты образовательного пространства высшего учебного заведения // Практико-ориентированность как основа развития высшего образования : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Казань : Изд-во КГАСУ, 2024. С. 7–11.

7. Брызгалова И. В. Бинарная лекция как средство активизации деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования ФСИН России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1(68). С. 61–64.
8. Буланкина Н. Е. Интеллектуальная составляющая непрерывного поликультурного образования личности // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 4. Ч. 1. С. 167–182.
9. Гайдунко Ю. А. Повышение эффективности обучения курсантов военных вузов на основе дискуссионных и игровых методик : дис. ... канд. пед. наук. М., 2010. 169 с.
10. Галушкин А. В. Образовательная среда вуза как фактор оптимизации обучения иностранному языку // Вестник педагогических инноваций. 2024. № 2(74). С. 102–110.
11. Данг Дык Тханг. Активизация познавательной деятельности курсантов военных училищ ВНА при изучении общественных наук : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1988. 20 с.
12. Дарбули А. Активизация познавательной деятельности обучаемых в военно-педагогическом процессе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1993. 25 с.
13. Домбровская И. С. Мотивация учебной деятельности: уровни и типы. URL: <https://nsportal.ru/shkola/psikhologiya/library/2021/05/04/motivatsiya-uchebnoy-deyatelnosti-urovni-i-tipy-razrabotka> (дата обращения: 12.01.2025).
14. Евдокимова В. Е., Кириллова О. А. Информационная образовательная среда вуза // Вестник Курганского государственного университета. 2020. № 1(55). С. 81–84.
15. Заурова Э. В. Внедрение инновационных технологий в образовательный процесс ведомственного вуза // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 4. С. 73–77.
16. Лобанов С. И. Активизация познавательной деятельности курсантов учебных частей внутренних войск МВД России : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1996. 225 с.
17. Овчар М. Ф. Активизация познавательной деятельности курсантов средствами проблемных заданий : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1980. 20 с.
18. Черемисова И. В. Коммуникативная культура курсантов – будущих офицеров как основа эстетического отношения к профессиональной деятельности // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 4(60). С. 450–458.
19. Чумина Ю. А. Познавательная деятельность личности: понятие и значение // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 2(22). С. 35–41.
20. Щуркова Н. Е. Горизонт воспитания. М. : ИТПК, 2018. 160 с.

References

1. Avdonina, E. L. 2003, *Cognitive activity of students in different learning models: PhD (Psychological sciences)*, Chita
2. Agafonova, E. A. n.d., 'Pedagogical techniques for the development of motivation and meaningfulness in university students', *Psychoanalysis, psychology, psychodiagnostics*, viewed 11 November 2025, <http://science-education.ru/ru/article/view?id=15617>.
3. Altukhova, M. A. 2013, 'Structural model of cognitive activity in the context of its development', in A. Ya. Nain (ed.), *Pedagogical science and education: collection of scientific papers*, iss. 13, pp. 30–36, Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk.
4. Afanasyeva, E. S. 2011, *Pedagogical ways to increase the effectiveness of cognitive activity of military university cadets during the study of humanities: PhD (Pedagogical Sciences)*, Moscow.
5. Akhmarova, S. Z. 2024, 'Formation of cognitive activity of university students in educational activities', *Young scientist*, iss. 47(546), pp. 370–372.

6. Bogoudinova, R. Z. 2024, 'Sociocultural dominants of the educational space of a higher educational institution', in *Practice-oriented approach as a basis for the development of higher education: proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference*, pp. 7–11, KGASU Publishing House, Kazan.

7. Bryzgalova, I. V. 2017, 'Binary lecture as a means of activating the activities of students of educational institutions of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia', *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, iss. 1(68), pp. 61–64.

8. Bulankina, N. E. 2023, 'The intellectual component of continuous multicultural education of personality', *Ideas and ideals*, vol. 15, iss. 4, part 1, pp. 167–182.

9. Gaidunko, Yu. A. 2010, *Improving the effectiveness of training military university cadets based on discussion and game techniques: PhD (Pedagogical Sciences)*, Moscow.

10. Galushkin, A. V. 2024, 'The educational environment of a university as a factor in optimizing foreign language teaching', *Bulletin of Pedagogical Innovations*, iss. 2(74), pp. 102–110.

11. Dang, Duc Thang 1988, *Activation of cognitive activity of cadets of military schools of the Higher School of Economics in the study of social sciences: PhD (Pedagogical Sciences)*, Moscow.

12. Darbuli, A. 1993, *Activation of cognitive activity of trainees in the military pedagogical process: PhD (Pedagogical Sciences)*, Moscow.

13. Dombrovskaya, I. S. n.d., *Motivation of educational activity: levels and types*, viewed 12 January 2025, <https://nsportal.ru/shkola/psikhologiya/library/2021/05/04/motivatsiya-uchebnoy-deyatelnosti-urovni-i-tipy-razrabotka>.

14. Evdokimova, V. E. & Kirillova, O. A. 2020, 'Information educational environment of the university', *Bulletin of Kurgan State University*, iss. 1(55), pp. 81–84.

15. Zautorova, E. V. 2017, 'Introduction of innovative technologies into the educational process of a departmental university', *Psychopedagogy in law enforcement agencies*, iss. 4, pp. 73–77.

16. Lobanov, S. I. 1996, *Activation of cognitive activity of cadets of training units of the internal troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia: PhD (Pedagogical Sciences)*, St. Petersburg.

17. Ovchar, M. F. 1980, *Activation of cognitive activity of cadets by means of problematic tasks: PhD (Pedagogical Sciences)*, Moscow.

18. Cheremisova, I. V. 2022, 'The communicative culture of cadets – future officers as the basis of aesthetic attitude to professional activity', *Penal science*, vol. 16, iss. 4(60), pp. 450–458.

19. Chumina, Yu. A. 2023, 'Cognitive activity of personality: concept and meaning', *Theory and practice of socio-humanitarian sciences*, iss. 2(22), pp. 35–41.

20. Shchurkova, N. E. 2018, *Horizon of education*, ITRK, Moscow.

Информация об авторе

Э. В. Зауторова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики (Вологодский институт права и экономики ФСИН России); ведущий научный сотрудник (НИИ ФСИН России).

Information about the author

E. V. Zautorova – Sc.D (Pedagogical Sciences), Professor, professor of the legal psychology and pedagogy department (Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia); leading researcher (Research Institute of the FPS of Russia).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 09.02.2026.

The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 378.6

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБОРОННЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Николай Викторович Румянцев^{1,2}

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, rumyantsev.n.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается деятельность силовых структур и правоохранительных органов в сфере обеспечения безопасности, особенно в условиях проведения специальной военной операции, которая неразрывно связана с деятельностью оборонных отраслей. Отмечается, что безопасность образовательного пространства в развитии гуманитарного образования строится на взаимодействии военных и силовых структур по совершенствованию новых методик преподавания в подготовке и обучении кадров. Анализируются основные профессиональные образовательные программы и учебные планы, реализуемые в интересах обороны и безопасности страны, обеспечения законности и правопорядка в образовательных организациях, а также факторы, обеспечивающие пересмотр и совершенствование подходов к обучению и проведению научных исследований в названной сфере.

Ключевые слова: безопасность образовательного пространства, объекты обороны и безопасности, беспилотные авиационные системы, тактическая медицина, тактико-специальная подготовка

Для цитирования

Румянцев Н. В. Особенности развития гуманитарного образования в оборонных и правоохранительных отраслях на современном этапе // Человек: преступление и наказание. 2026. Т. 34(1–4), № 1. С. 154–160.

Original article

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF HUMANITARIAN EDUCATION IN THE DEFENSE AND LAW ENFORCEMENT INDUSTRIES AT THE PRESENT STAGE

Nikolai Viktorovich Rumyantsev^{1,2}

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, rumyantsev.n.v@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0958-8539>

² Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the activities of law enforcement agencies and law enforcement agencies in the field of security, especially in the context of a special military operation, which is inextricably linked to the activities of defense industries. It is noted that the security of the educational space in the development of humanitarian education is based on the interaction of military and law enforcement agencies to improve new approaches in teaching methods, training and education of personnel. The main professional educational programs and curricula implemented in the interests of national defense and security, ensuring law and order in educational organizations, as well as factors ensuring the revision and improvement of approaches to teaching and conducting scientific research in this area are analyzed.

Keywords: security of educational space, defense and security facilities, unmanned aircraft systems, tactical medicine, tactical and special training

For citation

Rumyantsev, N. V. 2026, 'Features of the development of humanitarian education in the defense and law enforcement industries at the present stage', *Man: crime and punishment*, vol. 34(1–4), iss. 1, pp. 154–160.

Важнейшей задачей государства является обеспечение его безопасности и сохранение системы правовых, политических и социальных ценностей.

Следует отметить, что деятельность силовых структур и правоохранительных органов, особенно в условиях проведения специальной военной операции (СВО), в сфере обеспечения безопасности неразрывно связана с деятельностью оборонных отраслей. Безопасность образовательного пространства в развитии гуманитарного образования должна представлять собой, с точки зрения образовательных технологий, взаимодействие военных и силовых структур по совершенствованию новых подходов, взглядов в методике преподавания, подготовке и обучении кадров. Важную роль в организации профилактической, воспитательной работы и подготовке кадров играют образовательные организации [1, с. 9–13].

25 сентября 2025 г. при президиуме Российской академии образования создан Научный совет по развитию образования в сфере оборонных отраслей с целью консолидации усилий профессионального сообщества по развитию научных исследований в области оборонных технологий, военного образования (военной педагогики, военной психологии, военной истории, военного права, военной экономики, военной медицины,

физической культуры и спорта) в Российской Федерации. Среди основных направлений деятельности совета выделим следующие:

– участие в разработке и реализации государственной образовательной политики в области развития военного образования для укрепления оборонных отраслей, военно-патриотического воспитания, военной педагогики, военной психологии, военной медицины;

– научное и методическое обеспечение разработки и реализации предложений по совершенствованию механизмов регулирования отношений в сфере социогуманитарного военного образования и подготовки кадров для оборонных отраслей (создание методологической базы, разработка учебно-методических материалов и проведение научных исследований для повышения эффективности образовательного процесса в военной сфере);

– участие в разработке технологий по противодействию влиянию идеологии экстремизма и терроризма;

– методологическое и научное сопровождение программ реабилитации участников боевых действий (разработка предложений и рекомендаций по внедрению опыта СВО в образовательный процесс вузов и военно-учебных центров);

– участие в деятельности специальных экспертных советов с целью осуществления своевременной актуализации проблематик тем диссертационных исследований, повышения эффективности контроля и оценки качества диссертаций; обобщение и распространение в Российской Федерации прогрессивного отечественного опыта развития профессионального образования в сфере оборонных отраслей;

– участие в осуществлении переподготовки и повышения квалификации военно-педагогических и военных кадров в сфере оборонных отраслей и оценка ее соответствия федеральным государственным требованиям и развитию современной военной науки и техники.

С учетом изложенного основные профессиональные образовательные программы, реализуемые в интересах обороны и безопасности страны, обеспечения законности и правопорядка в образовательных организациях, потребовали пересмотра и совершенствования подходов к обучению и проведению научных исследований в рассматриваемой сфере. В настоящее время работа в силовых структурах и правоохранительных органах ведется по нескольким ключевым направлениям. В первую очередь это касается изменения учебных планов. В рамках повышения оперативной готовности и повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников были последовательно реализованы комплексные мероприятия, направленные на отработку действий в особых условиях и с учетом специальной военной операции. Так, в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя, Омской академии МВД России, Академии ФСИН России и Томском ИПКР ФСИН России в программы высшего образования оперативно включены новые учебные дисциплины:

– «Деятельность органов и подразделений и основы управления служебным коллективом в условиях специальных правовых режимов»;

– «Особенности ведения специальных операций по поиску и задержанию вооруженных преступников вне населенных пунктов (горная и лесистая местность, прибрежные районы, акватории морских и речных бассейнов»;

– «Основные признаки осложнения оперативной обстановки при возникновении чрезвычайных обстоятельств и задачи учреждений и органов при чрезвычайных обстоятельствах»;

– «Организация взаимодействия учреждений и органов с федеральными органами исполнительной власти и органами местного самоуправления при возникновении чрезвычайных обстоятельств»;

– «Основы личной и коллективной безопасности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации при ведении специальных операций вне населенных пунктов»;

– «Беспилотные авиационные системы органов и подразделений»;

– «Основы противодействия применению беспилотных воздушных судов»;

– «Снайперская подготовка»;

– «Основы пилотирования БВС (межкафедральная факультативная дисциплина)»;

– «Тактическая медицина».

В программы дополнительного обучения высших учебных заведений МВД России и ФСИН России внесены коррективы и переработаны основные курсы профессионального обучения (приближенные к военной тематике):

– повышение квалификации по теме «Основы первой помощи и тактической медицины»;

– повышение квалификации сотрудников, привлекаемых к выполнению задач в период действия военного положения, специальных и иных операций: связанных с производством взрывных работ и работ со взрывчатыми материалами, с применением специальных средств и огнестрельного оружия; по выполнению задач с применением альпинистского снаряжения на высотных объектах или горных склонах (горная подготовка);

– повышение квалификации механиков-водителей БТР.

Так, в Кировском ИПКР ФСИН России проходят службу сотрудники, участвовавшие в специальной военной операции, и оказание им психологической помощи является очень актуальным, так как боевая психическая травма – это целый спектр изменений поведенческого, личностного и эмоционального характера. В рамках обучения слушателей по дополнительной профессиональной программе повышения квалификации выделена дисциплина «Психокоррекционная работа с сотрудниками», где особое внимание уделяется сотрудникам, участвующим в специальной военной операции. Профессорско-преподавательский состав кафедры кадровой, воспитательной и психологической работы в УИС информирует обучающихся об особенностях психологического воздействия на личность с целью изменения негативных установок, убеждений, мировоззренческих позиций, приемов психологической коррекции кризисных состояний личности сотрудников. Важной составляющей указанных практических занятий является определение психологами неблагоприятных последствий (стресс и травма) для сотрудника и его психологическая реабилитация.

Не менее важным является усиление практико-ориентированности. При этом особый акцент делается на формировании у сотрудников навыков действий в экстремальных ситуациях. Для желающих продолжить прохождение службы в подразделениях, выполняющих оперативно-служебные, служебно-боевые задачи, в том числе на новых территориях, в зоне проведения СВО, проводятся дополнительные занятия по тактико-специальной подготовке. В ходе занятий изучаются тактические приемы, обеспечивающие личную безопасность сотрудников при проведении оперативно-служебных, служебно-боевых и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на обнаружение и задержание лиц, совершивших особо тяжкие преступления с применением огнестрельного оружия.

Особое внимание обращено на развитие инфраструктуры. Так, в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя в процессе подготовки курсантов и сотрудников важным является ввод в образовательный процесс центров подготовки сотрудников к действиям в особых условиях, состоящих из комплекса специализированных лабораторий, стрелковых комплексов, полигонов, в том числе полигона тактической медицины. Осуществлены мероприятия по совершенствованию материально-технического обеспечения учебных занятий по дисциплинам специальной подготовки. На территории центра специальной и физической подготовки подготовлен открытый имитационно-тактический полигон с элементами фортификационных сооружений, где оформлены специальные учебные точки: часть опорного пункта в виде открытой и перекрытой траншеи в полный профиль и укрепленными бойницами; контрольно-проверочный пост из бетонных конструкций с противокумулятивной противодронной сеткой.

В Омской академии МВД России организована подготовка постоянного состава на загородных учебных базах, осуществляется проведение практических занятий, направленных на формирование у сотрудников умений и навыков применения оружия, иного специального вооружения, медицинских средств и бронезащиты, а также тактики действий при обстрелах и атаках беспилотных воздушных судов.

Безусловно, в развитии образовательного процесса должны присутствовать системный подход и наступательность [2, с. 5–8]. На наш взгляд, сфера образовательного процесса должна быть связана с необходимостью более активного задействования нашего потенциала в интересах обороны и безопасности страны не только в учебное, но и во внеурочное время. Реализацию этой идеи мы видим в двух аспектах:

– военно-патриотическая работа – это оказание помощи школам в вопросах военной подготовки, проведении, сопровождении и координации военно-патриотического воспитания молодежи средствами детско-юношеского общественного движения «Юнармия», парка «Патриот», военно-патриотических игр «Зарница» и других общественных патриотических движений, характерных для наших военных учебных заведений высшего образования, и формирование у молодого поколения готовности к защите Отечества. Ориентир современного Российского государства на сохранение и укрепление традиционных духовно нравственных ценностей непосредственно связан с целями и задачами профессиональной подготовки высококвалифицированных кадров, ответственных за судьбу страны. Необходимо отметить, что при осуществлении образовательного процесса для проведения занятий по развитию патриотических идей в условиях СВО, волонтерства и роли взаимопомощи в СВО привлекаются ветераны СВО;

– предупредительно-правовая работа – это оказание на обучающихся в гражданских учебных заведениях (школах, колледжах) профилактического воздействия со стороны курсантов военных вузов и вузов правоохранительных органов. Она может выражаться в формировании у молодежи неприятия деструктивного поведения через работу курсантских лекторских групп и юридических клиник, что характерно для Академии ФСИН России, Санкт-Петербургского университета МВД России.

Важное значение в образовательном процессе имеет взаимодействие с военными вузами. Примером может служить повышение квалификации сотрудников, прошедших подготовку и привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач с применением беспилотной авиационной системы в составе беспилотных воздушных судов комбинированного типа, в авиационных учебных центрах, не входящих в систему МВД России (Омская академия МВД России).

Совершенствование образовательного процесса связано с повышением требований к научным исследованиям, необходимостью соответствовать как критериям научной активности [3, с. 11–21], так и тенденциям развития оборонных и правоохранительных отраслей. Рассматривая правовые аспекты в сфере деятельности специального экспертного совета ВАК по гуманитарным наукам, отметим, что из общего количества представленных работ за последние три года по специальностям 5.1.4. Уголовно-правовые науки и 6.3.4. Военные науки в основном работы посвящены важным государственным вопросам: борьбе с преступностью, противодействию экстремистской и террористической деятельности и другим вопросам обеспечения обороны и безопасности страны, изучению и обобщению опыта СВО и выработке методических рекомендаций по внедрению их в практику и систему подготовки кадров. Обе специальности расширили возможности исследователей по изучению и решению проблем правового регулирования оборонной сферы.

Достижение целей, обозначенных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, возможно лишь при совместной, активной деятельности военных, правоохранительных органов и силовых структур, государственных и общественных организаций [4, с. 143–159].

Направления деятельности Научного совета по развитию образования в сфере оборонных отраслей при президиуме Российской академии образования, конечно, многогранны, и положительный результат их реализации возможен только при комплексном и научно обоснованном подходе к развитию образования, что позволит нам эффективно отвечать на вызовы современности.

Список источников

1. Выступление первого заместителя руководителя аппарата НАК И. В. Кулягина на IX Всероссийском научно-практическом форуме «Безопасность в науке и образовании» (Ростов-на-Дону, 26–28 июня 2024 г.) // Вестник национального антитеррористического комитета. 2024. № 2. С. 9–13.

2. Выступление заместителя руководителя аппарата – начальника управления «П» аппарата НАК А. П. Новикова «Актуальные направления совершенствования деятельности по противодействию идеологии терроризма» на Всероссийской практической конференции «Противодействие идеологии терроризма: направления совершенствования профилактической деятельности» (Красноярск, 29–31 мая 2024 г.) // Вестник национального антитеррористического комитета. 2024. № 2. С. 5–8.

3. Грачева Е. Ю., Васильева Т. А. Повышение качества диссертационных исследований: новые требования, новые проблемы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 1. С. 11–21.

4. Казанцев С. А. Экстремизм, методы информационного противодействия, распространения экстремизма, выявление лиц, содержащихся в учреждениях УИС, склонных к совершению преступлений экстремистской и террористической направленности // Петербургские пенитенциарные конференции : материалы конференций : в 4 т. СПб., 2021. Т. 2. С. 143–159.

References

1. 'Speech by I. V. Kulyagin, First Deputy Chief of Staff of the National Antiterrorist Committee, at the IX All-Russian Scientific and Practical Forum "Security in Science and Education" (June

26–28, 2024, Rostov-on-Don) 2024, *Bulletin of the National Antiterrorist Committee*, iss. 2, pp. 9–13.

2. 'Speech by Deputy Chief of Staff – Head of the "P" Department of the National Antiterrorist Committee A. P. Novikov "Current directions for improving activities to counter the ideology of terrorism" at the All-Russian Practical Conference "Countering the ideology of terrorism: directions for improving preventive activities" (May 29–31, 2024, Krasnoyarsk) 2024, *Bulletin of the National Antiterrorist Committee*, iss. 2, pp. 5–8.

3. Gracheva, E. Yu. & Vasilyeva, T. A. 2018, 'Improving the quality of dissertation research: new requirements, new problems', *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, vol. 13, iss. 1, pp. 11–21.

4. Kazantsev, S. A. 2021, 'Extremism, methods of information counteraction, spread of extremism, identification of persons held in correctional institutions those who are prone to committing extremist and terrorist crimes', in *St. Petersburg Penitentiary Conferences: conference proceedings*, in 4 vols, vol. II, pp. 143–159, St. Petersburg.

Информация об авторе

Н. В. Румянцев – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник (НИИ ФСИН России); профессор кафедры административного права (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

Information about the author

N. V. Rumyantsev – Sc.D (Law), Professor, chief researcher (Research Institute of the FPS of Russia); Professor of the Administrative Law Department (Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

Статья поступила в редакцию 17.11.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025; принята к публикации 10.02.2026.

The article was submitted 17.11.2025; approved after reviewing 23.12.2025; accepted for publication 10.02.2026.

ПЕРСОНАЛИИ

Персоналия
УДК 378.6:343.8-051

ТРИ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА. К ЮБИЛЕЮ ПОЧЕТНОГО РАБОТНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ПОЧЕТНОГО ГРАЖДАНИНА ГОРОДА РЯЗАНИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ВЕТЕРАНОВ АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА БОДЬКО

Михаил Иванович Кузнецов¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, mikhail_kuznetsov_1962@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1589-4214>

4 января текущего года исполнилось 75 лет Петру Петровичу Бодько, выпускнику Рязанской высшей школы МВД СССР 1978 г., прошедшему в учебном заведении служебный путь от слушателя до заместителя начальника по служебно-боевой подготовке. С 2012 г. он возглавляет ветеранскую организацию нашего вуза. Основные вехи биографии полковника внутренней службы П. П. Бодько были подробно изложены в опубликованных ранее материалах [1, 2]. Остановимся на его достижениях в истекшее пятилетие его жизнедеятельности.

П. П. Бодько избран заместителем председателя совета Общероссийской общественной организации ветеранов уголовно-исполнительной системы, курирует образовательные организации ФСИН России, вошел в состав общественной палаты г. Рязани, является первым заместителем председателя Рязанской региональной общественной организации «Российский Союз ветеранов».

В 2023 г. при непосредственном участии П. П. Бодько внесены существенные изменения в Устав ветеранской организации академии в соответствии с Федеральным законом о некоммерческих организациях, что позволило более эффективно осуществлять ее деятельность.

В 2024 г. перешел на работу помощником председателя Фонда содействия укреплению законности и правопорядка, войдя в состав его правления [3].

Стоит отметить, что П. П. Бодько заложена добрая традиция систематического опубликования материалов о людях, внесших значительный вклад в становление и развитие нашего учебного заведения, а также статей, посвященных ветеранам образовательной организации, служившим и работавшим в ней разные годы [4–8].

Особым для ветеранской организации вуза и ее председателя стал год 80-летия Победы. Установлены все участники сражений Великой Отечественной войны, в разное время служившие и работавшие в нашей образовательной организации, подробно описан их вклад в победу над нацизмом и японским милитаризмом [9].

© Кузнецов М. И., 2026

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

П. П. Бодько перед вручением свидетельства
о присвоении звания Почетного гражданина города Рязани (2023)

При активном личном участии П. П. Бодько и поддержке Фонда содействия укреплению законности и правопорядка 7 мая 2025 г. на одной из центральных аллей академии состоялось поистине историческое событие – был открыт памятник сотрудникам учебного заведения – участникам Великой Отечественной войны. На памятной стеле фамилии 69 фронтовиков, которые стояли у истоков Рязанской высшей школы МВД СССР, создавали и укрепляли лучшие традиции ведомственного вуза, передавали бесценный опыт следующим поколениям.

Следует подчеркнуть, что Региональная общественная организация ветеранов уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России благодаря слаженной работе ее совета во главе с председателем полковником внутренней службы П. П. Бодько заняла первое место во Всероссийском конкурсе среди ветеранских организаций территориальных органов и образовательных организаций ФСИН России, посвященном 80-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

С 2022 г. советом ветеранов академии осуществляется постоянная поддержка военнослужащих, участвующих в специальной военной операции на Украине.

Заслуги юбиляра по достоинству оценены на государственном, ведомственном и региональном уровне. Указом Президента России в марте 2024 г. он награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Награду вручил директор ФСИН России генерал внутренней службы Российской Федерации А. А. Гостев. Петр Петрович – лауреат премии имени генерал-майора внутренней службы В. Н. Кременецкого, учрежденной советом Общероссийской общественной организации ветеранов уголовно-исполнительной системы. В 2022 г. ему присвоено звание «Почетный ветеран Российского союза ветеранов». Кроме того, в 2023 г. решением Рязанской городской Думы П. П. Бодько присвоено звание «Почетный гражданин города Рязани». Удостоен знака «От благодарного Луганского народа».

Произошло значительное событие и в семейной жизни именинника. В мае прошлого года Победы и Защитника Отечества родилась внучка, которую нарекли Викторией.

Наш юбиляр не только любящий муж, прекрасный отец и счастливый дедушка, но и замечательный сын, постоянно заботящийся о своей маме – труженице тыла в годы Великой Отечественной войны, Вере Александровне, которой 7 января исполнилось 97 лет.

Руководство, постоянный и переменный состав, ветераны академии, ее выпускники сердечно поздравляют П. П. Бодько с юбилеем и желают ему отменного здоровья, неиссякаемой энергии и новых достижений на благо Отечества!

Список источников

1. Казанцев В. Н., Кузнецов М. И. Юбилей Петра Петровича Бодько // *Человек: преступление и наказание.* 2021. Т. 29(1–4), № 1. С. 145–146.
2. Связующая нить поколений // *Преступление и наказание.* 2021. № 1. С. 50–53.
3. 35 лет на службе людям. М. : Фонд содействия укреплению законности и правопорядка, 2025. 175 с.
4. Бодько П. П., Кузнецов М. И. Юбилей президента Фонда содействия укреплению законности и правопорядка, заслуженного юриста Российской Федерации, почетного профессора Академии ФСИН России, выпускника Рязанской высшей школы МВД СССР действительного государственного советника Российской Федерации 1 класса Николая Никитича Трошкина // *Человек: преступление и наказание.* 2021. Т. 29(1–4), № 3. С. 416–421.
5. Бодько П. П., Кузнецов М. И. Юбилей ветерана уголовно-исполнительной системы профессора генерал-майора внутренней службы в отставке Сергея Николаевича Пономарева // *Человек: преступление и наказание.* 2021. Т. 29(1–4), № 4. С. 566–569.
6. Бодько П. П., Кузнецов М. И. Юбилей Почетного работника уголовно-исполнительной системы, заместителя председателя комитета ветеранов академии ФСИН России полковника внутренней службы в отставке Александра Михайловича Хабарова // *Человек: преступление и наказание.* 2022. Т. 30(1–4), № 1. С. 114–116.
7. Бодько П. П., Кузнецов М. И. Юбилей профессора кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России доктора юридических наук, профессора, заслуженного профессора академии ФСИН России полковника внутренней службы в отставке Владимира Ивановича Огородникова // *Человек: преступление и наказание.* 2022. Т. 30(1–4), № 2. С. 266–268.
8. Бодько П. П., Кузнецов М. И. Полвека в учебном заведении // *Человек: преступление и наказание.* 2022. Т. 30(1–4), № 3. С. 497–499.
9. Бодько П. П. Сотрудники учебного заведения – участники Великой Отечественной войны // *Академия ФСИН России: история и современность / под общ. ред. С. М. Никитюка.* 4-е изд., перераб. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2024. С. 526–548.

Информация об авторе

М. И. Кузнецов – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и прൊбации.

Персоналия
УДК 378.6:343.8-051

К 100-ЛЕТИЮ УЧЕНОГО: НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА ЗАЙНУТДИНА АСТЕМИРОВИЧА АСТЕМИРОВА В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Евгений Владимирович Прысь¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, prys55@mail.ru

Академия ФСИН России – один из ведущих вузов не только в образовательной системе ведомства, но и в целом в сфере образования Российской Федерации. Отличительной чертой академии является ее постоянный рост, развитие буквально всех основных направлений деятельности, в авангарде которой, как это и должно быть, стоят образование и наука, а также служебно-прикладная и физическая подготовка, что позволяет выпускникам успешно применять полученные знания и навыки, боевое и спортивное мастерство в своей непростой, но высокозначимой для общества и государства профессии. Выпускниками академии становятся и представители зарубежных стран, а отдельные из них защитили кандидатские диссертации. Важной составляющей успешности вуза является современная учебно-техническая и лабораторная база. Академия, причем во все годы своей деятельности, постепенно наращивала и

совершенствовала методику преподавания, применяла основные методологические принципы в отработке прикладной деятельности органов, исполняющих наказания. Это стало возможным благодаря высококвалифицированному профессорско-преподавательскому составу, который в большинстве своем состоит из ученых-практиков. Как правило, профессорско-преподавательский состав пополняют молодые выпускники, получившие опыт работы в пенитенциарных учреждениях, как, впрочем, и в иных правоохранительных органах.

Успешность академии заключается и в том, что она активно сотрудничает не только со многими ведущими вузами страны, но и с зарубежными учебными заведениями. Такое взаимодействие стало возможным и потому, что академия является многонациональным и многоконфессиональным учебным заведением, что выступает мощнейшим сплачивающим фактором как работников академии, так и ее обучающихся. Причем тенденция дружбы, ощущение одной большой семьи позволяет успешно организовать обучение, равно как и развитие науки, что способствует внедрению ее результатов не

© Прысь Е. В., 2026

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

только в учебный процесс, но и в практическую деятельность пенитенциарных и иных правоохранительных органов.

Наш вуз с 1971 г. взрастил целую плеяду известных ученых, среди которых достойное место занимают Н. Г. Шурухнов, А. Я. Гришко, А. А. Чистяков и др. Но академия, пожалуй, не добилась бы таких высоких результатов, если бы во время своего становления руководящие позиции не заняли лучшие представители научного сообщества. Одним из таких представителей был Зайнутдин Астемирович Астемиров – заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. Его биография впечатляет должностями, на которые З. А. Астемиров назначался во время своей трудовой деятельности. Так, с 1995 по 1971 год он занимал в системе высшего образования учреждений довольно высокие должности, например, заведующего кафедрой, начальником Ростовского отделения Высшей школы МВД СССР, а с 1972 по 1977 год был проректором Рязанской высшей школы МВД СССР по научной работе [1, с. 76–77]. После увольнения в запас переехал к себе на малую родину в Дагестан и работал там заведующим кафедрой уголовного права и процесса. Зайнутдин Астемиров – участник конституционного строительства республики Дагестан. Он являлся координатором проблем криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права в Северокавказском центре высшей школы [2].

З. А. Астемиров является автором более 200 научных работ, включая семь монографий и 15 учебных пособий (учебников). Его работы получили признание как в России, так и за рубежом. Подготовил 60 кандидатов наук и 7 докторов юридических наук [3].

За свои достижения З. А. Астемиров удостоен ряда высоких почетных званий и наград: заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессорского образования Российской Федерации, заслуженный работник МВД СССР, медали «За боевые заслуги», «За Победу в Великой Отечественной войне» и «Ветеран труда» [4, с. 13–14].

Такой легендарный жизненный путь З. А. Астемирова заслуживает внимания и уважения. Особые слова благодарности ему необходимо сказать за работу в становлении науки и соответственно учебного процесса в период работы в нашем вузе.

Благодаря великолепным способностям управленца, прекрасным качествам исследователя-аналитика, зажигательного оратора, психолога З. А. Астемиров с первых дней работы в качестве проректора стал активно заниматься реализацией своих должностных обязанностей. Он был инициатором проведения вузовских, межвузовских, всероссийских, всесоюзных и международных научно-практических конференций, участвовал в подготовке учебников и иной образовательной и научной литературы. При его соавторстве были изданы фундаментальные работы. Это учебники по исправительно-трудовому праву, исправительно-трудовой психологии и учебное пособие «Исправительные учреждения в зарубежных странах». Они являются первыми учебниками в сфере пенитенциарного, профессионального образования.

Важным фактором начала успешности нашего вуза стало то, что соответствующая деятельность была направлена на создание оптимальных условий для эффективной подготовки специалистов для работы в пенитенциарных учреждениях. Причем первоначальной задачей, поставленной перед профессорско-преподавательским составом Рязанской высшей школы МВД СССР со дня ее открытия, являлась подготовка специалистов по уровню образования, не уступающему лучшим вузам страны.

Нужно отметить, что не каждый вуз может назвать лауреатов конкурсов из числа обучающихся, тем более победителей в престижных по тем временам научных конкурсах СССР. Рязанская высшая школа МВД СССР уже в первые годы чествовала победителей всероссийских, всесоюзных студенческих конкурсов. Автору данной статьи выпала честь быть одним из первых лауреатов одного из таких конкурсов.

З. А. Астемиров лично участвовал в качестве профессора в учебном процессе. Систематически на ученом совете и на совещаниях при начальнике Рязанской высшей школе МВД СССР вносил конструктивные предложения, которые реально позволили совершенствовать учебный процесс, прививая позитивное отношение к избранной профессии и любовь к учебе и науке.

З. А. Астемиров создал обстановку для научного творчества, что способствовало успешной деятельности научных кружков и студенческих лабораторий. Он инициировал открытие новых специальностей, новых кафедр, занимался организацией научно-издательских органов. Благодаря ему в Рязанской высшей школе МВД СССР было заложено начало подготовки научно-педагогических кадров. З. А. Астемиров справедливо считал, что научно-исследовательская деятельность является питательной основой для развития качественного высшего образования.

Полагаем, что данная статья представляет собой визитную карточку в мир науки, которую открыл профессор З. А. Астемиров. Мы убеждены, что феномен З. А. Астемирова – русского дагестанца и мусульманина, великого ученого, талантливого психолога, управленца, патриота и творца высшей школы нам только предстоит изучить. Изучить для того, чтобы лучше познать приоритеты нашего родного вуза, который развивается и постепенно наращивает свой научный и образовательный потенциал.

Список источников

1. Рамазанов Т. Б., Шапиев С. М., Зиядова Д. З., Абасова С. А. «Он живет в наших сердцах»: памяти Зайнудина Астемировича Астемирова // Проблемы экономики и юридической практики. 2016. № 5. С. 76–77.
2. Образование. Наука. Научные кадры. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 317 с.
3. Асланов Р. М., Кузина Н. Г., Столярова И. В. Педагоги-математики. Историко-математические очерки : монография. М. : Прометей, 2015. 525 с.
4. Рамазанов Т. Б., Шапиев С. М., Зиядова Д. З., Гаджиева А. А., Абасова С. А. Выдающиеся ученые МВД. Профессор Зайнудин Астемирович Астемиров // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 13–14.

Информация об авторе

Е. В. Прысь – кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

